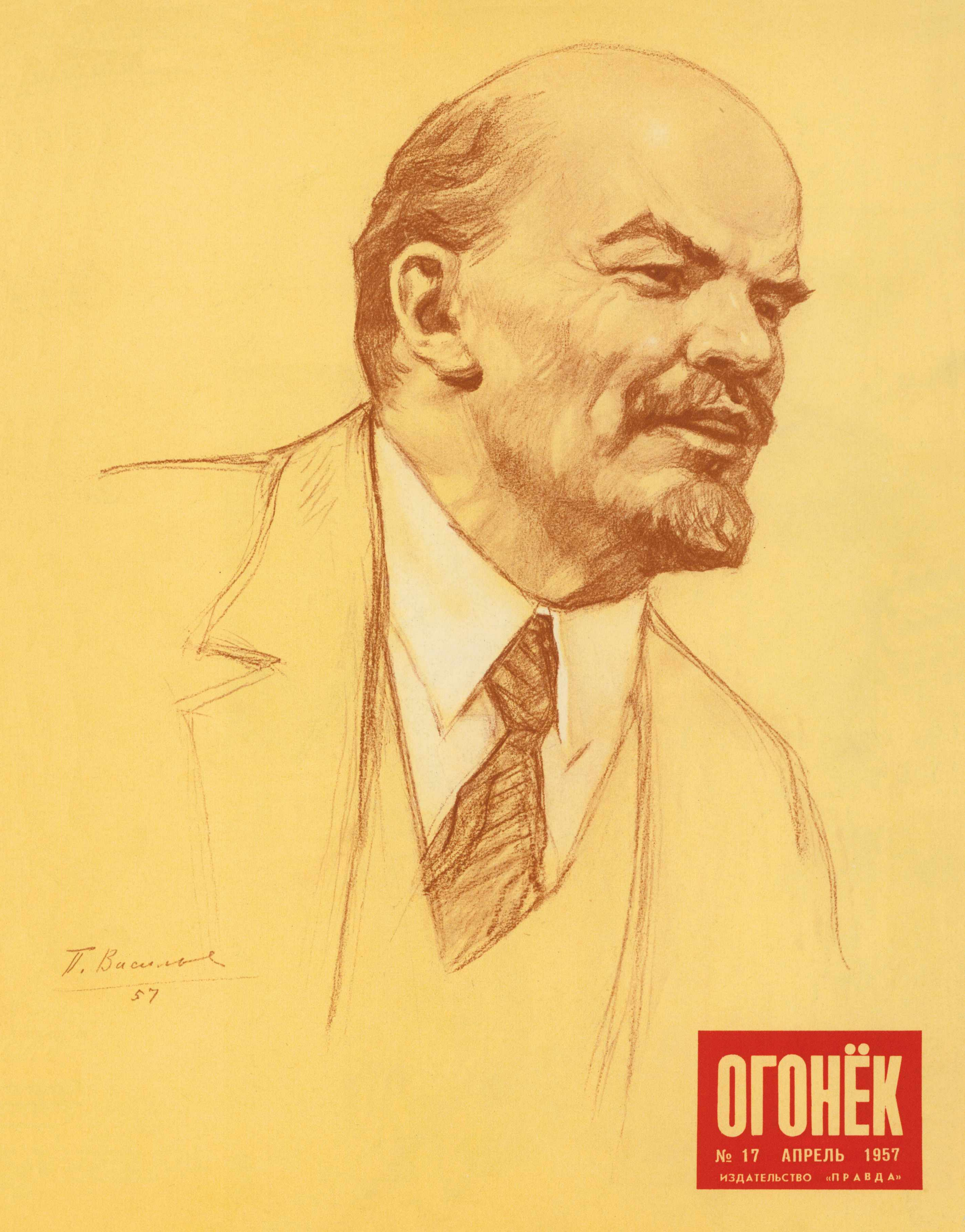

ОГОНЁК
№ 17 АПРЕЛЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Туркменская ССР. Студентки Красноводского педагогического училища Энегуль Алиева, Эджеджан Назарова и Ниязгюль Оразниязова.

Фото Я. Берлинера.

На первой странице обложки: В. И. Ленин. Рисунок П. В. Васильева.

На последней странице обложки: Ленинград. На стрелке Васильевского острова. Рисунок В. П. Высоцкого.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 17 (1558) 21 АПРЕЛЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В Советском Союзе гостила Правительственно-партийная делегация Народной Республики Албании, прибывшая в нашу страну с дружественным визитом по приглашению Советского правительства и Центрального Комитета КПСС.

Наши гости побывали в разных городах и районах Советского Союза. И везде, где бы ни были представители братского албанского народа, советские люди встречали их с неизменной теплотой и сердечностью.

«...Чувства дружбы и любви к нашему народу питает... славный советский народ...— говорил товарищ Энвер Ходжа, обращаясь к советским людям.— Это мы всегда видели, это мы видим и в дни нашего пребывания в Советском Союзе. Это мы видим в ваших глазах, на ваших лицах, в теплоте и в братской заботе, которыми вы окружаете нас».

На третий день после прибытия албанских гостей в нашу страну начались переговоры между Правительственно-партийными делегациями Советского Союза и Народной Республики Албании. Они проходили в сердечной, братской обстановке и закончились подписанием Совместной Советско-Албанской Декларации, а также Заявления о переговорах между делегациями Коммунистической партии Советского Союза и Албанской партии труда. Эти документы призваны сыграть большую роль в дальнейшем развитии дружбы между нашими народами.

На снимке: прием в посольстве Народной Республики Албании. Слева направо: глава делегации Председатель Совета Министров Народной Республики Албании Мехмет Шеху, Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев, Первый секретарь Центрального Комитета Албанской партии труда и член Президиума Народного собрания Энвер Ходжа.

Фото Е. Умнова.

ПРЕБЫВАНИЕ К. Е. ВОРОШИЛОВА В

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов и Председатель Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дун на Пекинском аэродроме.

Товарищи К. Е. Ворошилов и Мао Цзэ-дун обнимаются и целуются по русскому обычаю.

Москва—Пекин

А. СОФРОНОВ

Фото **Дм. Бальтерманца.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

О самолете «ТУ-104» уже немало писали в нашей печати. Подробно освещены все его новые рейсы, рассказано о сказочной быстроте полета. И все же это — неповторимое ощущение: перелететь из Москвы в Пекин за восемь с небольшим летных часов.

Кажется, только что состоялись проводы Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова на Внуковском аэродроме, где ему сердечно пожелали доброго пути руководители Коммунистической партии и Советского правительства. И вот уже гигантская стрела «ТУ-104» устремляется в ночное небо. Одну — две минуты мы еще видим убегающие внизу огни, а затем стрела пронзает облака, несется над белым матово-серебряным полем, залитым холодным светом апрельской луны. Ровно работают турбины.

Мысленно обращаешься к карте: какое огромное расстояние отделяет Москву от Пекина! Сколько лежит внизу гор и лесов, степей и рек! Прошел час полета, стрелка — на 12 часах ночи. Нам сообщают: уже пройдена Казань. Пассажиры самолета, сопровождающие советского президента, не спят. Настроение у всех немного приподнятое.

Самолет несется навстречу рассвету. И когда часы показывают 2 часа по московскому времени, в Омске уже 5. Прохладный рассвет окутал аэродром. Еще 3 часа полета. Внизу свинцовые воды Ангары.

Стрелы подъемных кранов, строительные площадки, фабричные корпуса... «ТУ-104» снижается над Иркутском. Из окна самолета видны массы людей, пришедших встретить Климента Ефремовича Ворошилова, передать от сибиряков сердечные приветы братскому китайскому народу.

Товарищ Ворошилов выходит из самолета. Его горячо приветствуют иркутяне. Руководители партийных и советских организаций приглашают гостей позавтракать. В небольшом ресторане Иркутского аэропорта накрыты столы. Подается уха.

— Мы в это время в Москве не привыкли обедать, — говорит К. Е. Ворошилов, смотря на часы. — Половина седьмого утра.

— А у нас уже половина двенадцатого, — отвечают иркутяне. — Попробуйте ухи... Уха из байкальского омуля.

— Бываете ли вы на Байкале? — спрашивает Ворошилов иркутян.

Хозяева улыбаются: еще бы, Байкал рядом!

Климент Ефремович рассказывает, как ему довелось когда-то бывать на Байкале, вспоминает байкальскую прозрачную до дна воду.

За столом завязывается беседа. Кто-то вспоминает годы гражданской войны. Ворошилов говорит о том, каким мощным будет Иркутский промышленный узел после районирования.

...И по московскому и по иркутскому времени часы говорят одно: пора в путь.

— Переведите часы, Климент Ефремович. В Пекине такое же время, как в Иркутске.

Вот уже тепло провожаемый трудящимися Иркутска товарищ Ворошилов поднимается по высокой лестнице самолета. Стрела снова взмывает в небо.

В окна самолета брызжет яркий солнечный свет. Стюардесса сообщает:

— Сейчас пойдем над Байкалом.

И в самом деле, под крыльями самолета виден Байкал, покрытый ледяным панцирем. Невысокие горы обступают его изломанные берега...

Как всегда в полете, границу пересекаем незаметно. В «ТУ-104» заметить это еще труднее: летим на высоте 10 тысяч метров. Но вот, словно по приказанию, рассеялись облака. Под нами земли и горы Китая. Раннюю весну ощущаешь и на большой высоте. Горные хреб-

КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

ты еще покрыты снегом, а земля в долинах серовато-коричневая, лишенная зеленого покрова. Самолет снижается. Внизу видны четко разграфленные поля. Вот уже замелькали постройки.

— Подлетаем к Пекину! — взволнованно говорит стюардесса.

Все прильнули к окнам.

Вот оно, широкое поле аэродрома. И вдруг словно врываются в окна толпы людей, бесчисленные развевающиеся на ветру разноцветные знамена. О, сколько людей пришло на аэродром Наньюань встретить Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Ворошилова! Тысячи, десятки тысяч людей!

Самолет останавливается. Климент Ефремович пожимает руку послу КНР товарищу Лю Сяо, сопровождающему его из Москвы в Пекин.

— Вот и приехали в Китай, — говорит он просто.

Открываются двери самолета, и буря приветственных возгласов проносится над аэродромом. К. Е. Ворошилов крепко пожимает руку товарища Мао Цзэ-дуна. Здесь же товарищи Чжу Дэ, Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лай, посол СССР в КНР П. Ф. Юдин.

Товарищ Мао Цзэ-дун сердечно здоровается со всеми гостями. Он такой же, каким мы привыкли его видеть на портретах,—в сером простом костюме, с непокрытой головой, добрыми, спокойными глазами..

На аэродроме гремит оркестр, мы безошибочно узнаем мелодию песни «Москва — Пекин». Со всех сторон несутся возгласы:

— Да здравствует дружба народов Китая и Советского Союза!

— Да здравствует товарищ Ворошилов!

— Да здравствует Советский Союз!

Климент Ефремович Ворошилов и товарищ Мао Цзэ-дун обходят ряды прибывших на встречу партийных и государственных деятелей Китая. К товарищу Ворошилову подбегают девушки в национальных костюмах, в руках у них большие букеты цветов. Они дарят цветы Клименту Ефремовичу, вручают цветы всем приехавшим и, улыбаясь, говорят по-русски:

— Здравствуйте!..

В Пекине тепло. Ярко светит солнце. Дует легкий ветерок, колебля тысячи знамен на легких бамбуковых шестах.

— Сегодня хорошая погода, — говорит мне переводчик, — совсем недавно шел снег, холодный дождь. Был большой ветер, а сейчас тепло.

Да, здесь тепло от всего: от весеннего солнца и легкого ветерка, а главное, от того тепла, которое излучают тысячи глаз, тысячи дружеских рук, от сердечных приветственных слов, от того, что так рядом, так близко, так вместе Москва и Пекин.

В день прибытия К. Е. Ворошилов нанес визит Председателю КНР товарищу Мао Цзэ-дуну.

Поднявшись на небольшое возвышение, товарищ Мао Цзэ-дун произносит дружескую приветственную речь. Сердечную речь произносит товарищ Ворошилов. Громом аплодисментов встречают собравшиеся на аэродроме братское объятие Председателей двух великих стран.

Путь с аэродрома в резиденцию Председателя Мао Цзэ-дуна. В открытой машине, возглавляя длинный кортеж, приветствуемые стоящими с двух сторон жителями Пекина,— товарищи Мао Цзэ-дун и К. Е. Ворошилов. Говорят, расстояние от аэродрома до резиденции — 12 километров, но как можно измерить расстояние, когда вдоль дороги сотни тысяч людей, улыбающихся, машущих руками!.. Это была дорога любви и дружбы, дорога вечного единства.

Студенты, школьники, рабочие, молодые и старые...

— Да здравствует дружба!

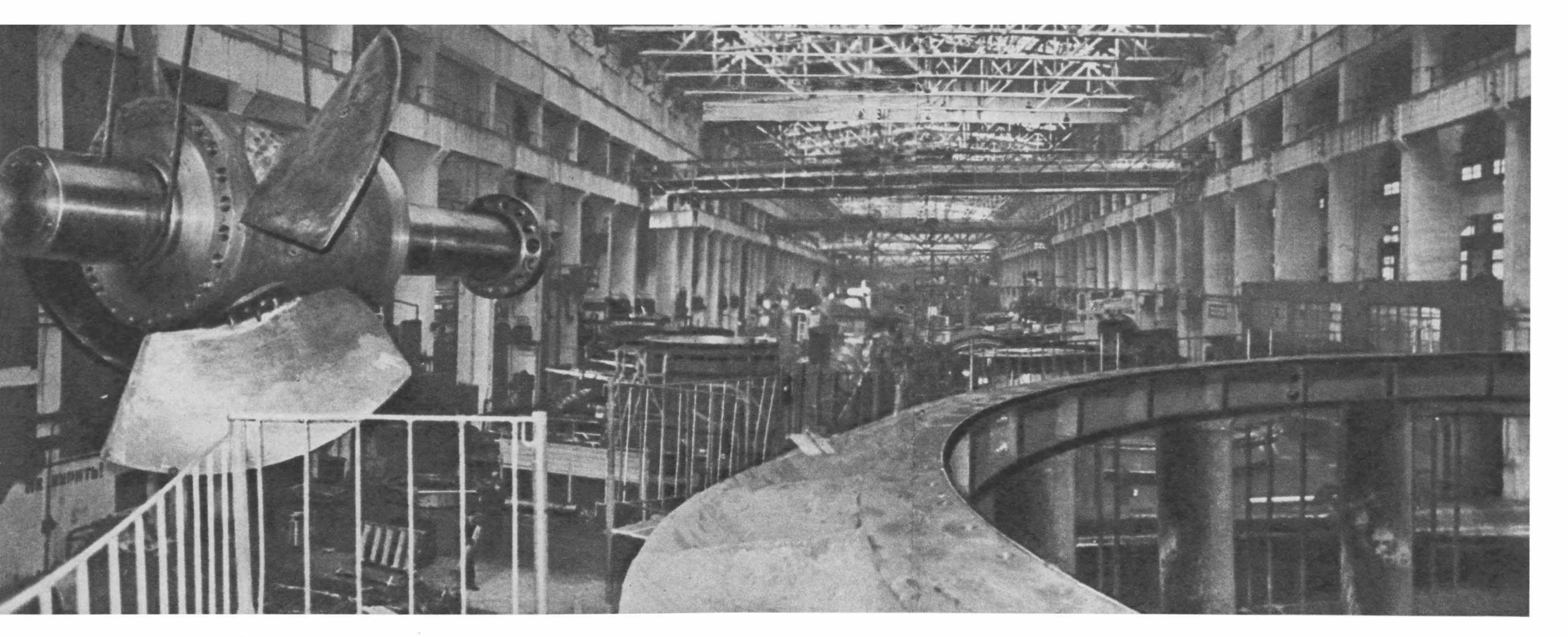
— Да здравствует мир!

За спинами людей деревца, едва тронутые первой зеленью. По маленьким озерцам и каналам бежит тонкая рябь, с полей тянет мягкой весенней прелью. Звенят самодеятельные оркестры, бьют барабаны, гонги. На воздвигнутых арках плакаты со словами привета. Медленно движется машина, на которой, поддерживая друг друга, стоят Мао Цзэ-дун и Ворошилов. На всем их пути из репродукторов льется мелодия песни «Москва — Пекин». Это словно символ неразрывной дружбы китайского и советского народов, символ мира, символ счастливого будущего наших народов.

Пекин, 15 апреля (по телефону).

Товарищи К. Е. Ворошилов и Мао Цзэ-дун направляются с аэродрома к центру города.

Панорама гидротурбинного цеха. Слева рабочее колесо гидротурбины для Камской ГЭС — новинка гидротурбостроения.

Думают выборжцы...

Г. РАДОВ, К. ЧЕРЕВКОВ

Вы сворачиваете с Литейного моста на Выборгскую и попадаете в царство заводов. Нет, не будем приукрашивать: по внешности это не самые видные заводы в государстве. На Урале и в Сибири наверняка выросли заводы и побольше и понарядней. А тут, миновав любую проходную, вы словно начинаете читать биографию русской промышленности. Стоят приземистые, толстостенные, мрачноватые цехи из красного прокопченного кирпича — их закладывали еще в начале прошлого века. Рядом высятся серые бетонные строения — ровесники довоенных пятилеток. Кое-где из-за древних стен показываются светлые современные постройки — это сделано уже после войны.

Все дышит историей на Выборгской стороне. Не только биография промышленности, а и биография революции и пятилеток запечатлена в этом районе чертами неизгладимыми. И все-таки не одной историей дорогá людям Выборгская сторона. Как-то так случается, что в дни крутых подъемов и поворотов, совершаемых нашей страной, голоса выборжцев звучат в народе особенно громко, внятно и убедительно. И тогда припоминается, что именно тут, на Выборгской, сорок лет назад апрельской ночью встречали воротившегося на родину Владимира Ильича; и что именно здесь в двадцать девятом году подписали первый договор на социалистическое соревнование; и что движение скоростников, рекой разлившееся по стране после войны, родилось на Выборгской, его запевалами были металлисты.

И вот вновь задумалась Выборгская сторона. Подойдешь к газетному щиту, прислушаешься к разговору в заводской столовой, ненароком остановишься посреди цехового пролета, где сошлись перекурить два соседа-мастера, зайдешь на собрание — и всюду одна тема...

Как дальше управлять промышленностью — вот о чем нынче ведут выборжцы большой разговор. Толкуют взволнованно, озабоченно, спорят жарко, а порой и гневно, и, ей-же-ей, непосвященный слушатель может насторожиться. Уж не худо ли стало на Выборгской? Может, потому люди и требуют радикальных мер, что заводы отстали, срывают планы, а техника топчется на месте?!

Заходим в знакомый гидротурбинный цех Металлического завода. Цех — красавец! Он заложен еще во вторую пятилетку, и тогда же Серго Орджоникидзе в шутку сказал заводским людям: «Ах, хитрецы! Просили денег на цех, а построили завод!» С тех пор цех не расширялся. Те же стены... Но в тех же стенах цех в прошлом году выпустил впятеро больше турбин по мощности, чем в 1950 году... Впятеро за одну пятилетку! Вот как «худо» на Выборгской...

Помнится, минувшей весной мы толковали тут с токарем Леонидом Ивановичем Поповым, и он, делегат Двадцатого съезда партии, рассказывал, как горяча была битва заводских людей за освоение куйбышевских турбин. Попова каждую минуту отвлекали: цех воевал за досрочный выпуск тринадцатой турбины, и всюду требовалось его — секретаря партбюро — участие. И вот мы снова идем по цеху с Леонидом Ивановичем, и так же, как год назад, в конце пролета высится статор турбины... Но это уже не куйбышевская, а ее родная сестра. Гидротурбинщики сполна оснастили величайшую гидростанцию в мире и работают на Сталинград. Куйбышевские и сталинградские турбины — сестры: их делают по одному проекту. Значит, в этом нет перемен?

— Есть небольшая, — сдержанно замечает Попов. — Первая сталинградская турбина обойдется примерно на четыре миллиона рублей дешевле, чем стоили первые куйбышевские...

На четыре миллиона! Пока мы прикидываем, сколько ума, таланта и изобретательской дерзости вложил цех в эти четыре сбереженных миллиона, Попов то и дело поглядывает вверх. Там, над пролетом, купаясь в лучах апрельского солнца, величаво, как гигантская рыба, проплывает оперенное плавниками-лопастями рабочее колесо какой-то незнакомой турбины. Это новинка — первая опытная полупрямоточная турбина для Камской ГЭС. Ее поставят непосредственно в плотину электростанции, и хотя она будет и поменьше и полегче соседок, но энергии даст больше.

Нет, не от плохой жизни идет крупный разговор в цехах Выборгской стороны. Выросли, растут, шагают заводы, и именно потому, что они выросли, тесно им, тесно в министерских и ведомственных обручах!

Об обручах, барьерах, заборах говорят в эти дни особенно гневно.

— Полюбуйтесь! — негодуя, указал нам на гору стружки Василий Ильич Лемисов, бригадир сборки, чьи руки касались всех турбин Куйбышева.— Полюбуйтесь на эту стружечку! Откуда мы получаем литье? Из Краматорска, с Донбасса! А стружка от нас куда поедет? В Челябинск... Это ж надо додуматься: гнать стружку из Ленинграда на Урал, где масса своих вагранок! А почему? Заборы! Всяк хозяин по-своему гоняет металл по стране...

Начальник цеха Н. И. Кондрашин на собрании гидротурбинщиков повторил то место из тезисов доклада Н. С. Хрущева, где говорится о Ленинграде. Да, партия подметила то, что не раз возмущало выборжцев... Завод «Станколит» ежегодно отправляет литье из Ленинграда, а здесь же, на Выборгской стороне, его сосед — завод имени Свердлова — вынужден строить новый литейный цех!

— Беда не только во встречных перевозках, — сказал Н. И. Кондрашин. — Беда в том, что ведомственность вообще мешала нормальным связям между заводами. Вот, допустим, нам надо спаривать валы, растачивать в них отверстия. Станка подходящего нет, сигнализируем в министерство. Ну, а там привыкли все до гвоздя делать в своем ведомстве, заказывают конструкторам уникальный станок. Получаем чертежи... Батюшки! Громадина, корабль, миллионная стоимость, а для чего? Нам всего-то в месяц приходится растачивать шестнадцать отверстий в валах! Отказываемся от уникального, узнаем, что по соседству, на судостроительном заводе, простаивают два таких же станка. Просим судостроителей о помощи. Куда там! Другое министерство! Выдвигают кабальнейшие условия, затевают переписку. А станки стоят попрежнему... Анекдот? Горький анекдот...

— А с зарплатой — сладкий? — возмущается инженер Л. Н. Брук. — Возьмите стропальщиков. Профессия распространеннейшая в Ленинграде, и что ни завод, то свои расценки! Электрокарщица перевелась к нам в цех с соседнего завода. Улицу перешла девушка, и заработок резко снизился. Почему? У нас-то электрокарщиц оплачивают по третьему разряду, а у соседей — они другого министерства — по пятому. Нет, пора ломать эти заборы!

Пора ломать! С кем ни поговоришь, кого ни послушаешь — все в один голос: пора ломать! Но как ломать?

В цехе на всеобщее обсуждение и критику вывесили проект-схему нового управления промышленностью. Ленинградский экономический район... Шестьсот заводов... Совнархоз... Отделы... Главки... Тресты...

— Здорово! — указывая на схему, говорит Кондрашин. — Вся промышленность города под одной крышей. Не будем гонять стружку за тридевять земель. Подружимся с соседями. Здорово!

— Здорово-то здорово,— кивает нормировщик Баукин, — да

не много ли будет народу в новых органах? Сколько, говоришь, думают посадить служащих в Совнархоз? Пятьсот? А главков сколько! И там, считай, по двести сотрудников... Не забросают заводы бумагами?

— Некуда будет писать бумаги! — решительно говорит Кондрашин. — Главки-то разместятся у нас, в Ленинграде. Тридцать копеек на трамвай — вот тебе и все командировочные... А сейчас? Поезда битком набиты служилым людом. На «Стрелу» билет не достанешь! За каждым пустяком ездим в столицу...

Смена давно окончилась, но люди не расходятся, сгрудились у схемы, пристально разглядывают кружочки и клеточки, дотошно, взыскательно толкуют о том, как бы устроить новое управление получше и подешевле.

— Все-таки многовато! — замечает пожилой рабочий. — Многовато наметили служащих! Не одних денег жаль, людей жаль... Вы вспомните войну. Блокада-то отрезала нас от страны, самим пришлось обеспечивать промышленность. Кто же командовал? Командовал уполномоченный Госплана, а при нем шестьдесят человек. Шестьдесят, а не тысячи!

— Эко хватил — войну! Да такая ли тогда была промышленность?

— И все-таки не забывай про военный опыт. Тогда бумаг писали меньше! Жизнь заставляла...

— Нет, погодите, — вступает в спор подтянутый молодой техник А. С. Плагов. — Погодите шуметь. Давайте разбирать конкретно. Присмотритесь-ка к схеме: что тут написано? Отдел технической информации? А это? Отдел научно-технической пропаганды? Нельзя их соединить? К чему лишний начальник по пропаганде, когда есть начальник по информации? Ох, тут еще и еще надо продумывать...

— А может, и области укрупнить для удобства? — задумчиво говорит мастер М. С. Бородачев. — Ишь, как намельчили: Новгородская, Псковская... Неужто так трудно управлять из Ленинграда? Раз создаем экономический район из трех областей, — может, укрупнить и партийное руководство? И Советы? И профсоюзы?

Нет, что там скрывать, слышатся и наивные голоса: ну, мол, упраздним министерства, сломаем заборы, и все пойдет само собой... К счастью, наивные эти голоса тонут в общем хоре. «Ураоптимистов» в цехах почти не встречается. Господствует другое, совсем другое, трезвое настроение... Недавно тут, на Выборгской стороне, прошла массовая конференция рабочих читателей по очеркам Валентина Овечкина, и мы не удивились, когда наш собеседник в цехе сослался на одного из героев овечкинской повести «С фронтовым приветом».

— Помнишь, как говорил комбат Петренко: «Вхóдите, друзья, в новый дом — оботрите ноги на ступеньках!»? Вот так бы я и сказал товарищам, которые перейдут на работу в совнархозы: оботрите ноги на ступеньках! Не заносите в новый дом старых грехов: бюрократизма, формализма, канцелярщины, черствости, трусости...

Да, оботрите ноги на ступеньках! Совнархозы еще не созданы, а народ уже по-хозяйски, бережно и вместе с тем строго толкует о том, как они будут работать... Мы сидим у заместителя начальника цеха Константина Прокофьевича Пучкова, и он, человек немногословный, вдумчивый, с глубокой озабоченностью говорит о том, чтó бы он хотел видеть в новых органах управления и чего бы он там не хотел видеть...

— Нигилистов я терпеть не могу! — сурово говорит он. — Когда у нас огульно охаивают старую систему управления — это безобразие! С этой системой мы, слава богу, вон какую промышленность вырастили! Да, конечно, ведомственность нам теперь мешает, и мы вовремя с ней прощаемся... Но есть пороки, так сказать, неорганические, которые могут появиться в любом органе — будь то министерство или Совнархоз.

— Что вы имеете в виду, Константин Прокофьевич?

— Не хотел бы я, например, чтобы Совнархоз или его главк требовали от нас работы во имя бумаги, как это порой случалось в министерстве. Есть еще такие догматики, им дай план для плана!.. Пример? Пожалуйста. К новому году мы сделали двадцать куйбышевских турбин. Читали вы в «Правде» статью главного инженера «Куйбышевгидростроя»? Сколько в Куйбышеве установили наших турбин? Двенадцать! Монтируют тринадцатую и четырнадцатую, хотя уже апрель! Шесть турбин много месяцев ждут своей очереди.

— Значит, надо было растянуть производство турбин?

— Надо подходить по-государственному! «Электросила» вон до марта делала генераторы к нашим турбинам. Раз сложилась такая ситуация, не надо было в декабре прошлого года спрашивать с нас двадцатую турбину, а надо было спросить щековые дробилки, которые как воздух нужны металлургам! Сегодня нужны, понимаете? А нас во имя плана, во имя бумаги заставили бросить дробилки и вовсю гнать двадцатую турбину, которая спокойненько улеглась на склад. Ясен пример? Да разве он один? Редко ли бывает, что завод из кожи лезет, досрочно сдает машину, а она потом валяется на складе?.. Нельзя превращать план в икону, надо гибко руководить... Возьмите камскую турбину. К началу декабря мы не получили на нее литье, а делать ее нужно полтора — два месяца. Мог завод выдать ее в декабре? Нет, конечно. Это было ясно и главку и министру. Но план есть план! От нас потребовали все-таки в декабре камскую турбину, и хотя мы так и не получили тогда литья, цех был наказан, лишен премии. За что пострадал коллектив? Бывало, что мы и хуже работали, а получали премии, а тут цех выдал продукции на двенадцать миллионов, поработал со всем напряжением и, здравствуйте, наказан за чужие грехи!..

Пучков задумывается, а мы припоминаем то, что слыхали об этом командире производства. Это инженер не из тех, что сперва получили диплом, а уже потом щупали руками металл. Человек этот побывал и на самой первой, но самой главной ступени производства, за станком, и, может, поэтому он так быстро поднялся к техническому руководству виднейшим цехом государства.

— Нет, не хочу я видеть в Совнархозе форму ради формы, — повторяет он. — Вот, положим, проблема себестоимости... Когда мы впервые произносим это слово? Когда освоим машину! Освоим, ахнем, что дорого, и начинаем снижать... А я бы начинал с этого! Конструктору задавать себестоимость! Так и сказать ему: спроектируй, друг, машину, чтобы она стоила не дороже такой-то суммы. Вот тогда он волей-неволей вынужден будет тянуться к самым новейшим новшествам... А потом всех связать рублем! И за качество спрашивать со всех, от кого оно зависит. А сейчас с кого спрашивают, кого наказывают? Только тех, кто выпускает машину... А поставщики? Вот вам Невский машиностроительный завод, заслуженный, прославленный, кадры у него великолепные. Свои машины он выпускает с иголочки, дорожит маркой. А нам какое поставляет литье? Стыдно смотреть! По две тонны электродов загоняем в отливку, чтобы заварить все трещины и раковины... А кого за это наказывают? Только государственный кошелек. Составим мы рекламацию, завод перечислит нам деньги из государственного кармана, а с бракоделов взятки гладки... Разве так можно? Вот еще задачка совнархозам — подтянуть поставщиков!

Мы говорим о качестве, кооперации, нормах, штатах, о подготовке инженеров. Пучков улыбается:

— Была когда-то такая поговорка: «Сверху видней...» А вот послушаешь, — он кивнул на цех, — выходит, что и снизу хорошо видно...

И снизу хорошо видно! Мы выходим с завода вместе с Василием Михайловичем Бирюковым, известнейшим в Ленинграде новатором, чье имя в свое время знала вся страна. Токарь, он без отрыва от производства окончил техникум и теперь работает технологом.

— Знаете, что мне понравилось в новой схеме? — спросил он. — Название! Совет народного хозяйства... Название! Совет народного хозяйства... Хорошо звучит! Со-вет! В самом названии зародыш демократизма! Побольше бы он с нами советовался... А то министерства, что там скрывать, далековато жили от нашего брата! Ну, директоров, положим, вызывали, а что до изобретателей, рядовых рабочих, то их приглашали только в особых случаях... Да и с новаторами-то получалось как-то неладно. Прислушайтесь: одни и те же фамилии звучат в Ленинграде: Дубинин, Карасев, Леонов, Зайченко, Дмитриев... Хорошие люди, не спорю, но что-то не слыхать новых имен! Заводы-то, видишь, были отгорожены друг от друга министерствами — вот и людей было трудненько приметить. А будет Совнархоз — ему и карты в руки! Собирай почаще новаторов, советуйся, привлекай их к работе...

Он помолчал и добавил, оглядываясь на завод:

— А приметили, как много сейчас говорят о недостатках в управлении? Это неспроста говорят. Заводы работают здорово, а толкуем о недостатках. Почему? Хочется, чтоб их не было вовсе... Я бы знаешь, что сделал? Собрал бы я, как говорится, в кучу всю критику, переписал бы все недостатки министерств, главков, заводов, управлений и вывесил этот списочек в совнархозах. Вывесил бы, а сверху лозунг прибил: «Не повторяйте этого, товарищи новые руководители!..»

Он улыбнулся собственной выдумке, попрощался и зашагал вдоль только что очистившейся от льда Невы, солдат великой армии, чьим трудом и чьей мудростью движется вперед наше дело...

— Рассмотрим-ка схему Совнархоза!

Фото Б. Уткина.

...ЗЕЛЕНО ВЕЧНОЕ ДЕРЕВО ЖИЗНИ

Борис ГАЛИН

Недавно в мои руки попала старая, тридцатишестилетней давности фотография: Ленин смотрит на глубокие борозды, проложенные электроплугом.

Я долго вглядывался в потускневший от времени снимок. Что-то глубоко волнующее было в этой далекой и вместе с тем такой близкой и дорогой фотографии... Без малого четыре десятилетия прошло с того осеннего дня, когда на окраине Москвы Владимир Ильич наблюдал испытания первого советского электроплуга.

История электроплуга, начало которой восходит к 1919 году, напомнила мне один маленький штрих из жизни Ленина. В коротенькой записке к секретарю Владимир Ильич просит достать ему Гейне, томика два стихов, и Гете «Фауст» («...обе по-немецки, лучше бы малого формата»).

Они и сейчас стоят в книжном шкафу в комнате Ленина, томики Гейне и Гете малого формата.

Когда в 1918 году Ленин работал над статьей «Как организовать соревнование?», в его обширной памяти ожили гетевские строки из «Фауста». Свою мысль о великом значении практического опыта масс он подкрепил стихами из «Фауста», которые сам же и перевел: «...Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни».

...Фотография с Лениным как бы оживала. Я шел от одного человека к другому, и каждый, с кем мне пришлось встретиться, рисовал какую-нибудь одну, пусть маленькую, но живую черточку из жизни Ильича. Живые нити потянулись к ученым, агрономам, инженерам, конструкторам, рабочим и крестьянам, к истокам событий, предшествовавших этому осеннему дню двадцать первого года.

В истории первого электроплуга, над созданием которого в тяжелейших условиях разрухи трудились вдохновленные Владимиром Ильичем советские люди, отчетливо проявилось присущее Ленину глубокое восприятие жизни, творимой народом.

Духом неукротимой энергии, молодости, строящей, созидающей, веет от ленинских записок, распоряжений, наметок. Они словно вводят нас в горячую атмосферу напряженного ленинского труда, передают ощущение страстной работы нашего Ильича.

Все великое и малое стекается в Кремль, к Ленину. С Ильичем делятся радостью, заботой и тревогой, просят совета, поддержки, ждут окрыляющего слова...

Вот он в двадцатом году внимательнейшим образом читает, а вернее, изучает отчет о деятельности Московского Совета. Владимира Ильича интересует, на что обращена энергия Совета. Его внимание задерживается на организационных вопросах; они занимают непомерно много места. Сорок шесть вопросов! В то время, как вопросов экономических всего лишь восемь.

Ленин подчеркивает две эти цифры и пишет на полях брошюры:

«Уродство.

Должно быть наоборот».

Он считает необходимым повернуть внимание Советов к экономическим проблемам. Через всю страницу брошюры Ленин крупно наискосок выводит:

«А надо...»

И энергично набрасывает в противовес существующим свои диаграммы. Надо заниматься экономическими вопросами. В этом гвоздь деятельности Совета!

Среди огромного множества государственных дел Владимир Ильич сталкивается с проблемой использования богатства Кара-Бугаза и сразу же дает ей ход; глубоко, до мелочей вникает он в работу первых совхозов; «двигает» машинную добычу торфа; занимается скрупулезным подсчетом добычи угля в оживающем Донбассе. Ленина очень волнует положение дел в этом угольном бассейне, который он любовно называет «нашей крепостью».

Вот он читает зимой двадцать первого года докладную записку об изобретении «торфита». Она вся в ленинских подчеркиваниях. Заинтересовало Владимира Ильича!

Докладная записка начинается так:

«Наш новый союзник против разрухи — «Торфит».

(«Торфизация» родная сестра электрификации и ее помощник)».

Суть изобретения: обработка по новому способу делает торф великолепным строительным материалом.

«Можно делать дома, избы, бараки, черепицу, лодки, ульи, посуду, колеса, лопаты, игрушки...

Попутная перспектива — использовать торф, как самое дешевое и демократическое удобрение...

Один «намек» крестьянам, и уже с весны новое удобрение начнет действовать повсеместно, где есть болота!»

Так и думается: усмехнулся, должно быть, Владимир Ильич, читая: «Торфизация» родная сестра электрификации...» Но надо пробовать, испытать, проверить...

Ленин выделяет три слова в докладной записке:

изобретателю **«надоело обивать пороги!»**

«Прошу проверить,— пишет Владимир Ильич управляющему делами СНК,— сугубо **ускорение** испытаний, их **серьезность** и быструю **помощь** изобретателю».

Ленин прекрасно понимает существо малых дел. Вот вспыхнули первые огоньки в Кашино и Ярополье, скоро загорятся электрические огни на Шатуре, широким фронтом ведутся строительные работы на Кашире, на Волхове...

«Мелкие дела»... Такими они могут казаться только людям, которые не видят своеобразия новой обстановки в стране. И Ленин высмеивал, бичевал тех, кому «скучна», «неинтересна» эта практическая будничная работа,— он советовал сдать таких людей в архив!

От манифестов, деклараций, декретов — к практической работе! Помнить, что самый простой рабочий может сказать коммунисту-руководителю:

«Что ты все показываешь, как ты хочешь строить, ты покажи на деле — как ты умеешь строить».

«И он будет прав»,— заключал Ленин.

Он был твердо убежден и выражал свою мысль прямо, сурово: если мы не будем бояться говорить даже самую горькую и тяжелую правду напрямик, мы научимся, непременно и безусловно научимся побеждать все и всякие трудности.

Это и есть воспитание правдой жизни.

Помнить: зелено вечное дерево жизни!

Строить, закладывать прочный фундамент социалистического общества.

Каширскую электростанцию начали строить на берегу Оки в 1919 году. Все проходило через ленинские руки. Не было ни одного крупного и маленького вопроса, в решении которого не принимал бы участия Владимир Ильич.

Все для Каширы!

В осенние дни двадцать первого года Ленин занимается другой стройкой — на Волхове. Графтио — крупнейший гидротехник России — пишет Ленину с Волхова о бюрократической, безответственной неразберихе, в условиях которой приходится вести строительство Волховской гидроэлектрической силовой установки, «начало коему было положено Вами...»

На записке гидротехника Ленин делает пометку: «Хаос о Волховстрое». И немедля начинает распутывать весь этот бюрократический узел. Его энергия как бы подключается к энергии строителей, помогая убыстрить темпы работ на Волхове.

Строителям на Волхове трудно было вначале держаться на этой выдвинутой вперед позиции широко задуманного плана электрификации России. Строили, преодолевая громадные лишения и тягости. И построили!

Графтио, старый ученый и гидростроитель, захваченный великим планом партии по электрификации республики, увидел на деле эту особенность большевиков, эту черту, как он писал, гениальной ленинской решимости.

«Владимир Ильич умел начинать и не боялся начинать. При этом Владимир Ильич никогда не откладывал начинание в долгий ящик. Все нужное он делал немедленно».

Ленин требовал от коммунистов умения организовать народную инициативу. Мастерство управлять с неба не валится и святым духом не приходит; зрелость победившего класса, говорил он, удостоверяется опытом, практикой, живой жизнью.

Сама жизнь — будничная, трудовая — глубочайший источник энергии. Ленин черпал силу в этом чудесном проявлении творческой инициативы народных масс.

К живому творчеству надо отнести и первый почин питерцев: летом девятнадцатого года рабочие Петроградской электростанции обработали свой коллективный огород обычным плугом, который приводился в движение электролебедками.

Замечательный почин! Маленький росток будущей электропахоты!

Профессор Михайлов, руководивший в то время отделом городского хозяйства в Петрограде, дал толчок этому ценному начинанию рабочих. Позже в письме к Владимиру Ильичу профессор, окрыленный первым скромным успехом, поделился с товарищем Лениным одной своей более широкой идеей.

«...Почему не пойти дальше, почему не создать вокруг больших центров свои сельские хозяйства, уменьшающие зависимость города от деревни, сказал я себе. Почему не поднять лежащие вокруг городов пустыри, не вспахать эту целину?»

Так возникла мысль о создании электроплуга. Она возникла в результате жгучей потребности окружить Питер кольцом рабочих огородов. Зародилась в гуще самой жизни!

Питерский профессор хорошо знал ленинскую черту — улавливать суть дела буквально с двух — трех слов.

И Ленин двинул вопрос об организации работ по созданию электроплугов. Начали в Питере, затем подхватили в Москве, теперь весь «гвоздь» в том, чтобы довести дело — живое дело! — до практических результатов в более широких масштабах.

Три инженера — С. Куница, В. Волошин и Н. Федотов — засели за разработку конструкции первого электроплуга.

...И вот я сижу и беседую с Волошиным.

— Когда это было, Василий Иванович?..

Волошин на миг задумывается.

— Дайте-ка сосчитать,— тихо произносит он.— Точно: летом двадцатого мы начали проектную работу.

Я пододвигаю ему фотографию.

— Помните, Василий Иванович?..

Инженер-конструктор берет ее в руки и долго разглядывает фото: Ленин у электроплуга. Я понимаю состояние собеседника и не тревожу его никакими вопросами.

Старый, крепкий человек этот инженер-кон-

структор. Крупное лицо, седые, коротко подстриженные усы, внимательный, чуть суровый взгляд.

А в двадцатом он был, разумеется, молод. Он был самый молодой в группе проектировщиков. В Ленинграде делали электролебедки. А они, трое, в Москве трудились над конструкцией пахотного агрегата. Профессор Угримов шефствовал над ними. Задание считалось ударным. И главное, пришлось по душе конструкторам. Проектировка! Новизна задания! Мозг, руки стосковались по такой работе. Да, вот насчет рук... Пальцы конструкторов распухали от холода и голода. Трудное было время! Впрочем, всем тогда трудно приходилось. И народу и Ленину.

Волошин вскидывает голову, в глазах его вспыхивает что-то молодое, дерзкое, веселое.

— А работалось, представьте, ве-ли-ко-леп-но!

Проектировщики должны были выбрать конструкцию корпуса плуга, которая позволила бы хорошо оборачивать пласт; найти нужную точку крепления троса к раме, чтобы в наикратчайшее время менять ход электроплуга.

Профессор Угримов возглавил специально созданную организацию «Электроплуг». В «Электроплуг» партия направила делегата VIII Всероссийского съезда Советов коммуниста Василия Есина.

Владимир Ильич Ленин на испытаниях первого электроплуга.

Василий Есин был делегатом от войск Кавказского фронта. Он слушал выступление Ленина, слушал доклад об электрификации России. Ему, как и всем делегатам съезда, вручили том в шестьсот страниц — план Гоэлро, над которым работали крупнейшие ученые России. Книги в ту пору приравнены были к боевому оружию. Особенно эта — доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. План индустриального переустройства хозяйства России. Эта книга была особенно дорога комиссару Василию Есину — по профессии электромонтеру: в 1913-м Есин вступил в партию на одной из подмосковных электростанций.

— Я думаю,— сказал Ленин на съезде,— что мне не трудно будет убедить вас в особенном значении этого томика. На мой взгляд, это — наша вторая программа партии.

Осенью, перед самым съездом, Владимир Ильич побывал в селе Кашино,— там построили маленькую электростанцию в каких-нибудь 10 киловатт. Все виденное глубоко запечатлелось в памяти Ленина. Позже, когда он работал над планом доклада VIII съезду Советов, перед ним, наверное, возникла эта русская деревня и вспыхнувшие в вечерних сумерках электрические огни, о которых один из крестьян сказал тогда, выражая свое удивление и радость: «свет неестественный».

Владимир Ильич так и записал в план доклада:

«Порыв крестьян: «свет неестественный».

Могучий порыв народных масс к новой жизни горячо радовал Ленина.

«Это начало самой счастливой эпохи»,— говорил он, связывая план Гоэлро с крупным переломом в жизни страны. На трибуне наших съездов будут впредь все больше и больше появляться инженеры и агрономы!

В плане Гоэлро было записано об электроплугах. И само строительство электроплугов явилось пусть маленькой, но горячей частицей великого творчества масс.

Владимир Ильич требовал от всех работников — ученых, конструкторов — внимательно присматриваться к новому, взвешивать наши возможности, обдумывать первые результаты и перспективы развития электропахоты, машинной обработки земли.

Поглощенный громадной напряженной государственной работой, он в то же время держал в поле зрения все, что связано было с созданием электроплугов. Вот он в одной записке требует проверить (поделовитее, потщательнее), как идет дело с электроплугами. Профессор Михайлов обратился к Ленину с жалобой на задержку выдачи продпремий рабочим, делающим электроплуг, и Ленин тотчас предлагает петроградским товарищам срочно решить этот вопрос, подчеркивая важность изготовления двадцати электроплугов для осенней вспашки. К тексту телеграммы, напечатанной на машинке, рукою Ленина стремительно и четко приписано: «Ответьте совершенно точно».

Ему близко было все: и дела на Волхове, и стройка в Кашире, и реализация заказа на электроплуги. И тысячи больших и малых дел... И все, с чем он соприкасался, как бы насыщалось ленинской, поистине революционной энергией.

Заводы Петрограда, Москвы, Брянска должны были еженедельно докладывать в Совнарком о ходе работ. В Брянске цех бронепоездов перевели на производство электроплугов.

Волошин поехал с чертежами на Брянский завод. При нем шло изготовление моделей, затем узлов опытного образца плуга.

На заводе от станка к станку переходили детали будущих электроплугов. К ним подвешивали фанерки с надписью: «К плугам по заданию тов. Ленина».

Ранней весной двадцать первого года первый электроплуг проходил испытания на заводском поле. Сохранились газеты с такой заметкой: «На хуторе Брянского завода в Брянской губернии был произведен первый опыт запряжки электрической силой плуга. Результаты опыта блестящие».

Плугарем или, лучше сказать, рулевым был конструктор Волошин.

...Когда Волошин в своем рассказе коснулся истории первой «запряжки электрической силой», он сразу загорелся, будто вчера это было...

— Красивая, скажу вам, была картина... Поле живет! Волной идет земля — восемь лемехов электроплуга перевертывают пласт за пластом...

А в сентябре на ферме под Петроградом Волошин проводил новые испытания электроплуга первой серии. С ним были Угримов и Куница. Там он впервые встретился с зачинателем электропахоты, профессором Михайловым. Было это 23 сентября. В тот же день профессор под свежим впечатлением проведенных испытаний написал письмо В. И. Ленину. Четыре дня спустя Ленин читал отчет профессора Михайлова. Читал с огромным интересом, как об этом свидетельствуют многочисленные подчеркивания, сделанные на письме.

Крупно, размашисто бегут строки письма профессора.

«Дорогой Владимир Ильич!

Сегодня, 23 сентября, мы на большом участке земли испытали наш **первый,** выпущенный в дело, **электроплуг.** Со всех сторон я слышал по его адресу комплименты, прибавлю заслуженные, так как пашет он, я сказал бы, с элегантной легкостью, **одну десятину в час** и будет пахать в тот же один час **еще и больше».**

«...плуг создан. Не стану утомлять Вас арифметическими подсчетами, дающими этому плугу великолепную аттестацию. Знаю, что это не последнее слово техники, и первый буду стоять на том, чтобы его дальнейшее изготовление приостановить, когда над ним одержит верх новая, более удачная выдумка, а пока надо пустить все в ход, чтобы к **ранней весне** 1922 года было сделано ну **хотя бы 20 комплектов** этой машины. Машины не сложной, но дающей большие возможности **Екатеринбургу, Самаре, Харькову, Москве...»**

Я несколько раз читал и перечитывал письмо ученого, с волнением вглядываясь в ленинские пометки. Какая гамма оттенков в его подчеркиваниях! Одной, двумя, а то и тремя чертами под словом или целой фразой Владимир Ильич выделял самое важное, наиболее деловое, перспективное. Он выделяет в письме профессора те места, которые дают наилучшее представление о сути проделанной работы: огородная площадь под Питером составляет 9 тысяч десятин; это обеспечивает на круг, включая и детское население, каждого жителя Петрограда на 6—7 месяцев овощами, считая по 2 пуда на человека.

Вот что радовало Ильича: стало быть, можно обеспечить питерских рабочих овощами!

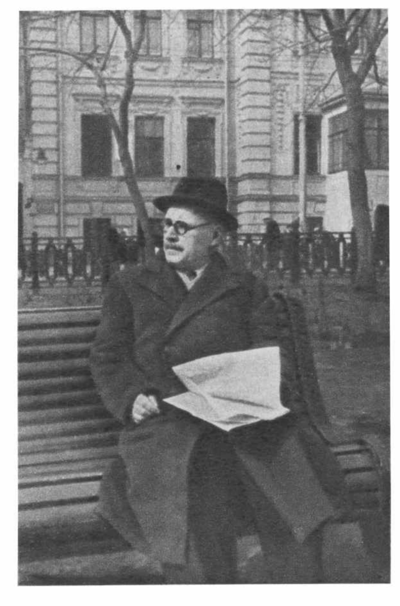
«Моя поседевшая голова полна всяких планов»,— писал Михайлов.

Воображение рисует нам Ленина, читающего эти строки из письма питерского ученого. Так и видится, как глаза Ильича, веселые, земные глаза, щурятся, и он заразительно смеется. Вот ведь какие идеи бродят в седой профессорской голове!

«...**оживить,**— пишет ученый,— **наши земельные массивы».** Дважды Ленин подчеркивает эти слова.

Владимир Ильич сразу же дает новый, еще **больший** размах этому живому начинанию. **Тут же** по прочтении письма он пишет записку, в которой просит связаться с Михайловым, спросить профессора, не даст ли он заметку в «Правду».

«Если не может,— пишет Ленин,— надо дать

Василий Иванович Волошин.

Василий Захарович Есин.

из этого письма, сделать выписку (об электроплуге) и отдать в **Правду».**

Вот в Брянске рабочие, преодолевая неимоверные трудности, сумели все-таки построить 7 электроплугов. А к первому января 1922 года дадут еще 20. Этих товарищей надо вознаградить!

За пять дней до испытания электроплуга в Москве, на Бутырском хуторе, Ленин выступил с докладом на съезде политпросветов. Доклад его печатался в «Правде», которая выходила тогда на двух страницах.

Сурово выглядят газеты тех дней, запечатлевшие черты великой эпохи. Партия прилагает все усилия, чтобы ликвидировать стихийное бедствие — голод в Поволжье; на первой странице «Правды» печатаются, сменив сводки с фронта, новые сводки — заготовленных пудов хлеба. Идет подготовка к осеннему севу; скупые заметки, объединенные заглавием «По России», рисуют борьбу за восстановление хозяйства страны. Рядом с речью Ленина на съезде политпросветов печатается заметка из рабочей жизни.

В Сормове в сентябре построено два новых паровоза (200% программы!), выпущено 17 новых вагонов. Донбасс оживает. В Подольске выпущен сотый паровоз. Он вышел из ворот главных сборочных мастерских, красиво убранный зеленью. На окраине Москвы на опытно-учебном поле на Бутырском хуторе завтра, 22 октября, испытывается первый электроплуг.

Владимир Ильич приехал на хутор в самый разгар полевых испытаний. Волошин сидел за рулем в коротком пальто и кепке. Обут он был в тяжелые солдатские ботинки.

Ленин дружески поздоровался с учеными, конструкторами, рабочими, крестьянами. В поле от лебедок к мощному восьмилемешному плугу протянулись тросы. Теперь-то Ленин мог своими глазами увидеть электропахоту! Начался митинг. Один из ораторов сказал, что испытанием электроплуга открывается новая эра в сельском хозяйстве России. Ленин усмехнулся: «Гм... Гм... Сильно сказано — эра...» Главное другое: дело это весьма и весьма нужное!

День стоял холодный. Владимир Ильич был в пальто с меховым воротником. В воздухе чувствовалась промозглость — Ленин поглубже натянул кепку.

А рядышком с Лениным стоял мальчонка в натянутой по самые уши солдатской папахе и в длинной, до колен, кацавейке. Чуть вскинув голову — папаха наползла на лоб, — он стоял, широко раскрыв глаза, прижавшись плечиком к Ильичу.

Волошин повел электроплуг. Шел плуг быстрее хорошей лошади, со скоростью один метр в секунду, отваливая в сторону широкие пласты земли. Влекомый стальным тросом, плуг двигался все вперед и вперед, делая восемь глубоких борозд.

Владимир Ильич заинтересованно наблюдал за ходом вспашки. Он неотступно шел по борозде за плугом.

Инженеры встревожились: вдруг оборвется трос. Они просили Владимира Ильича держаться от плуга подальше. Но Ленин продолжал идти по борозде. И мальчика тоже жгло любопытство; увязая ногами в рыхлой земле, он все норовил забежать вперед, загораживая Ильичу дорогу. Ленин бережно взял мальчика за плечи, чуть придержал его и поставил рядом с собой. Так они шагали некоторое время рядышком, но мальчик, забывшись, опять вырвался вперед, и снова Ильич крепко взял его за руку, наклонившись, заглянул в большие глазенки и, посмеиваясь, повел его рядом.

Участок представлял собой заросшее травой поле. Неодинаковая плотность почвы нарушала плавность хода плуга. Он вздрагивал, когда встречал уплотненную почву, и хвост его выскакивал из борозды.

Ленин вместе со всеми горячо переживал то, что происходило. В один из таких моментов он громко воскликнул:

— Да что он у вас хвостом вертит?..

Ленин слился с народом, окружившим его.

Профессор Угримов доложил ему о проделанной работе и перспективах развития электропахоты. Василий Есин коротко сообщил Владимиру Ильичу, где, в каких районах страны будут использованы электроплуги.

Ленин сунул руки в карманы пальто, ветер вздыбил кепку на его голове. Он задумался о чем-то. Смотрел куда-то вдаль. Потом Ильич пригнулся к борозде, захватил на ладонь комья прохладной земли.

В беседе с конструкторами он ставил перед ними в простой, четкой форме сугубо практические вопросы. Вот, скажем, на лебедках работают люди, их задача — пустить мотор. Владимир Ильич посоветовал подумать: нельзя ли рабочему-плугарю самому командовать пуском... Посоветовал подумать над тем, как облегчить вес электроплуга, как упростить управление.

Инженер Федотов — один из конструкторов, работавших над созданием электроплуга,— дал мне запись своих воспоминаний, которые он однажды написал для стенной газеты.

Вот эта запись:

«Живо припоминаю всем близкую, подвижную, порывистую фигуру Ленина со слегка наклоненной головой, с неповторимой, ему только присущей улыбкой — теплой, приветливой, тонко иронической и какой-то особенно русской, «с хитрецой».

Наше волнение прошло, как только Владимир Ильич запросто, по-товарищески поздоровался с нами. В его обращении с нами, в манере здороваться, говорить не было ничего «свысока», ничего начальственного. В этой простоте, скромности — непередаваемое обаяние, истинная мудрость, подлинное величие.

Когда один из нас начал давать объяснения, Владимир Ильич вопросительно и даже как-то застенчиво сказал: «Извините, товарищи, позвольте мне предлагать Вам вопросы, Вы не возражаете?» И каждому из нас, конструкторов, он задавал несколько вопросов. Меня он спросил: «А сколько земли можно вспахать этой машиной за день?» — и еще: «Этот плуг пашет, по-видимому, глубже обычного, ведь это хорошо, не правда ли?»

После моего ответа Владимир Ильич, улыбаясь, обратился ко всем с такими словами: «Отличная машина, но только ведь нужна электрификация и электрификация!.. Над этим надо немало подумать и поработать...»

Далеко отошел осенний день двадцать первого года; чем глубже мы вдумываемся в этот практический почин, связанный с электропахотой, тем яснее вырисовывается перед нами горячее стремление Ленина, глубоко продуманный план партии поднять, механизировать разрушенное сельское хозяйство России.

Долго я беседовал с Василием Захаровичем Есиным, восстанавливая по штрихам историю одной фотографии, запечатлевшей Ленина среди народа в осенний день в поле у борозды. Коммунист Есин встречался с Лениным по делам внедрения электроплугов. Намечая состав Госплана, который, по мысли Ленина, должен включать крупнейших специалистов страны, Владимир Ильич ввел в Комиссию рабочего Есина, талантливого организатора.

Рекомендовал Есина Г. М. Кржижановский. «По словам Кржижановского»,— писал в одной записке Ленин, запрашивая о Есине, он «выдающийся рабочий, монтер, архиполезный (оказался полезным в работе Государственного Комитета по электрификации России)».

Когда бывший рабочий, инженер Есин думает о Владимире Ильиче, вспоминает ленинские черты, то чаще всего перед ним встают бурные годы, VIII Всероссийский съезд Советов и Ленин, присевший близко у карты электрификации, чтобы лучше видеть ее, карту молодой России, на которой один за другим загораются запланированные партией огни электростанций, сеть которых в будущем охватит всю страну. А за этой первой картой так и видится молодая республика — вся в огнях, в живом порыве к прекрасному будущему!

ПЕРВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЛЕНИНУ

После смерти Владимира Ильича Ленина питерские рабочие начали сбор денег, чтобы на свои трудовые сбережения построить памятник Ильичу. И вот тогда возникла идея организовать в Ленинграде на заводе «Красный выборжец» цех художественного литья. Осваивать выпуск художественного литья было поручено шестидесяти лучшим рабочим.

Трудностей было очень много: не хватало металла, приходилось часто отыскивать его в отходах, а поначалу переливать и снарядные гильзы. И, тем не менее, летом 1924 года по модели скульптора М. Я. Харламова удалось отлить из бронзы памятник В. И. Ленину. Он и сейчас стоит перед входом на завод «Красный выборжец».

Уже в первый год своего существования цех был загружен до предела. Одним из первых монументальных памятников, отлитых на «Красном выборжце», был памятник В. И. Ленину у Финляндского вокзала.

В ноябре 1926 года, в день девятой годовщины Октября, на площади у Финляндского вокзала собрались тысячи ленинградцев. Под звуки «Интернационала» с монумента сняли чехол. К гранитному подножию рабочие возложили венки из свежих цветов.

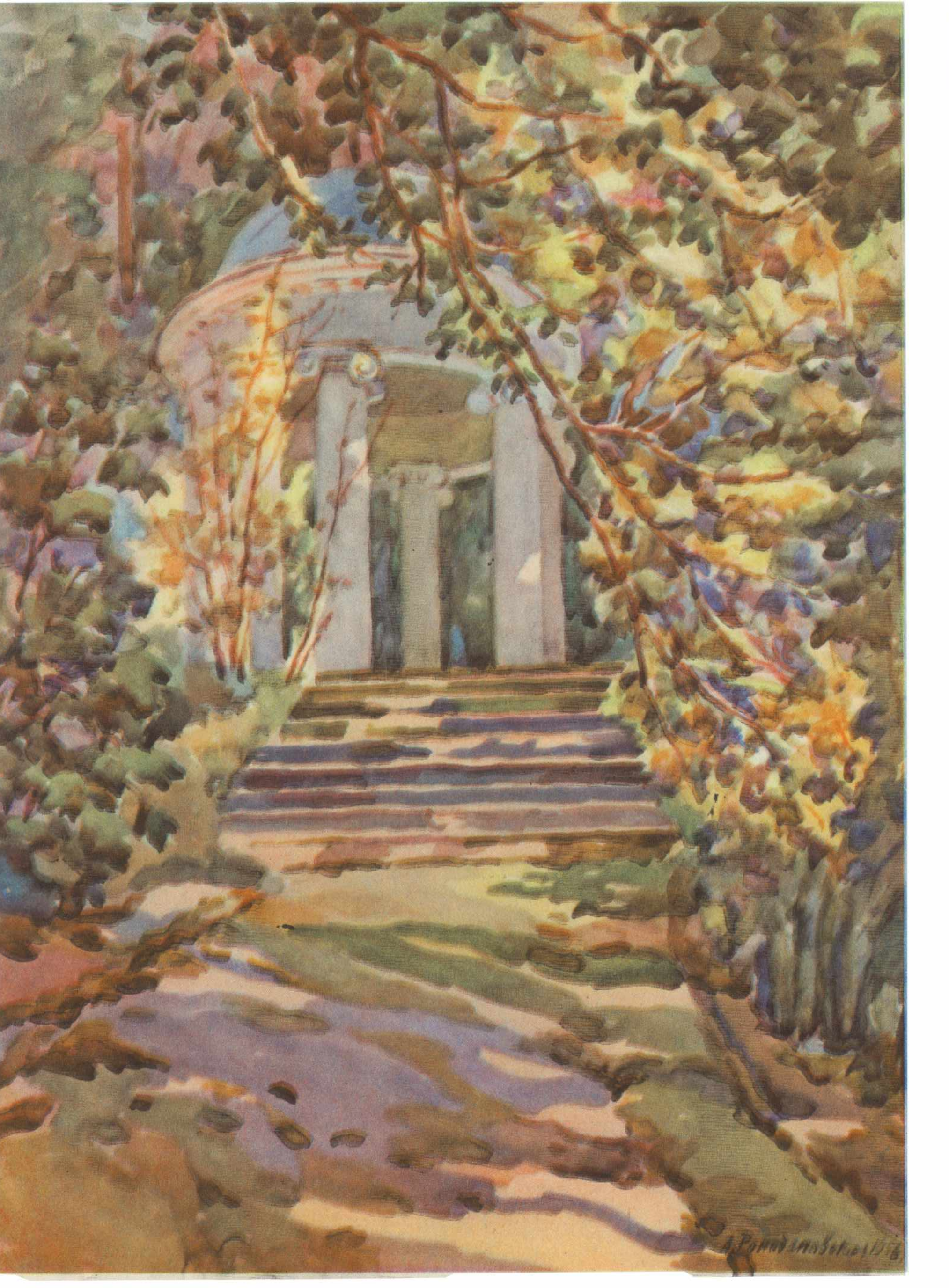
Цех художественного бронзового литья существовал на «Красном выборжце» три года.

Ноябрь 1926 года. Открытие памятника В. И. Ленину у Финляндского вокзала.

А. А. Ромодановская. ДОМ-МУЗЕЙ В. И. ЛЕНИНА В ГОРКАХ ЛЕНИНСКИХ.

А. А. Ромодановская. ГОРКИ ЛЕНИНСКИЕ. ЛЮБИМАЯ БЕСЕДКА В. И. ЛЕНИНА.

В ПАРКЕ.

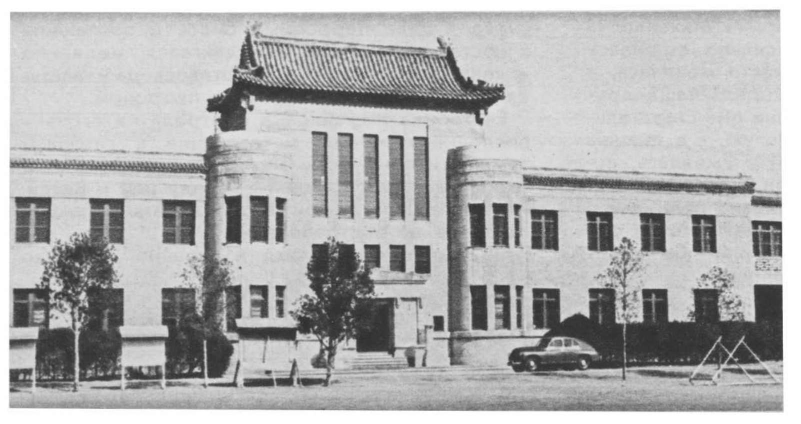
СТРЕЛА, ЛЕТЯЩАЯ В ЦЕЛЬ

М. МЕРЖАНОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото Ли Хой-юнь.

В суровые годы борьбы за освобождение Китая от японских оккупантов в центре революционного района городе Яньани открылась партийная школа. Это вызывалось настоятельной необходимостью: богатая практика китайской революции была недостаточно теоретически обобщена. Теория отставала от боевой революционной действительности. Нужно было их сблизить.

Одно из зданий Высшей партийной школы в гор. Пекине.

В день открытия школы товарищ Мао Цзэ-дун выразил эту мысль такими словами:

«Когда ты пускаешь стрелу, нужно иметь перед собой цель. Взаимосвязь между марксизмом-ленинизмом и китайской революцией подобна взаимосвязи между стрелой и целью»

Это был период, когда в партийной учебе еще наблюдались элементы субъективизма, в партийной деятельности еще чувствовалось сектантство, а партийная литература строилась по шаблонным схемам. Нужно было исправить это положение, начать борьбу с отклонениями от правильного стиля в работе.

Товарищ Мао Цзэ-дун в той же речи сказал:

«В настоящее время субъективизм, сектантство и шаблонные схемы уже перестали быть господствующим стилем, своего рода поветрием; это всего лишь сквозняк или, если угодно, струя затхлого воздуха, которым тянет из бомбоубежища. Однако плохо уже и то, что в нашей партии еще имеются такие сквозняки. Мы должны наглухо заделать щели, из которых тянет затхлым воздухом. Заняться этим должна вся партия и, в частности, наша Партийная школа».

Такие задачи стояли в те дни перед коммунистами, которые пришли в школу, отложив боевое оружие, оставив станок и плуг.

Каждый из них в свое время читал Ленина. Но читал редко, бессистемно, от случая к случаю. Впервые Ленин на китайском языке был напечатан еще в двадцатом году — в журнале «Синь-циннян», издававшемся в Шанхае. Это был доклад Владимира Ильича на VIII съезде нашей партии. Ленинские статьи появлялись и в других партийных журналах.

Все же произведения Владимира Ильича были малодоступны многим коммунистам. И только после того, как в Яньани открылась партийная школа, появилась возможность систематически изучать произведения великого вождя пролетарской революции и классиков марксизма.

В стране кипела ожесточенная борьба — сначала с японцами, потом с гоминдановцами. Был момент, когда флаг гоминдана появился под стенами Яньани. Тогда были отложены в сторону книги и тетради, и слушатели партийной школы снова стали солдатами Народной армии. Это произошло в 1946 году. Только спустя два года, в канун окончательной победы над Чан Кай-ши, в деревне Лидяго, в трехстах километрах от Пекина, в ту пору занятого еще гоминдановцами, снова начала действовать партийная школа, переименованная затем в институт.

За книги сели коммунисты, с оружием в руках отстоявшие родину от внешних и внутренних врагов. Руководил тогда институтом товарищ Лю Шао-ци. Вскоре институт переехал в Пекин. Такова в общих чертах история нынешней Высшей партийной школы при ЦК Коммунистической партии Китая.

Теперь на окраине Пекина, близ бывшего летнего императорского дворца, сооружено много новых корпусов. Высшая партийная школа — целый учебный комбинат, где занимается свыше двух тысяч человек. Среди них министры, их заместители, секретари провинциальных комитетов партии, начальники управлений и отделов центральных учреждений, работники печати и радио, руководящие работники национальных районов.

При школе действуют двухгодичные курсы для преподавателей марксизма-ленинизма, курсы для работников прессы, для национальных меньшинств: уйгур, казахов, узбеков, монголов.

В Высшей партийной школе изучаются политическая экономия, история Коммунистической партии Советского Союза, история Коммунистической партии Китая. Школа обладает богатой партийной библиотекой: в Китае теперь массовыми тиражами издаются произведения Маркса, Ленина, Мао Цзэ-дуна.

В Народном издательстве нам сообщили, что общий тираж ленинских произведений на китайском языке достиг сейчас почти 7 миллионов экземпляров. Книги Ленина можно встретить не только в столичных библиотеках, но и в заводском клубе, в студенческом общежитии, в деревне.

Издается полное собрание Сочинений Ленина. Уже вышли 1-й, 28-й, 29-й тома. В последние два тома, как известно, включены произведения, относящиеся к периоду создания Советской власти. Именно поэтому решено было их издать вне очереди. В этом году выйдут в свет 14-й, 24-й, 25-й, 30-й и 33-й тома. Кроме того, Народным издательством выпускается много брошюр и сборников, в которых печатаются ленинские произведения.

В Высшей партийной школе мы встретились с несколькими слушателями. Все они бывшие рабочие, крестьяне, бойцы Народно-освободительной армии.

Передо мною сидит плотного сложения человек. Зовут его Вэй Ин-сю. Он приехал в Пекин из Внутренней Монголии, где работал секретарем сельского партийного комитета. Сейчас ему под сорок. Отец его — старый рабочий-железнодорожник, а сам Вэй Ин-сю с малых лет крестьянствовал. Еще юношей он примкнул к революции.

Более сурово протекала жизнь другого слушателя, Лю Цзин-синя. Он родился в Шанхае, в детские годы работал на текстильной фабрике. А когда в 1925 году японцы убили рабочего, который требовал повышения заработной платы, вспыхнуло известное «движение 30 мая». Лю Цзин-синь участвовал тогда в забастовках и демонстрациях, он собственными глазами видел, как на Нанкин-роуд японская и английская полиция расстреливала рабочих, видел, как на похоронах жертв кровавого террора несли сто черных гробов.

Это было первым «университетом» молодого Лю Цзин-синя. Потом — подполье, работа в профсоюзной организации, учеба в вечерней школе, там он и познакомился впервые с сочинениями Ленина. Позже — партизанская война против японцев, освобождение страны от гоминдановцев, победа.

По-разному складывался жизненный путь слушателей Высшей партийной школы Китая. Но в их биографиях есть одно общее: все они выходцы из народа, закаленные борцы за освобождение родины.

Каждый год партийные школы Китая выпускают тысячи коммунистов, обогативших свою практику марксистско-ленинской теорией. Им теперь легче разбираться в сложной обстановке строительства нового, социалистического общества. Их «стрелы» теперь получат более правильное направление, будут «лететь в цель».

Пекин.

Слушатель Высшей партийной школы Вэй Ин-сю изучает труды В. И. Ленина.

В саду школы.

Василек

Рассказ

Сергей АНТОНОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Часы в корректорской пробили пять раз.

— До свидания, девушки, — сказала Екатерина Михайловна, поднимаясь со стула.

Ей никто не ответил.

Екатерина Михайловна знала, что сослуживцы недолюбливают ее, и относилась к этому с подчеркнутым безразличием.

Она была единственной пожилой женщиной в девичьем царстве корректорской, и с ее стороны было бы, конечно, нелепо обижаться на легкомысленных девиц, которые не могут исправить слово «винегрет» без словаря Ушакова.

Девушкам не нравилось, что Екатерина Михайловна останавливала их, когда они в рабочее время шушукались и хихикали. Не одобряли они и того, что Екатерина Михайловна не оставалась «подрабатывать», а всегда уходила точно в пять часов, чтобы успеть приготовить обед сыну Васе. Им казалось смешным, что она заботится о своем Васе и по телефону называет его детским именем — Василек... Правда, Васильку двадцать второй год, и он работает на заводе, но ведь это единственный сын, единственный ребенок! Когда у них будут дети, они поймут, что это такое...

Сплетни о Васе распускала Маринка. Эту Маринку Екатерина Михайловна сама познакомила с Васильком. Девушка ходила с ним один раз в цирк, один раз в кино и после этого объявила подругам, что название сорного растения «Василек» вполне подходит маменькину сынку, несмотря на то, что он рыжий.

Это обстоятельство было причиной особенно натянутых отношений между сдержанной Екатериной Михайловной и Маринкой, которую, к слову сказать, сразу же, как только она появилась в корректорской, девчата окрестили типографским термином «Марашка», и это прозвище прочно прилепилось к черноглазой, шустрой привереднице.

Впрочем, Екатерину Михайловну девчата слушались, побаивались и умолкали сразу же, когда она сурово произносила:

— Девушки! Мешаете работать.

Выйдя из издательства, Екатерина Михайловна зашла в «Гастроном» и в булочную, затем приехала на трамвае домой, поднялась на четвертый этаж в свою маленькую комнатку и стала готовить обед.

Василек вернулся, как обычно, к семи.

Снимая пальто, он сказал:

— Я еду на целину, мама.

Сказал он это так, между прочим, будто сообщил, что собрался в кино.

— Что за глупости! — рассеянно проговорила Екатерина Михайловна. — Садись обедать.

— Правда, мама. Вот.

Вася положил на стол путевку и пошел умываться. Екатерина Михайловна увидела форменный бланк, напечатанный типографским способом, увидела подписи, печати, испугалась и не стала читать.

— И надолго? — спросила она, когда Вася вернулся с полотенцем.

— Насовсем.

— Как насовсем?

— Так. Навеки.

Екатерина Михайловна вышла на кухню, принесла кастрюлю с борщом, машинально налила тарелку и спросила:

— Завод посылает?

— Нет. Зачем завод? — ответил Вася. — Я сам изъявил желание.

Пока он ел борщ, Екатерина Михайловна вопросительно смотрела на него. Потом она принесла второе и спросила:

— Один едешь?

— Зачем один? От нашей организации три мушкетера. Сашка Ипатов, — Вася ковырнул в зубах мясо, — и Бахтин с инструменталки.

Неожиданности не сразу доходили до сознания Екатерины Михайловны. Она привыкла к размеренной, спокойной жизни, привыкла по утрам вместе с Васей отправляться на работу. К Васе иногда забегали заводские девчата, стеснительные, с неинтеллигентными именами и пили чай с блюдца. Екатерина Михайловна приглядывалась к ним и насильно старалась быть приветливой. Девчата часто менялись, и только соседская Нюра приходила чаще других. При Екатерине Михайловне она старательно изображала из себя взрослую, а в темном коридоре шепталась с Васей и смеялась, повизгивая. Потом они уходили в кино. Оставшись одна, Екатерина Михайловна прикидывала, как лучше переставить мебель, когда сын приведет в дом невестку. Комната была небольшая, и ничего не получалось: выходило очень неудобно.

Газет Екатерина Михайловна не читала. О целине ей было известно только то, что там водятся верблюды и негде жить. И еще, кажется, в тех местах ползают тарантулы и скорпионы.

— Нет, ты серьезно? — спросила она, постепенно осознавая всю несообразность неожиданного события.

— Конечно.

— Этого не будет! — твердо сказала она. — Я поговорю с Иваном Павловичем.

— Не смеши меня, мама.

— Нет, нет. Я запрещаю! Никуда ты не поедешь.

Вася отошел к этажерке и стал отбирать в дорогу книги.

— И когда ты собираешься? — спросила мать.

— Завтра.

— Как завтра?

— Ну так. На завтра уже заказаны билеты.

— Это невозможно! Совершенно невозможно! Твое белье в стирке. И у нас нет приличного чемодана.

— Чемодан — дело наживное.

— Нет, это что-то невероятное!.. Сейчас же сходи в свое бюро, или как там оно называется, и скажи, что мать тебя не пускает. Так и скажи.

— Мне скоро двадцать два года, мама, к твоему сведению!

Екатерина Михайловна подумала и печально проговорила:

— Там тарантулы, Василек.

— Ох, мама! — ответил он, не оборачиваясь. — Трудно с тобой строить светлое будущее.

— Что ты понимаешь! — вспылила Екатерина Михайловна. — Никуда я тебя не пущу. И не думай. Я спрячу ботинки!

А на следующий день вечером она стояла на перроне Казанского вокзала и сторожила новый Васин чемодан. Нюра болела гриппом и провожать не пришла. Вася ушел выпить с ребятами.

«Надо ему сказать, чтобы подложил стельки из газеты, — думала Екатерина Михайловна. — Бумага хорошо держит тепло».

До отхода поезда оставалось пятнадцать минут. У Екатерины Михайловны мелькнула надежда, что Вася опоздает. Тогда ему придется прожить с матерью еще день или два, хочет он этого или не хочет. Но как только она это подумала, Вася появился.

— Пиши каждый день, — строго сказала Екатерина Михайловна, поправляя на нем кашне. — Из Уфы, из Челябинска, из Кокчетава.

— Ладно, — ответил он.

— И застегивайся на все пуговицы, сейчас не лето.

Вася молчал, поглядывая туда, где хохотали комсомольцы, провожающие Ипатова и Бахтина.

— Ты бы шла, мама, — сказал он наконец. — Чего тебе мерзнуть!

— Уйду, уйду, — проговорила Екатерина Михайловна обиженно.

— Вот наладится у нас там, и ты приедешь, — сказал Вася просто так, чтобы сказать что-нибудь.

Она поцеловала его три раза в холодные, пахнущие пивом губы и пошла, не оглядываясь, скрипя по снегу старенькими ботами. Она вышла на шумную Комсомольскую площадь, увидела чистильщика сапог и вспомнила, что не сказала о стельках. Она вернулась, снова купила перронный билет и заспешила к составу. Но поезд уже двигался, медленно и лениво, словно ему не хотелось расставаться с этим крытым столичным перроном.

Екатерина Михайловна смотрела на огоньки последнего вагона, исчезающие в снежном тумане, и физически ощущала, как неуклонно увеличивается расстояние между ней и Васей. Потом пришла домой и села писать письмо в Кокчетав до востребования.

В комнате было тихо и странно. Странно

выглядел столик, за которым всегда занимался Вася, странно выглядел диван, на котором он спал. На диване валялись технические книги, «Золотой теленок», фанерные лопатки пинг-понга — все то, что не поместилось в чемодане.

Екатерина Михайловна убрала все это и села.

Больше делать было нечего.

«Чем же заняться?» — подумала она растерянно. Читать книги она не любила. Вот уже десять лет после смерти мужа (он погиб в самом конце войны) она работала корректором. В течение этих десяти лет ей приходилось вычитывать — именно не читать, а вычитывать — самые разные сочинения самых разных авторов, и привычка вычитывать так глубоко укоренилась в ней, что даже фраза из «Войны и мира» отпечатывалась в ее сознании таким образом: «Наташа запятая стоя на коленях запятая ("Почему «на коленах», а не «на коленях»?" — сразу же замечала Екатерина Михайловна) испуганно запятая но прикованно открыть скобку она не могла двинуться закрыть скобку глядела на него запятая удерживая рыдания точка».

Кое-как дотянув до девяти часов вечера, Екатерина Михайловна потушила свет и легла. Напротив в большом новом доме светились все окна. Екатерина Михайловна смотрела на эти окна и думала, что так неизбежно случается во всех семьях: дети вырастают, отвыкают от родителей, идут своими путями. Она думала, что это естественно, правильно, и все-таки не могла заснуть до тех пор, пока на улице не погасили фонарей.

На следующее утро Екатерина Михайловна пришла на работу несколько раньше обычного и занялась чтением очередной верстки. О Васе не было сказано ни слова. Ровно в пять она отправилась домой и всю дорогу ощущала неловкость оттого, что ей некуда торопиться.

А через несколько дней вся корректорская неизвестно откуда знала, что Вася уехал в Казахстан. Екатерина Михайловна догадалась об этом, хотя девушки не заговаривали с ней, не расспрашивали о Васильке. Просто они стали иначе относиться к Екатерине Михайловне, стали предупредительней и деликатней к матери, воспитавшей надежного сына, который поехал в далекую, занесенную снегом степь и занимается важным, нужным народу делом, а не каким-то там выравниванием строк и осаживанием марашек.

Екатерина Михайловна с удивлением увидела, какая дружная и чуткая девичья семья окружала ее все эти годы, и ей стало стыдно своей отчужденности. Надо хоть рассказать девочкам, как Василек устроился, как живет... Но рассказать что-нибудь путное было трудно. Сын писал скупо. От него приходили открытки, косо исписанные, без абзацев и запятых, а разобрать некоторые слова было совершенно невозможно.

Однажды, встретив Нюру, Екатерина Михайловна спросила, пишет ли ей Василек. Нюра сказала, что пишет, но показать писем не захотела. Тогда Екатерина Михайловна познакомилась с Ипатовой, стала заходить к ней по вечерам, и обе женщины по нескольку раз вслух перечитывали письма Саши Ипатова. Из его писем Екатерина Михайловна узнала, что Вася работает механиком в совхозе и в него влюбилась какая-то «белобрысая» из отдела кадров. Саша Ипатов писал много и щедро, письма его были веселые, бодрые. Он писал, что ребята работают хорошо, не подводят родного завода, и сообщал о своем решении «все дороги перепахать, одну дорогу к коммунизму оставить».

Придя на работу, Екатерина Михайловна рассказывала о бескрайней степи, о длинных гонах тракторов, о том, что шоферы гоняют самосвалы со скоростью до ста километров, а ночью ориентируются, как моряки, по звездам, что дикие утки не боятся человека, а молодой беркут, увидев грузовик, снижается и долго летит рядом, подбивая машину бежать наперегонки.

Летом на письменном столе Екатерины Михайловны оказались цветы.

— Спасибо, — сказала она, глядя в гранки. Ей никто не ответил. Но на этот раз молчание было доброжелательным.

Вскоре пожилая женщина стала главной советчицей молчаливого коллектива, прониклась радостями и заботами девчат и стала оставаться вместе с ними «подрабатывать». Иногда она уже сама затевала разговоры и улыбалась вместе со всеми, когда черноглазая Марашка, подражая ее голосу, говорила:

— Девушки! Мешаете работать.

Летом в беспокойной Марашкиной голове родилась идея: собрать подарки и послать целинникам в Казахстан. Идею начали обсуждать еще в августе, порешили приурочить посылку к седьмому ноября и, конечно, отослать ее в тот совхоз, где работает Вася.

Екатерине Михайловне поручили составить примерный список того, в чем там, на целине, больше всего нуждаются. Несколько дней она добросовестно изучала письма Саши Ипатова и Васи, пытаясь найти какие-нибудь сведения о недостатке промтоваров или продуктов.

И вдруг Вася вернулся. Он явился совершенно неожиданно, рано утром, с узлом и чемоданом. Чемодан был грязный, обшарпанный, поцарапанный, перетянутый проволокой,— видимо, замки уже не действовали.

Войдя в комнату, Вася сразу попросил есть. Екатерина Михайловна разогрела вчерашний суп и села напротив сына. Вася немного похудел, но загорел и поздоровел и стал похож на казаха.

— Как же ты уехал? — спросила Екатерина Михайловна.

— Да ну их!..

— Ты что же? Совсем вернулся?

— Навеки.

— И тебя отпустили?

— Разве добром отпустят? — усмехнулся Вася. — Дай-ка еще супцу.

— Как же ты?

— Очень просто. Выпросил в отделе кадров трудовую книжку — и до свидания.

— Убежал, значит?

Вася поднял голову, внимательно посмотрел на мать.

«Обижается, — поняла она. — Действительно нелогично. Сама из дому не отпускала, а вернулся — опять недовольна. Нелогично».

— Наверное, там очень тяжело, Василек? — спросила она мягко.

— Конечно, нелегко! Работы до самого горизонта. Конца не видать. И бытовых удобств никаких. Воду за сорок километров возят. Глаза промыть нечем, не говоря о бане. Когда отправляли, наобещали семь верст до небес. И артисты приезжать будут, и кино будет, и квартиры дадут. А жили все лето в палатках...

— Ну хорошо. А как же другие? Ипатов, например?

— Ипатов где хочешь приспособится. Ему просто. Он всегда был пещерным человеком.

— Замолчи! — воскликнула Екатерина Михайловна и стукнула ложкой по столу.

— А что? — медленно сказал Вася и усмехнулся. — Могу обратно уехать.

Екатерина Михайловна со смятением чувствовала, что в душе ее поднимается злость и презрение к сыну. Ей было стыдно, до слез стыдно этого недостойного матери чувства, но она ничего не могла поделать с собой.

Отведя от сына глаза, она попыталась смягчить сердце испытанным средством: воспоминаниями о прошлом, воспоминаниями о тех годах, когда Василек бегал в коротких штанишках и карманы его были набиты камушками... Волосы у него были мягкие, как пух, и в локонах трещало электричество под расческой... А когда Василька спрашивали, кем работает отец, он отвечал, «новатором», и это казалось очень смешным. Потом он стал учиться и когда приносил из школы пятерку, то звонил у двери пять раз...

Однако воспоминания не принесли никакого облегчения.

Привычный путь до издательства показался ей в это утро очень тяжелым. Что же все-таки произошло? Ей всегда казалось, что сын растет настоящим мужчиной, смелым, уверенным в своих силах, презирающим мягкие тюфяки и домашние ватрушки. Она даже опасалась, что он сломя голову может пожертвовать собой из-за какого-нибудь пустяка, и боялась с его стороны излишнего героизма. И вдруг мальчик испугался палатки!

«Может быть, я сама виновата? — думала Екатерина Михайловна. — Может быть, я сама устроила лазейку для его совести, когда отговаривала, просила не уезжать?..»

На работе она была сумрачна и молчалива. Сказать девушкам, что вернулся Вася, у нее не хватило мужества. Девчата, почти год не видевшие Екатерину Михайловну в таком состоянии, удивлялись, спрашивали: «Что с вами?» Она молчала и думала, что не сегодня — завтра они все равно все узнают, и у нее замирало сердце.

Возвращаясь домой, она встретила Нюру.

— Поздравляю!— крикнула девушка.

— С чем, Нюра?

— Как же! Вася вернулся.

Екатерина Михайловна подошла к ней вплотную, положила ей на плечи руки и спросила печально:

— Чему ты радуешься, глупая? Чему?

* * *

Через несколько дней Марашка разнесла по корректорской весть о том, что с целины приехал Вася, чтобы забрать с собой Екатерину Михайловну, и что они уезжают в воскресенье. Поэтому девчата должны собраться на вокзале и проводить свою бывшую сослуживицу как полагается.

ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ

МИРМУХСИН

В Кремль, дехкане Хорезма,
Мы пришли в добрый час.
Ленин, с места поднявшись,
Встретил ласково нас,
Поздоровался с каждым
И на все времена
В каждом сердце посеял
Любви семена.

Зная наши заботы,
Чем мы дышим всегда,
Первым делом спросил он:
— Есть ли нынче вода?
Сразу нам показалось
В самом сердце Кремля,
Что мы дома, в Хорезме,
Видим наши поля.
Нет ни хлопка, ни хлеба
Без счастливой воды,
Без нее пропадают
Впустую труды.

И сказали мы с грустью:
— Очень мало воды!
Задыхаясь, копает
Дехканин арык,
Задыхаясь, вращает
Колесо-чигирик,
Чтоб воды было вдоволь.
Да где там, беда!..
Кровь хлопчатника — это
Голубая вода!

— Чем вы пашете землю?
— Деревянной сохой!
И задумался Ленин.
И, казалось, мечтой
Он в Хорезме, далёко,
Видит берег речной
И цветущие травы
За прохладной волной.
Все успел он, казалось,
Оглядеть в этот миг
И, желая помочь нам,
В день грядущий проник.

— Скоро с плугом железным
В поле трактор придет,
Скоро в городе вашем
Будет маслозавод.
Там, где почва от жажды
Томилась всегда,
Потечет по каналам
Большая вода,
А в селениях вспыхнет
Электрический свет.
Это будет, пожалуй,
Через несколько лет.

Вот что Ленин сказал нам,
Зорко глядя вперед.
Вскоре в нашем Ургенче
Вырос маслозавод.
Омачи лишь в музеях
Сегодня стоят,
По широкому полю
Ходят тракторы в ряд.
И забыли в Хорезме,
Как «колеса» скрипят!
А в пустыне, где путник
Пропадал без следа,
Нынче по расписанью
Вдаль бегут поезда.

Стал народ наш счастливым,
Край наш радостным стал.
Все сбылось, что когда-то
Ленин нам обещал.
Эту
В давние годы
Встречу краткую с ним
Мы вовек не забудем
И в душе сохраним,
Сколько б лет ни промчалось,
Вдохновляющий нас
Светлый ленинский образ —
Драгоценный алмаз.

Перевел с узбекского
Александр ОЙСЛЕНДЕР.

На меня глядел Ильич

Из поэмы

Павло ТЫЧИНА

В очереди к Мавзолею
я стою. Дрожу. Горю.
Сам себя я проверяю,
сам себе я говорю:

— Ты готов к деяньям важным?
Крепок ли души закал?
Ясен ум? Чиста ли совесть?
Чем ты людям нужен стал?

Холод в небе. Тучи ходят,
как по голубому льду...
Речь врага со здравым смыслом
нынче явно не в ладу.

Завтра за моря лечу я,
чтоб народы к миру звать.
Не легко там будет... Если б
сильным, как Ильич, мне стать!

В жизни множество колючек —
не одни цветы полей.
«Знаю, знаю»,— так он скажет.
И вхожу я в Мавзолей.

И взволнованно с другими
вниз да вниз спускаюсь я.
В каждом вся душа раскрылась,—
засветилась и моя...

Ах, когда б ему поведать
все заветное я мог!
...Приближаемся. Молчанье.
Только шорох наших ног...

Думал я о нем так часто
в блеске дня, во тьме ночной!
...Шаг еще — и вот я вижу
облик издавна родной.

Ленин! Ленин! Ой, как близко
Ленина увидел я!
В каждом вся душа раскрылась,—
засветилась и моя...

Показалось, слышу голос,
что решил мою судьбу:
«Время ль никнуть, точно колос?
В битву, в битву! На борьбу!»

Слышишь?
Рушит шалый ветер
стены, кровли. Вой да свист...
Кто же смерти нашей хочет,
за морями нож свой точит?
Империалист.

Империалист —
как спрут:
все б сожрал свободы...
Щупальца зло извиваются
там и тут...
Но народы,
но народы вырываются
из пут!

Словно с плеч гора свалилась,—
сердцем я услышал клич.
Из-под век своих смежённых
на меня глядел Ильич...

В бой за мир я смело ринусь
там, где свищет грозный бич...
Из-под век своих смежённых
на меня глядел Ильич...

Шорох наших ног. Молчанье.
Все без слов я смог постичь.
Из-под век своих смежённых
на меня глядел Ильич...

С ним прощаюсь я безмолвно.
С нами он, а не в гробу.
Выхожу. А в сердце голос:
«В битву, в битву! На борьбу!»

Холод в небе. Тучи ходят,
как по голубому льду...
Я же пламенем охвачен.
Слышу зов. Иду! Иду!

Империалист —
как спрут:
все б сожрал свободы...
Щупальца зло извиваются
там и тут...
Но народы,
но народы вырываются
из пут!

Перевела с украинского
Вера ЗВЯГИНЦЕВА.

ДЕПЕША

Яков КОЗЛОВСКИЙ

Легли на лица сумрачные тени,
И боль сдержать республике невмочь...
— Как чувствует себя товарищ Ленин?
— Как бьется сердце?
— Спал ли в эту ночь?

Он, раненный, лежит в своей квартире,
Вошла к нему на цыпочках жена.
А за окном
гроза грохочет в мире.
Суровый год.
Гражданская война.

И лишь заря позолотит ступени,
Газету «Правду» ожидают все:
Там о его здоровье бюллетени
Печатают на первой полосе.

Глядит Ильич на доктора с укором:
Строжайшим повелением врача
Газетам,
телеграммам,
разговорам
Заказан путь к постели Ильича.

И он грустит,
себя надеждой теша,
Что скоро врач отменит свой запрет...

Вдруг по́д вечер военная депеша
В Кремле к нему проникла в кабинет.

(Знай врач о том,
была б, наверно, буря:
Даны ему высокие права.)
И в тишине,
слегка глаза прищуря,
Читал Ильич солдатские слова:

«Две пули в Вас послала террористка.
На первую
(врагу пощады нет!)
Мы отвечаем взятием Симбирска,
«Даешь Самару!»— наш второй ответ».

Не спал Ильич, как не спала столица.
Склонился доктор с трубкой у плеча,
Потом поднялся и сказал, что биться
Ровнее стало сердце Ильича.

А вдалеке,
в дыму,
по крутояру,
Вновь скакуна в атаке горяча,
Повел полки Чапаев на Самару.
И ровно билось сердце Ильича.

Новоселье

Владимир СЕМЕНОВ

За праздничным столом веселье,
Пришли товарищи, друзья.
В квартире новой
Новоселье
Справляет вся твоя семья.

Семейные портреты в рамках —
Родные со стены глядят.
А вот
Замшелая землянка,
Где ты когда-то жил,
Солдат.

И рядом с ней
Увековечен
Шалашик стороны лесной...
Пиджак, накинутый на плечи, —
Ильич над книжкой записной.

Ведь чтобы в новый дом
счастливым
Вошел ты с гордостью в душе,
Жил вождь когда-то
под Разливом
В простом крестьянском шалаше.

Синявинские певцы

Игорь КОБЗЕВ

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Помнится, лет пять назад зимой впервые побывал я в тульском селе Синявине и с тех пор надолго сохранил в памяти эту поездку...

В студеные зимние вечера, когда по всей округе вьет и сучит свои снежные нити февральская вьюга, нет в Синявине места уютнее, чем колхозный клуб. Здесь возле тепло натопленной печи, на лавках усаживаются старики, пожилые хозяйки в тяжелых, со строгими узорами платках. На дощатых подмостках клубной сцены в окружении молодежи молчаливо ждет баянист...

В такие вечера без надобности лежат в шкафу новенькие шашки; никто не стучит по столу костяшками домино. Собравшиеся в клубе люди сидят тихо, неторопливо и торжественно ожидают чего-то.

Только изредка вспыхивает среди собравшихся спор знатоков своего дела:

— Полно вам, Павел Владимирович!.. У Голиковой голос-то посильней, чем у Рядчиковой.

— Навряд ли, Сергей Иванович. Верка ей никак не уступит. Послушайте-ка, какие она верхи берет...

А пурга все набирает силы. И когда лишь на один миг распахивается клубная дверь, пропуская очередного гостя, то становится слышно, как за порогом свистит, булькает и клокочет перемешанный со снегом ветер.

Но вот откуда-то из темного угла избы раздается решительный и деловитый голос «патриарха синявинских басов», восьмидесятилетнего Тихона Селиверстовича Родина:

— Ну, давай, Вера, начинай, что ли...

— Говори, Вера, говори! — оживляясь, подхватывают старая колхозница Евдокия Авдеевна Леонова и высокая, прямая Аграфена Сергеевна Богоявленская, колхозный бригадир.

— А чего говорить-то?— решив, видно, немного поломаться, спрашивает Вера Рядчикова, большеглазая, быстрая в движениях девушка, окутанная пухом белоснежного платка.

— Сама знаешь, чего,— строго и требовательно бросает Родин...

Изба моментально затихает в полнейшей тишине. Люди сидят, боясь пошевелиться.

Скромно опустив голову, Вера старательно и чуточку неуверенно начинает вырисовывать бойкую мелодию:

> Перевоз Дуня держала,
> держала, держала,
> перевозчика наняла, наняла...

С каждым словом, однако, голос ее становится все смелее, увереннее, и вот уже слышатся в нем удалая игра и гордость, и чуть грустный ломкий звон серебряных колокольчиков. Кажется, не только собравшиеся люди, но и сама певица с удивлением прислушивается к этому чудесному звучанию. А в тот миг, когда уже вот-вот погаснет дрожащий фитилек тонкого девичьего голоса, вдруг разом, дружно на поддержку ему приходит хор: звонкие девичьи альты, нежные сопрано, густые мужские басы. И сразу оживают и начинают звучать бревенчатые стены избы, и тихо, мелодично подрагивают стекла окон.

> В роще калина,
> темно, не видно,
> соловушки не поют...

Редко где можно услышать такое естественное, слаженное, идущее на одном дыхании, стройное пение. Видно, даже приходя в клуб просто отдохнуть — не на спевку и не на репетицию,— люди уже по привычке рассаживаются здесь по голосам: басы к басам, тенора к тенорам. И трудно назвать это пение казенными словами «культурный отдых» или «клубное мероприятие». Нет. Зимними вечерами в маленьком, закиданном снегом сельском клубе происходит что-то гораздо более важное и значительное. И, судя по серьезным и даже торжественным лицам поющих людей, они сами это хорошо понимают.

Вслед за трогательной песней о девичьей судьбе затягивает хор светлую и чистую «Занялася заря расписная», потом «Я на горку шла», потом «Ноченьку», «Не одна во поле дороженька» и много, много других.

Или вдруг запевает Вера песню, которую можно услышать только здесь, потому что здесь эта песня и родилась. В ней речь идет о синявинце, дважды Герое Советского Союза летчике-североморце Борисе Сафонове, имя которого носит колхоз.

...У русских сел, так же как и у людей, у каждого свой собственный, непохожий на других характер.

Во Мстере и Палехе живут живописцы, под Вологдой — кружевницы, в Калининской области — золотошвеи, в Рязанской — вышивальщицы, в горьковских селах — резчики по дереву.

А в Синявине живут певцы. В этих словах нет никакого преувеличения. Поют здесь буквально все: и пожилые женщины, и молодые парни, и трехлетние дети, и глубокие старцы.

Говорят, будто как раз здесь подсмотрел И. С. Тургенев состязание двух талантливых самородков, описанное им в замечательном рассказе «Певцы». Как утверждают старики, прежде и называлось Синявино Колотовкой, то есть именно так, как в рассказе Тургенева.

Стоящий над крутым косогором клуб тоже связан преданиями с тем самым «Притынным» или «приютным» кабачком, где состязались тургеневские певцы.

...Несколько лет не был я в Синявине.

Допоздна над селом звучат звонкие песни...

И вот снова по искрящемуся накатанному проселку везет меня попутная лошаденка к знакомому селу.

В ранних светлых сумерках со дна глубокого оврага, точно из-под земли, выплыли и замаячили над горизонтом пушистые дымки. А там показались и железные кровли. И вскоре раскинулось перед глазами все село.

Лошадь осторожно начала спускаться по скату оврага. Из-за домов показались стены новых животноводческих построек. На реке у мельницы, отремонтированной и пущенной в ход, отчаянные сельские мальчишки, вооружившись палками, играют в «морской бой»... Из распахнутой двери кузницы вместе с духовитым дымком вырывается тонкое позвякивание металла.

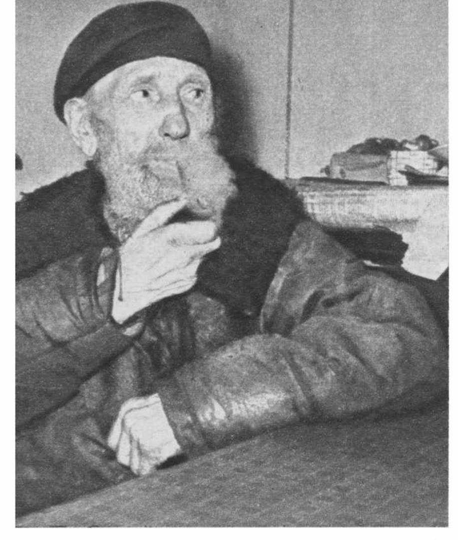
По крутой улице поднимается в горку плотный, широкоплечий парень с выбивающимися из-под шапки черными кудрями. Я узнаю в нем своего старого знакомого Петра Писанова. Это колхозный активист, бывший стрелок-радист бомбардировщика. Петр — родственник того знаменитого синявинского баса, колхозного конюха Константина Филипповича Писанова, о котором рассказывают, будто от его мощного голоса гасли в избе керосиновые лампы и трескались стекла...

Здороваясь с ним, я в шутку говорю, что, должно быть, он разбогател, раз не хочет узнавать знакомых...

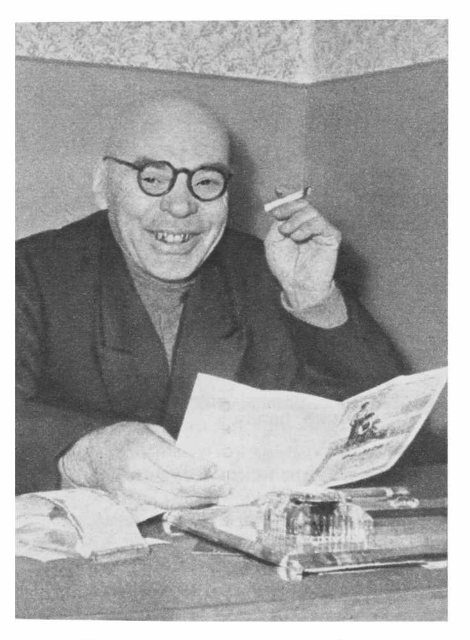
— Разбогател, это верно! — радушно улыбаясь, подхватывает Петр.— Мы тут все за последние годы разбогатели.

И он принимается нехитро рассказывать о том, как вырос доход колхоза, каким дорогим стал колхозный трудодень, сколько за последнее время построено, сколько куплено всего.

— Председатель у нас новый,

«Патриарх синявинских басов» Т. С. Родин.

Учитель химии А. А. Мережко — автор многих песен, которые поет синявинский хор.

Две подружки, Валя Голикова (слева) и Вера Рядчикова, постоянно соревнуются друг с другом: «Кто кого перепоет!».

приезжий, бывший подполковник. Энергичный!

— А петь-то не перестали?

Веселое, морозное лицо Петра Писанова вдруг сразу становится злым и обиженным.

— Тут нам хвастать нечем! Впрочем, сами все увидите!

Он досадливо машет рукой.

...Как и прежде, в вечерние сумерки в колхозный клуб начинает стекаться народ. Сегодня здесь состоится чтение лекции.

Среди собравшихся я вижу своих старых знакомых, а также много новых, должно быть, подросших за это время, неизвестных мне парней и девушек. До начала лекции бригадир Аграфена Сергеевна Богоявленская рассказывает окружившим ее колхозникам, как будет проводиться в этом месяце авансирование. Разговор идет о строительстве нового зернохранилища, о разбивке сада, о пасеке, о подготовке к весеннему севу...

А тем временем в задней, полутемной части комнаты о чем-то гомонит тесно сгрудившаяся на лавочках молодежь. Девчата лузгают семечки, парни дымят махоркой, нахально обнимают своих соседок. То и дело слышится: «Отвяжись!», «Не ори!».

Прямо на полу, прислонившись к стене, сидит пьяный. В дверях, не обращая внимания на увещевания молоденького завклубом, ребята толкаются и спорят...

Никогда раньше не видел я подобной картины в этом селе, где всегда так уважительно, с такой трогательной, глубокой почтительностью относились друг к другу люди.

В стайке девушек вскоре разглядел я запомнившееся мне большеглазое лицо голосистой Веры Рядчиковой.

— Спели б что-нибудь по старой памяти,— попросил я ее.

— Подо что петь-то? Под испорченную гармошку? Я и так уже голос сорвала.

— А где же ваш баян?

— Где?! Спросите у председателя сельского Совета Лукашина, кому он его подарил.

— Приехали послушать наше пение? — спрашивает меня подошедшая Аграфена Сергеевна Богоявленская. И с грустью добавляет: — Плохой наш хор стал. А все потому, что никакого внимания мы не видим. Уж сколько времени просим мы район прислать нам руководителя. Да только ни ответа, ни привета. Прежде у нас Маркелова руководила. Она хотя и неспециалист, но ведь председателем сельсовета была, нажимала на нас. А теперь редко хором поем по-настоящему...

— Это верно,— поддержал Богоявленскую мрачный, обросший пепельной бородой старик Тихон Селиверстович Родин.— Раньше был у нас хороший руководитель — учитель Ступин. Он всех певцов нотной грамоте научил.

С обидой и грустью принялись рассказывать колхозники о том, как пришел в упадок их хор.

Обиду синявинцев нетрудно понять. Сколько самых лучших дней жизни связано у них с песней!

Еще совсем недавно слава синявинских певцов гремела на областных и всероссийских смотрах художественной самодеятельности. В составе объединенного районного хора под управлением плавского учителя А. А. Мережко они выступали на сцене столичного Большого театра, вызывая восхищение и удивление лучших мастеров искусства страны. Голоса синявинских певцов до сих пор звучат в записи по московскому радио.

Но, оставленный без внимания, без поддержки, сельский хор не смог расти и совершенствоваться.

Равнодушно относятся к замечательному песенному коллективу плавские районные руководители. «Синявинский хор умер, и нечего о нем говорить»,— так заявляет заведующий отделом агитации и пропаганды Плавского РК КПСС тов. Юрков. Заведующий отделом культуры райисполкома тов. Шадский в Синявине не бывает, певцами не интересуется.

Однако все же преждевременно решил товарищ Юрков «похоронить» синявинских певцов...

Хотя уже нет здесь того слаженного, дружного хора, нет руководителя, нет инструмента, все же не пропала у синявинцев любовь к песне.

В просторной избе учителя Сергея Ивановича Меркулова собравшиеся вокруг самовара старики опять заводят разговор на любимую тему...

— Помните, Евдокия Авдеевна, какой беспредельный голос был у Константина Филипповича Писанова?! Бывало, только пастух зорьку проиграет, а уж он как затянет! В соседних селах, говорят, было слышно.

Строгий крутолобый учитель Сергей Иванович Меркулов замечает:

— Вот я никак не пойму, почему у нас Вера Рядчикова, и Валя Голикова, и другие в консерватории не учатся? Ведь такие голоса и по радио не услышишь. А они только ходят, обнявшись, по селу да голосят на морозе... Эх!..

— Пригласить бы нам руководителем Александра Андреевича Мережко,— мечтательно произносит Евдокия Авдеевна Леонова.— Ведь у нас столько его песен поют!

— А, пожалуй, он согласится,— обрадованно кивает своей пегой бородой Тихон Селиверстович.— Слыхал я, будто в районе его обидели. Теперь он там, в Плавске, от хора отошел. Стало быть, надо послать к нему наших послов.

Такие разговоры служат здесь вроде как бы прелюдией и кончаются обыкновенно долгим пением. Вот уже седые колхозницы подперли кулаками подбородки и, задумчиво глядя куда-то вдаль, заиграли голосами, вырисовывая кружевной, узорчатый мотив...

И до поздней ночи через замороженные окна без конца льются на улицу задушевные русские песни...

...Подрастают здесь и новые таланты...

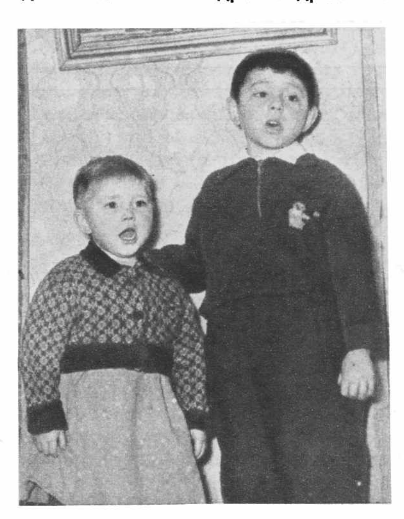
Зашли мы в гости к молодой чете Воробьевых. Краснощекая и ясноглазая мать семейства Лидия Воробьева (обладательница прекрасного сопрано) вынесла из-за занавески двух своих малышей: пятилетнего Витю и трехлетнюю Наташу. Ребятишки только что проснулись после «мертвого часа» и терли ручонками глаза.

— Вот, Витя, гости пришли послушать, как ты поешь,— сказала Лида.

— Пускай послушают,— охотно согласился кареглазый Витя. И добавил: — Я еще на коньках умею кататься.

Мать поставила перед комодом обоих маленьких «артистов», и те, ничуть не робея (видно, им не впервой выступать перед «публикой»!), откашлявшись, начали...

У Вити оказался высокий-высокий, чистый, как лесной ручеек, голос, безупречный слух и удивительная для ребенка память: ни разу он не сфальшивил, не запнулся. Маленькая Наташа, чуточку картавя и с трудом выговаривая длинные слова, еле успевала за ним. Голосок у нее не такой прозрачный, как у братишки, с хрипотцой (может быть, оттого, что после сна), но и она — трехлетняя девочка! — уже умела отлично передать мелодию, помнила все слова песни от начала до конца. Порой ей не хватало дыхания, тогда она отставала от братишки и на секунду замолкала, а потом снова в нужном месте, не сбиваясь с такта, подхватывала мотив.

Трехлетняя Наташа и пятилетний Витя Воробьевы больше всего на свете любят петь...

Ребятишки пели не детские песенки (этому им, видно, негде научиться), а те же самые, которые поет их мама. В их «репертуаре»: «Называют меня некрасивою», «Вот кто-то с горочки спустился, наверно, милый мой идет...», «Над водой березки, елки...».

Забавно смотреть, как два карапуза, по-детски ломая слова, поют «взрослые» песни. И все же хорошо, что так рано, с первых шагов по струганым половицам избы начинают они знакомиться с высокой народной поэзией.

У синявинских школьников пение — самый любимый урок. Двоек по этому предмету у них нет. Ребята знают бесчисленное множество народных русских и советских песен.

Можно часами стоять и слушать, когда, усевшись на широком крыльце, в тени от высокого постамента памятника герою-летчику, ребята поют свои песни, раздольные и задорные.

КОГДА В. И. ЛЕНИН БЫЛ В ШВЕЙЦАРИИ

Р. СКОМОРОВСКАЯ

В. И. Ленин провел много лет в Швейцарии. Сюда он, двадцатипятилетний марксист, приехал на заре своей революционной деятельности, в мае 1895 года, чтобы связаться с группой «Освобождение труда» и познакомиться с западноевропейским рабочим движением. Из Берна он выехал 9 апреля (27 марта) 1917 года в Россию, чтобы стать во главе трудящихся масс и повести их к победе. Из этих 22 лет он свыше семи лет провел в Швейцарии — больше, чем в какой-либо другой стране за границей, а жил он и во Франции, и в Англии, и в Италии, и в Германии, и в Бельгии, и в Австро-Венгрии.

Швейцарский период жизни Владимира Ильича связан прежде всего с городами Женевой, Цюрихом, Берном и Лозанной, затем с Циммервальдом и Кинталем, где во время первой мировой войны происходили международные социалистические конференции, наконец, с деревушками Пюиду (у живописного озера Бре), Зеренберг и Флюмсберг, куда он ездил летом с Надеждой Константиновной. Он читал доклады и рефераты в десятках швейцарских городов как на русских собраниях, так и перед местными рабочими. Любознательный путешественник и неутомимый альпинист, он вместе с женой изъездил и исходил всю страну вдоль и поперек.

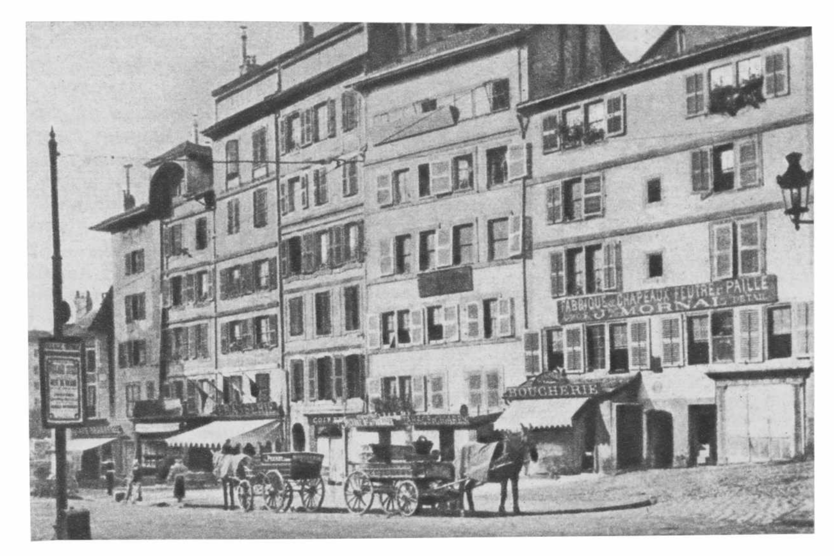
Большой интерес представляет выявление всего, что связано с пребыванием Владимира Ильича в Швейцарии: где и в какое время он жил? Какие книги, журналы, газеты и на каких языках читал в женевских, бернских и цюрихских библиотеках? На каких собраниях выступал или хотя бы присутствовал, какие университетские лекции слушал? В каких рабочих демонстрациях участвовал? Какие народные празднества, театры посещал, как работал, отдыхал и развлекался, с кем, когда и где встречался? Нужно, наконец, тщательно обследовать все места, где могут храниться еще не известные ленинские рукописи, письма, записи, отметки на полях книг, фотографии. Еще в 1936 году мы с мужем разыскали рукопись Ленина «По поводу так называемого вопроса о рынках». В течение сорока лет эта работа, написанная в 1893 году и представляющая исключительный интерес, считалась безнадежно утерянной. Мы надеемся, что это не последняя наша находка...

Трудно, конечно, разыскать какие-либо следы через 40—60 лет. Трудно, но возможно. Советскому читателю, привыкшему к бурному развитию своей страны, следует учесть сравнительную неподвижность швейцарского быта. В течение полутора столетий Швейцария не знала войн и связанных с ними бедствий и разрушений.

Наша работа облегчается помощью, которую оказывают нам как общественные организации, так и частные лица. Швейцарцы любят свое прошлое и понимают наш интерес к тому, что связано с жизнью гениального Ленина в их стране.

Но есть обстоятельство, затрудняющее установление фактов. Одно из них, как ни странно, заключается в самой известности В. И. Ленина. Находится много людей, которые уверяют, что они знали, видели, встречали Владимира Ильича. Обычно ими руководит пустое тщеславие, реже — корысть. Так, три года назад во Флоренции нам попался врач-швейцарец, который с гордостью рассказывал, что учился вместе с Лениным... на медицинском факультете в Цюрихе. Велико было его огорчение, когда мы ему возразили, что Владимир Ильич не учился в Цюрихском университете и вообще никогда не был на медицинском факультете. Подобный фантазер не представляет большой опасности. Сложнее с теми, кто смешивает быль и выдумки. Приходится терять немало времени, чтобы разобраться в сообщениях таких «достоверных» лжесвидетелей.

Но бывают и настоящие удачи. В июне 1955 года мы посетили места, где Владимир Ильич и Надежда Константиновна проводили лето 1916 года. Было известно, что они жили в Флюмсе. Но этот невзрачный городок, расположенный в долине, никак не мог прельстить Ленина: мы изучили его вкусы и знали, что он любил горные места, где много солнца и простора, где можно бродить по тропинкам и взбираться на неприступные утесы.

Площадь Сен-Жерве. Центр провинциальной Женевы, какой она была в 1895 году, когда Ленин приехал сюда в первый раз.

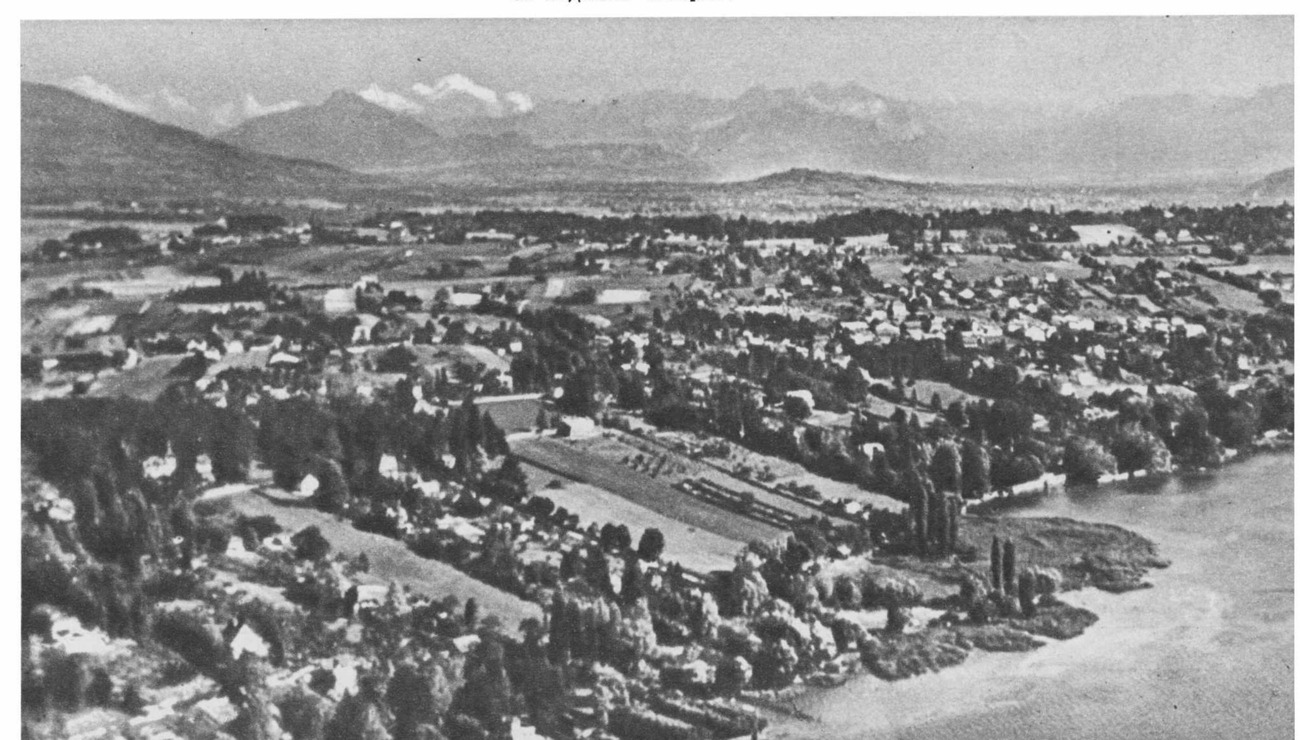
После долгих расспросов местных жителей удалось найти горную деревушку Флюмсберг, которая находится километрах в десяти от Флюмса. Дорога к ней идет круто вверх и на высоте 1 300 метров приводит к дому отдыха «Чудивизе», расположенному на опушке леса. Здесь действительно можно отдохнуть!

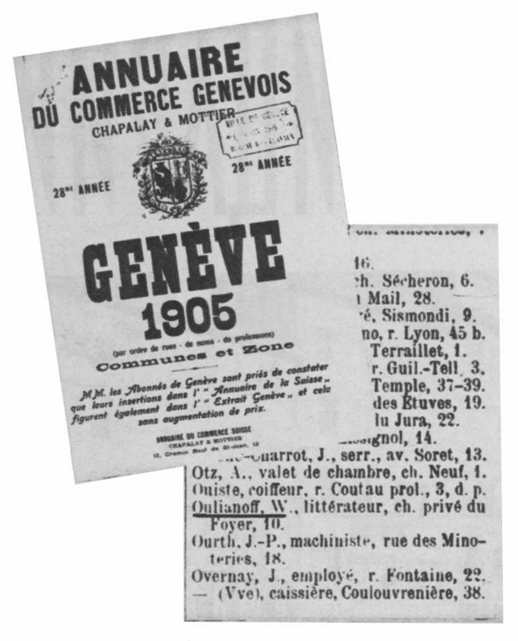
Гостиница летом оказалась закрытой: в эти места приезжают теперь лишь на зимний сезон. Два дня мы обходили соседние шалаши и узнали, что старого владельца «Чудивизе» нет уже в живых. Дом перешел к его внуку. Мы разыскали его. Он сообщил нам, что в Флюмсе живет женщина, работавшая в «Чудивизе» в 1916 году. Мы ее посетили. Приняла она нас исключительно любезно и на вопрос, были ли в ее время в «Чудивизе» русские, не задумываясь, ответила: «Единственные русские, которых я за всю свою жизнь знала, были Владимир Ульянов и жена его Надежда». Хотя прошло уже тридцать девять лет, она прекрасно помнила эту фамилию. О том, что Ульянов и есть Ленин, о котором она, разумеется, много слышала, женщина не имела никакого представления...

Легко понять, с каким вниманием и волнением мы слушали ее рассказ о том, как Ленин был прост и сердечен в обращении, как совершал далекие прогулки в горы и часто ходил в Флюмс за почтой. Вместе с тем Ленин ежедневно работал по нескольку часов, расположившись на лужайке перед домом; у него было много книг и газет, и он что-то быстро писал на больших белых листах. Женщина эта указала нам место, где стояли скамья и стол, за которым работал Ленин. Там раньше росло старое, развесистое дерево, которое срубили лишь несколько лет назад.

Встретить в Швейцарии людей, которые общались с Лениным, —

Городок Везена в пяти километрах от Женевы, на южном берегу Женевского озера. Ленин жил здесь в августе 1900 года, когда вел переговоры с Плехановым и другими членами группы «Освобождение труда» об издании «Искры».

ANNUAIRE
DU COMMERCE GENEVOIS
CHAPALAY & MOTTIER
28me ANNÉE
GENÈVE
1905
Communes et Zone

...ch. Sécheron, 6.
...Mail, 28.
...é, Sismondi, 9.
...no, r. Lyon, 45 b.
...Terraillet, 1.
...r. Guil.-Tell, 3.
...Temple, 37-39.
...des Etuves, 19.
...du Jura, 22.
...gnol, 14.
...Charrot, J., serr., av. Soret, 13.
Otz, A., valet de chambre, ch. Neuf, 1.
Ouiste, coiffeur, r. Coutau prol., 3, d. p.
Oulianoff, W., littérateur, ch. privé du Foyer, 10.
Ourth, J.-P., machiniste, rue des Minoteries, 18.
Overnay, J., employé, r. Fontaine, 22.
— (Vve), caissière, Coulouvrenière, 38.

Женевский справочник на 1905 год. На снимке: заглавная страница и та страница, где указан адрес «литератора Ульянова». Дом находился в поселке Сешерон и сохранился до нашего времени.

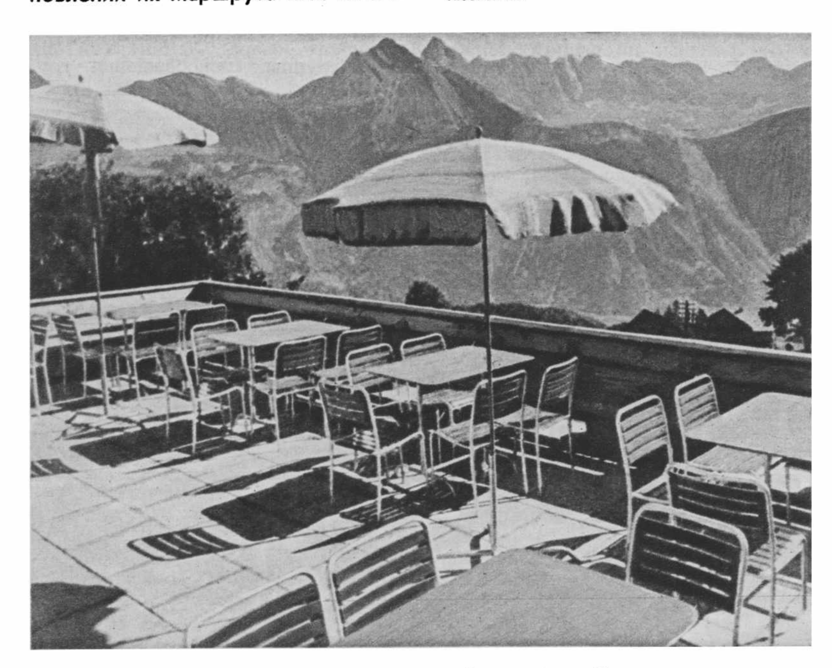
конечно, редкая удача. Но остались всякие письменные свидетельства и официальные документы, вплоть до железнодорожных и пароходных расписаний того времени, которые помогают нам установить даты различных поездок, уточнить маршруты. Мы извлекли из архивной пыли Женевский справочник на 1905 год. Там в числе жителей Женевы значится «Ульянов, В., литератор» и приведен его адрес. Мы не теряем надежды разыскать в правительственных учреждениях административно-полицейские данные о Ленине. До настоящего времени нам удалось обнаружить лишь «Дело о высылке Георгия Плеханова»: как «опасный анархист» он был выслан из Швейцарии в 1889 году и вернулся в Женеву лишь пять лет спустя.

В свое время Крупская описала, как она с Владимиром Ильичем совершила летом 1904 года большую прогулку по горам. Мы повторили эту прогулку, пользуясь книгой Надежды Константиновны как путеводителем и пополняя ее рядом других данных. При установлении их маршрута нам много помогли особенности Швейцарии: дороги здесь пролегают в долинах, между которыми расположены непроходимые горы, и имеется лишь ограниченное число перевалов. Если, таким образом, известны исходный и заключительный пункты путешествия, можно, пользуясь картами, указателями и собственным чутьем, уточнить весь маршрут.

Сопоставляя самые разнообразные сведения — письменные и устные, официальные и частные, документы и легенды, точные даты и предположения, — отметая все то, что не представляется достоверным, мы хотим составить точную хронологическую и географическую сетку, на которую будут занесены все факты, относящиеся к жизни В. И. Ленина в Швейцарии, к его революционно-политической и научно-литературной деятельности. Мы подготовляем также карту Швейцарии, на которой будут отмечены все города, городки, деревни, где он пробыл хотя бы несколько часов, и маршруты всех его поездок на конференции, совещания и собрания, а также прогулок пешком в редкие дни отдыха. Таким же образом будут составлены планы Женевы, Берна и Цюриха с указанием всех мест (квартир, библиотек, народных домов, залов для собраний, помещений партийных организаций и газет, театров, университетов), которые как-либо связаны с именем Владимира Ильича. Мы ищем также фотоматериалы, разумеется, не современные, а относящиеся к Швейцарии на рубеже XIX и XX столетий. Все это поможет познакомиться с обстановкой, в которой протекала жизнь Ленина.

Работа эта кропотливая, медленная, мозаичная. Но постепенно отдельные камешки, укладываясь на свое место и дополняя друг друга, создают общую картину.

Женева

Терраса «Чудивизе» и вид, открывающийся с нее. Ленин жил здесь в июле 1916 года.

*) При исполнении одним голосом — петь верхние ноты

ПОРТРЕТ ИЛЬИЧА

Слова В. ПУХНАЧЕВА. Музыка М. КОВАЛЯ.

Ты не видел Ленина живого,
Теплоты руки его не знал,
Но свое немеркнущее слово
И тебе и мне он завещал.

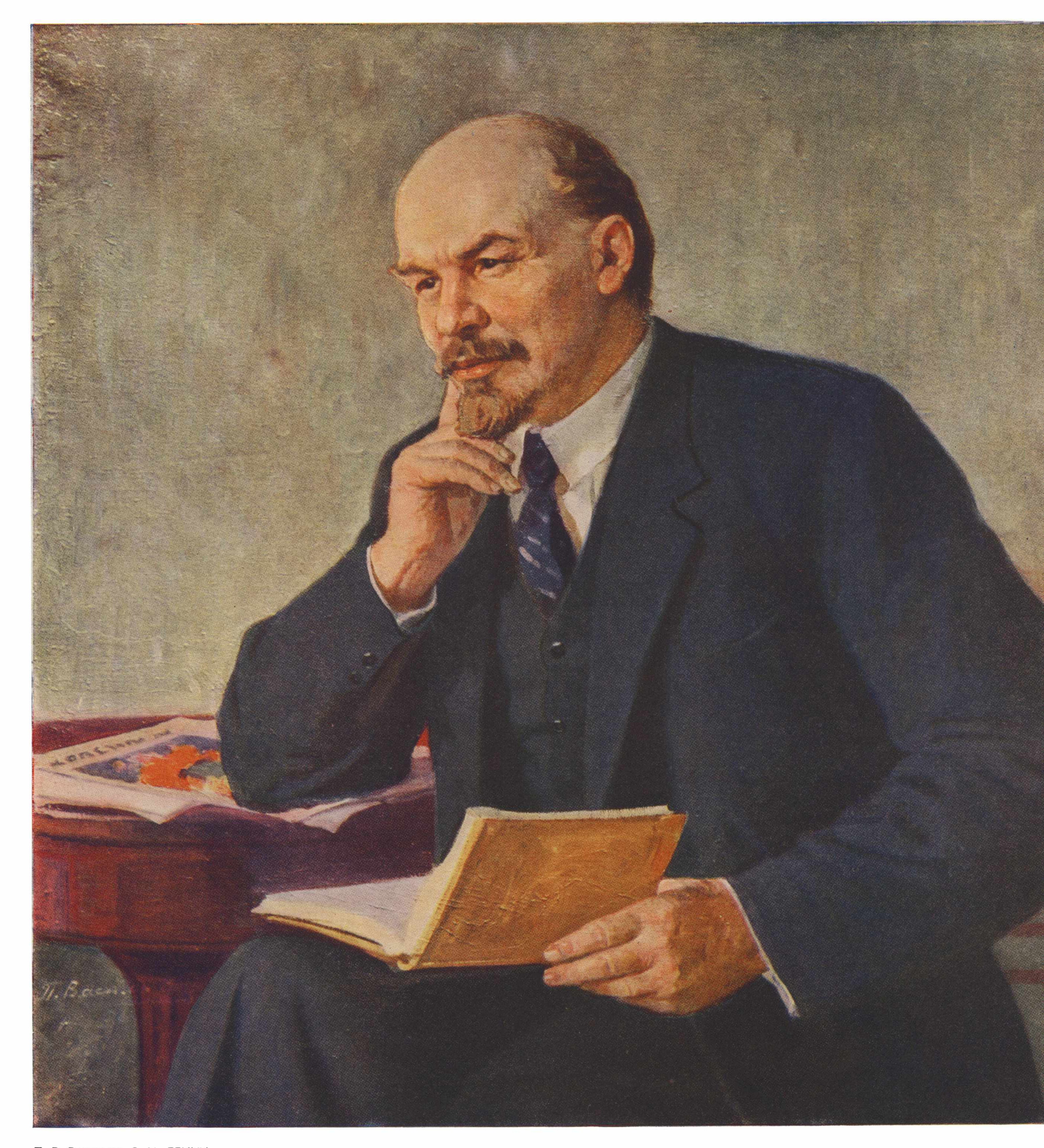
Припев: Как жива улыбка на портрете,
Будто рядом здесь Ильич с тобой!
Если жить по ленинским заветам,
Легче победишь в борьбе любой.

А случись, тебя постигнет горе,
Станет боль остра и горяча,
Ты увидишь силу в этом взоре,
Ласки свет, участье Ильича.

Припев.

Будь в труде упорным и отважным —
Это ясный Ленина завет!
Жизнь его тебе о многом скажет
И твоим стремленьям даст ответ.

Припев.

П. В. Васильев. В. И. ЛЕНИН.

«Огонек».

П. В. Васильев. В. И. ЛЕНИН И Н. К. КРУПСКАЯ.

Д. А. Налбандян. В. И. ЛЕНИН У ГОРЬКОГО В 1919 ГОДУ.

Четвертая выставка произведений действительных членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР.

И. А. Соколов. КАБИНЕТ В. И. ЛЕНИНА.

Четвертая выставка произведений действительных членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР.

Герб Туниса.

НА ПРАЗДНИКЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ТУНИСА

Г. РАССАДИН

Солдаты тунисской национальной армии.

18 апреля исполнилась вторая годовщина Бандунгской конференции. Эти два года народы Азии и Африки продолжали неустанную борьбу за мир, за укрепление своей независимости, за социальный прогресс.

«Дух Бандунга» — дух международного сотрудничества — живет и служит делу всеобщего мира.

Из года в год растет семья независимых народов Азии и Африки. 19—20 марта 1957 года тунисский народ праздновал первую годовщину своей независимости. На этот национальный праздник были приглашены многочисленные делегации со всех концов мира. Правительственную делегацию Советского Союза возглавлял депутат Верховного Совета СССР, председатель Верховного Суда СССР А. Ф. Горкин. По окончании официальных празднеств советская делегация совершила поездку по стране.

Когда советская делегация, путешествуя по Тунису, прибыла в прилегающий к Сиртскому заливу район Суса, взорам открылась изумительная панорама: по долинам, казалось, без конца и без края тянулись серебристые оливковые рощи. Сильные, коренастые деревья, которых в Тунисе насчитывается до двадцати четырех миллионов, являются кормильцами многих и многих десятков тысяч людей. Среди оливковых деревьев есть двухтысячелетние старожилы. Если бы они умели рассказывать, то поведали бы о том, как римляне разрушили Карфаген, о завоевании Туниса византийцами, а затем арабами, турками. На смену одним поработителям приходили другие. Последние семьдесят пять лет Тунис являлся протекторатом Франции.

И вот год тому назад в результате мужественного национального движения за свободу тунисский народ обрел наконец независимость.

Город Тунис — столица государства — насчитывает четыреста тысяч жителей. В дни праздника он был расцвечен национальными флагами Туниса, красочно иллюминирован. Улицы круглые сутки были заполнены ликующими толпами народа.

Чувство национальной гордости проявлялось повсюду: и в строгой осанке гвардейцев, стоящих у входа в резиденцию правительства с саблями наголо, и в возгласах многотысячных толп, приветствовавших первый парад тунисской национальной армии, состоявшийся на широкой пальмовой аллее улицы Мохамеда V.

В этом знаменательном для Туниса параде участвовали первые соединения пехоты, кавалерии, артиллерии, войск связи, а также военно-спортивные организации молодежи, бойскаутские отряды. Вдоль улицы стояли десятки тысяч жителей Туниса — мужчины в тюрбанах малинового цвета, женщины в белых праздничных накидках, надетых на голову. Люди сидели на заборах, взбирались на пальмы, на балконы, на крыши домов, чтобы лучше рассмотреть участников парада.

На национальном празднике Туниса присутствовали представители разных государств. С особым энтузиазмом приветствовали тунисцы делегации Египта, Марокко, Саудовской Аравии, Сирии и других арабских стран.

Советская делегация с первого момента прибытия на тунисский аэродром пользовалась неизменным гостеприимством официальных властей и горячими симпатиями тунисского населения. Возгласы «Да здравствует Советский Союз! Да здравствует Хрущев! Да здравствует Булганин!» можно было слышать и на улицах столицы, и в провинциальных городах, и в мелких селениях, которые советская делегация посетила во время своей поездки по стране.

Год — слишком небольшой срок для жизни молодого независимого государства. Но за это время Тунис сделал первые шаги по пути укрепления независимости и национального прогресса. Начаты новые ирригационные работы, проводится реформа в области образования, идет строительство новых школ, интернатов, детских домов. Не только национальный флаг, но и арабский язык обрел законное место в государственной и национальной жизни.

Несмотря на эти первые успехи, тунисский народ сознает, что ему еще предстоит многое сделать для укрепления и упрочения своей независимости.

Крупнейший военно-морской порт Туниса — Бизерта — еще является не тунисской, а французской военной базой. Нет-нет да промелькнет на улицах столицы военный грузовик с французскими солдатами, которые появляются здесь под предлогом «перемещения».

Велики экономические трудности Туниса. В стране около четырехсот тысяч безработных, в то время как все население Туниса немногим больше трех с половиной миллионов человек.

Спекулируя на экономических трудностях молодого тунисского государства, заокеанские благодетели предлагают Тунису свою якобы «бескорыстную помощь».

— Американцы прислали нам шесть тысяч тонн пшеницы,— сказал мне молодой тунисский адвокат,— но пшеница-то оказалась гнилая, непригодная для посева.

Празднование Дня независимости Туниса показало стремление и решимость тунисского народа отстоять свою независимость. На стороне народа Туниса, как и других народов Африки, симпатии всего прогрессивного человечества. Советские люди желают тунисскому народу новых успехов!

Глава советской правительственной делегации товарищ А. Ф. Горкин (справа) вручает премьер-министру и министру иностранных дел Туниса Хабибу Бургиба приветствие от министра иностранных дел СССР А. А. Громыко.

На военном параде в честь первой годовщины со Дня независимости Туниса. Слева направо: премьер-министр Туниса Хабиб Бургиба, бей Туниса Ламин Первый, глава делегации Саудовской Аравии принц Фейсал.

→ Фанфаристы возвещают о начале парада тунисской национальной армии.

На зарубежных рингах

Геннадий ШАТКОВ,
чемпион Европы, мира и XVI Олимпийских игр

Путь в Мельбурн

После того, как мне удалось выиграть звание чемпиона Европы, я часто слышу один и тот же простой и даже немного наивный вопрос: «Как вы добились успеха?» На этот простой вопрос очень трудно ответить.

Боевые боксерские перчатки, применяемые на зарубежных рингах, весят 8 унций (то есть 227 граммов) каждая, а тренировочные — 16 унций. Мне кажется, что это соотношение — тренировочные в два раза тяжелее боевых — многое объясняет лучше всяких слов.

Иван Павлович Осипов, мой тренер, постарался с самого начала внушить нам, членам боксерской секции ленинградского Дворца пионеров, образно выражаясь, любовь именно к утяжеленным перчаткам.

И еще часто спрашивают: «Как вы пришли на ринг?» На этот вопрос ответить легче.

Известно, что в среде мальчишек самым большим уважением пользуются сильные и ловкие. Дарвиновское положение насчет естественного отбора, можно сказать, имеет в мальчишеском племени силу закона. Поэтому, наверное, почти у всех боксеров увлечение боксом начиналось с одного и того же: со стремления стать независимым и уважаемым членом мальчишеского племени.

У меня к этому добавился Джек Лондон, его «боксерские» рассказы и вообще его герои, действующие на воображение пятнадцатилетнего школьника неотразимо. Любовь к боксу усиливалась еще тем, что она встречала преграды, была тайной: в нашей семье терпеть не могли «этого мордобития», как выражалась мама.

Может быть, именно по этой причине пришлось с самого начала усвоить одно из золотых боксерских правил: пропускать как можно меньше ударов, то есть не давать себя бить. Приди я домой с синяком или ссадиной на физиономии, тайна сразу бы открылась, и неизвестно, как бы тогда повернулось дело. В 1947 году я поставил своих родителей перед свершившимся фактом: стал чемпионом Ленинграда среди подростков. С тех пор они сделались моими «болельщиками».

Сейчас я, можно сказать, боксер со стажем: провел 148 боев, из них проиграл семь. И по мере того, как в моем «послужном списке» увеличивалось число схваток, во мне росло недоумение: почему есть люди, которые не любят или даже презирают бокс?

Иногда можно слышать такое суждение: «Бокс? Фи! Обыкновенная драка! Колотят друг друга по чем попало и считают, что занимаются спортом. Варварство!»

На трибунах зарубежных залов доводилось видеть иную картину: сидит в одном из передних рядов богато одетая дама, смотрит на ринг, и выражение лица у нее кровожадное, прямо фанатик. Это одна из крайностей, патологическая, извращенная любовь к зрелищу на ринге.

Еще есть середина.

По возвращении из Мельбурна мне нужно было сдавать аспирантские экзамены. На одном из экзаменов, уже после того, как я ответил на все вопросы, профессор, очень симпатичный, глубоко уважаемый мною человек, задумался, какую отметку поставить.

— Не знаю, что записать: четверку или пятерку...

Мне было, конечно, не все равно, но в таких случаях обычно говорят: «Воля ваша».

Тогда профессор сердито взглянул на меня и спросил с явной неприязнью:

— Почему, собственно, вы экзаменуетесь отдельно от всех? Другие давно уже сдали.

Я сказал, что только-только вернулся из Австралии.

— Из Австралии? А что вы там делали?

— Был в составе советской олимпийской команды.

— Ах, да,— вспомнил профессор,— там ведь проходила олимпиада. А вы по какому виду спорта?

— Бокс.

— И как ваши дела?

— Первое место во втором среднем весе.

Профессору было, по всей вероятности, трудно представить себе, что́ такое второй средний вес, но он сделал вид, что все понятно, и сказал:

— Почему же вы не говорили об этом раньше?

Мне оставалось только пожать плечами. Профессор, прекрасный человек, принадлежал к категории людей, которые относятся к боксу равнодушно. Пожалуй, это самая многочисленная категория. И говорю я это отнюдь не в осуждение.

Но существует еще одна категория, самая милая сердцу спортсмена. Это те зрители, которые встречают громом аплодисментов тонкий, расчетливый маневр боксера и недовольны, когда видят бездумный силовой напор. Короче говоря, это те, кто знает, что настоящий бокс — красивый, мужественный, умный спорт.

Мне хотелось бы, чтобы эти записки, рассказывающие о том, что я видел за рубежом на ринге и вокруг ринга, а главным образом о мельбурнских впечатлениях, не показались скучными представителям всех вышеупомянутых категорий — любителей и нелюбителей бокса.

Первым из зарубежных рингов, на котором мне пришлось выступать, был финский. В числе большой спортивной делегации, приглашенной летом 1954 года на четвертую спартакиаду ТУЛа — Рабочего спортивного союза Финляндии,— мы, боксеры, поехали в Хельсинки. Вряд ли нужно говорить, как волнуется человек, впервые защищающий честь своей родины в чужой стране. Но все окончилось благополучно. Мне пришлось провести три боя, и все три я выиграл. Мои более опытные товарищи — Альгирдас Шоцикас, Владимир Енгибарян, Надар Дарбайсели и другие,— кажется, радовались больше, чем я сам. Правда, первый из этих трех боев — с чемпионом Финляндии 1952 года Б. Гренроосом,— хотя и окончился в мою пользу, не удовлетворил нас, в том числе и меня самого. Два первых раунда я лез вперед, делая ставку на тяжелый удар правой рукой в челюсть, не заботился о защите и, конечно, пропустил несчетное количество легких ударов. Как известно, судьи учитывают каждый удар, какой бы силы и плотности он ни был, и первые два раунда я проигрывал начисто. Теперь только нокаут мог дать мне победу, и в один из моментов, когда Гренроос неосмотрительно пошел в атаку, мне удалось нанести точный удар в подбородок. Этот бой был хорошим уроком. Само собой разумеется, сильный, акцентированный удар (то есть такой удар, при котором перчатка соприкасается с поражаемой точкой в момент, когда движение руки достигает максимальной скорости и силы) может сослужить службу в бою, но надеяться только на него нельзя. Это средство выручает только тогда, когда боксер обладает и надежной защитой...

После Хельсинки был Будапешт, Всемирные студенческие игры, или, как их называют, Малые олимпийские. Там мне удалось завоевать первое место. Потом мы ездили в гостеприимную славянскую Софию, принимавшую нас, как родных людей.

Одним словом, с июня 1954 года начались для меня экзамены на зарубежных рингах.

Каждая новая возможность встретиться с иностранным боксером была целым событием. Опыт, опыт и опыт — вот что занимало все мысли. Ведь впереди нас ждало первенство Европы. И когда я узнал, что включен в команду и поеду на этот крупнейший турнир, признаюсь, не-

много призадумался. Маловато опыта, маловато! А там во втором среднем весе на ринг выйдут чемпион Европы 1951 года и чемпион скандинавских стран швед Стиг Шелин, чемпион Европы 1953 года немец из Западной Германии Дитрих Вемхоннер. Выражаясь языком спортсменов, это «не подарок» для молодого боксера... К тому же смущало еще одно обстоятельство. Ведь на прошлом европейском первенстве, в Варшаве, наши выступили хорошо: двое стали чемпионами, трое получили серебряные медали. Сумеем ли мы удержать позиции? Правда, и в Берлине будут те, кто олицетворял для меня лучшие черты советского бокса, с кого хотелось брать пример: Альгирдас Шоцикас, Владимир Енгибарян, Борис Степанов, Александр Засухин... Из прошлых призеров только Сергей Щербаков «снял перчатки». Выступать рядом с такими боксерами почетно для любого первоклассного бойца. Поэтому легко понять мое состояние. Одна лишь мысль, что я могу оказаться слабым «патроном» в такой крепкой «обойме», не давала покоя. Но тут уж думай не думай, а все будет зависеть от того, как ты станешь действовать на ринге...

27 мая 1955 года в Западном Берлине открылось очередное первенство Европы, самое крупное в истории этих больших соревнований. В них участвовали 153 боксера от 23 стран.

Нет нужды излагать по порядку все события: о них писалось много и подробно. Главное то, что советская команда не сдала своих позиций: как и на прошлом первенстве, она завоевала две золотые и три серебряные медали.

В общем, мы были довольны результатами. Огорчало единственное: неудача Владимира Енгибаряна, одного из самых техничных наших боксеров. Отлично проведя все бои вплоть до финала, он в схватке с поляком Лешеком Дрогошем был неузнаваем. Мы смотрели и терялись: неужели это наш Владимир? Держится скованно, атаки строит однообразно, большинство его ударов повисает в воздухе. Дрогош, избравший строго защитный вариант, набирал очки легкими, но точными ударами. Так и шло все три раунда: Енгибарян наступает, бьет — и мимо цели, его противник отступает, бьет — и точно по цели. Было такое впечатление, что Дрогош загипнотизировал Енгибаряна. Одним словом, проиграл наш товарищ.

Из этой встречи Енгибарян вынес для себя много поучительного и через полтора года постарался исправить ошибку. Но об этом после...

Четыре боя, которые я провел на первенстве Европы, были хорошей школой. Первому моему противнику — англичанину Хоупу — не повезло. Помню, когда вышли на ринг, я по своей привычке внимательно посмотрел на его шею и подумал, что можно будет найти способ как-нибудь «приладиться» к англичанину. Практика уже научила: если у боксера шея длинная и тонкая, он очень уязвим. Правда, начал я осторожно: всегда можно «наткнуться» на неожиданный удар. Трагический случай с Альгирдасом Шоцикасом (это произошло раньше, до первенства), когда он на первых секундах боя оказался в нокауте от удара румынского тяжеловеса Чиоботару, еще был свеж в памяти. Но после разведки я провел две атаки — и дважды Хоуп побывал в нокдауне. Во втором раунде — опять два нокдауна, и это решило исход боя в мою пользу.

Следующим моим соперником был поляк З. Пюрковский. Здесь все определил второй раунд. Я вошел в ближний бой, загнал противника в угол, нанес несколько тяжелых ударов по корпусу короткими крюками снизу, и Пюрковский потерял инициативу.

Две победы вселили некоторую уверенность. Но в полуфинале предстояла схватка с Вемхоннером, а это уже потруднее. За день до встречи Вемхоннер заявил в интервью репортерам, что рассчитывает победить меня во втором раунде, не позже. Что ж, он, кажется, имел некоторые основания быть слегка самоуверенным: как-никак, титул чемпиона пока никто у него не отнял...

Что сказать о встрече с Вемхоннером? Для меня это был бой нервов. Ничего особенно яркого не запомнилось. Просто судьи пришли к заключению, что я был более активен в первых двух раундах, и присудили мне победу. Когда рефери поднимал мою руку, я посмотрел на Вемхоннера и подумал: «Вот, никогда не надо загадывать наперед».

Теперь на пути к золотому поясу чемпиона Европы стоял только Стиг Шелин. У него в активе — 280 побед. Пожалуй, этим все сказано. И все же в бою с ним мне пришлось легче, чем во встрече с Вемхоннером. Наш тактический замысел удался. В первом раунде я часто применял удар левой в голову и сумел «приучить» Шелина к нему: он все время фиксировал мою левую перчатку. А во второй трехминутке была пущена в ход и правая рука, которую Шелин долгое время «не имел в виду». В один из моментов он пропустил точно направленный удар в подбородок и не поднимался с пола до счета «восемь». Третий раунд для меня заключался в том, чтобы не растерять достигнутого заметного преимущества, а Шелин старался не попасть в нокаут: все время наглухо закрывал голову.

Пусть простят мне такую картинность в выражениях, но гонг, возвестивший конец этого боя, был для моих ушей самой сладкой музыкой. Золотой пояс мой.

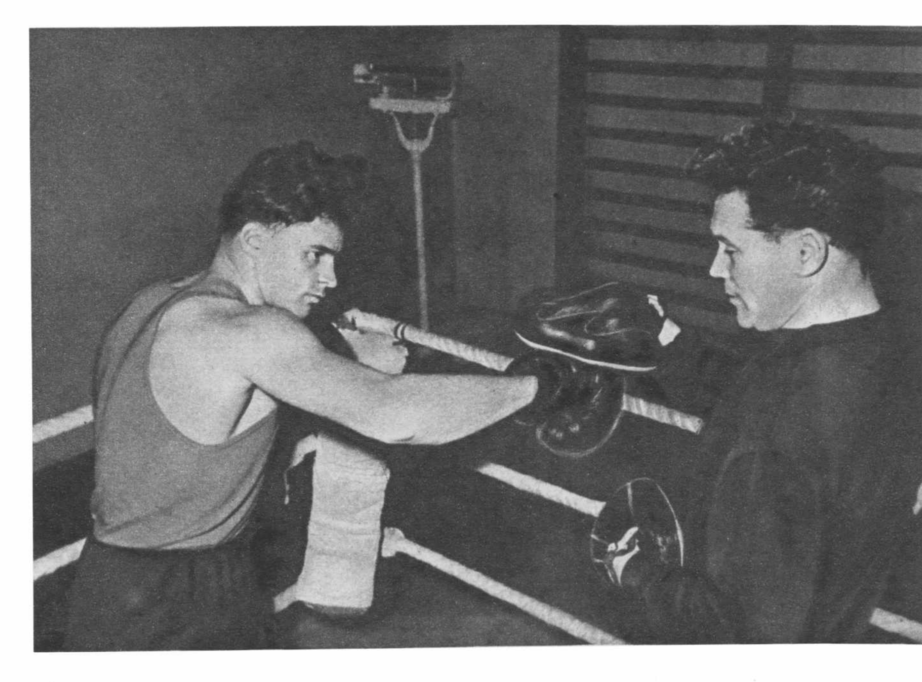
Уезжали мы из Берлина с сознанием, что советская школа бокса на правильном пути. Еще совсем недавно был период, когда чуть ли не главным оружием на ринге считался силовой напор, умение вести схватку в высоком темпе. Ясно: сила и темп — великая вещь. Но не менее важны техника и гибкость тактики.

Теперь надо было думать уже о подготовке к XVI Олимпийским играм. Наша сборная команда продолжала копить опыт во встречах с зарубежными спортсменами.

Из всех стран самой «боксерской» показалась, естественно, Англия. Об уровне развития той или иной отрасли промышленности статистики судят по производству на душу населения. Так вот, если подойти с этой точки зрения к боксу и сравнить количество боксерских перчаток, приходящихся на душу в различных государствах, Англия наверняка займет первое место.

Принимали нас в Англии тепло. Вокруг нашего приезда был создан такой ажиотаж, что порою становилось даже неудобно: как будто приехали не обыкновенные советские парни, а по крайней мере дюжина кинозвезд первой величины.

Тренировались мы в небольшом зале. Но тренировкой это назвать можно было только условно. Скорее, позированием перед фотообъективами: зал оккупировали репортеры. Все, что было необычного для англичан в системе нашей подготовки, тут же фиксировалось на пленку. Особенным успехом пользовались «лапы» — одно из наших основных тренировочных приспособлений; при помощи лап тренер, надев их себе на руки, отрабатывает с боксером различные задачи. И вообще английские спортивные репортеры строят свою работу на принципах полезного обмена опытом. Они записывают и снимают то, что им в диковинку. Поэтому в Англии нам часто вспоминались американские репортеры, у которых совсем иной метод. Во время первенства Европы 1955 года нас посещали корреспонденты американских газет, и самым популярным вопросом, который их больше всего волновал, был такой: «А сколько чашек кофе вы можете выпить в один присест?»

Отрабатывается удар правой. Иван Павлович Осипов тренирует Геннадия Шаткова.

За краткий срок пребывания в Англии мы успели много посмотреть. На улицах нас узнавали, останавливали, просили автографы. В памяти остались улыбающиеся открытые лица лондонцев — солидных джентльменов, девушек, мальчишек.

Ходили мы в Лондоне на матчи боксеров-профессионалов. И, надо сказать, было интересно и поучительно. Раньше я думал, что профессиональный бокс не спорт, а голый бизнес. Но оказалось, что это верно только наполовину. Для всяких маленьких «жучков» и больших деловых «жуков», наживающихся на спорте, бокс — действительно только бизнес. У них все построено на купле-продаже, об этом даже говорить противно. Но сами боксеры — другое дело. Конечно, они тоже кормятся боксом, потому их и называют профессионалами. Но свой кусок хлеба они зарабатывают честным трудом, и труд у них нелегкий, очень нелегкий.

В Лондоне мне не повезло: во встрече с чемпионом Европы 1953 года Уэллсом я проиграл.

Побывали мы и в Париже. Весна была в разгаре. И хозяева постарались сделать все, чтобы наше весеннее настроение не омрачалось ничем. Даже после того, как мы выиграли у сборной команды Франции с внушительным счетом 7 : 3, французские деятели бокса и виду не подали, что они огорчены. Наоборот, создавалось впечатление, что этот проигрыш доставил им массу удовольствия.

Лето 1956 года было для меня трудным: вступительные экзамены в аспирантуру юридического факультета ЛГУ, родилась дочка... И все время думалось о предстоящих боях в Мельбурне.

Мельбурн

Одному человеку не по силам описать все, что происходило на олимпиаде: состязания проводились в десятках разных мест. Поэтому придется ограничиться тем, что видел своими глазами, и так, как это улеглось в памяти...

У охотников, рыболовов, футболистов, моряков, да и не только у них, есть свой, если можно так выразиться, производственный лексикон. Существует он и у боксеров. Причем спортсмены различных наций обогащают друг друга в этом смысле. Мы, например, знаем оригинальное выражение американских боксеров — «стеклянная челюсть». Так говорят о бойце, который плохо «держит», то есть плохо выдерживает удары в эту часть головы. Среди боксерских словечек и выражений попадаются вульгарные, неостроумные, но есть и такие, что очень метко выражают суть дела. Например, «плавал весь раунд». Так говорится о боксере, который пропустил сильный удар или несколько сильных ударов в начале раунда и после этого до гонга не мог как следует прийти в себя.

А вот еще одно выражение: «Искать пятый угол на ринге». Это когда боксер, ошеломлен-

ный натиском противника, не знает, что делать, и беспорядочно маневрирует, спасаясь от новых неприятностей, или, еще хуже, когда боксер начинает искать этот не существующий на ринге пятый угол еще до боя. Так случается с теми, у кого слабы нервы.

Я вспомнил об этом термине на олимпийском ринге, и притом в финальном бое, когда решалось, кому быть чемпионом. Не удивительно, что так врезалась в память эта история. Расскажу ее по порядку.

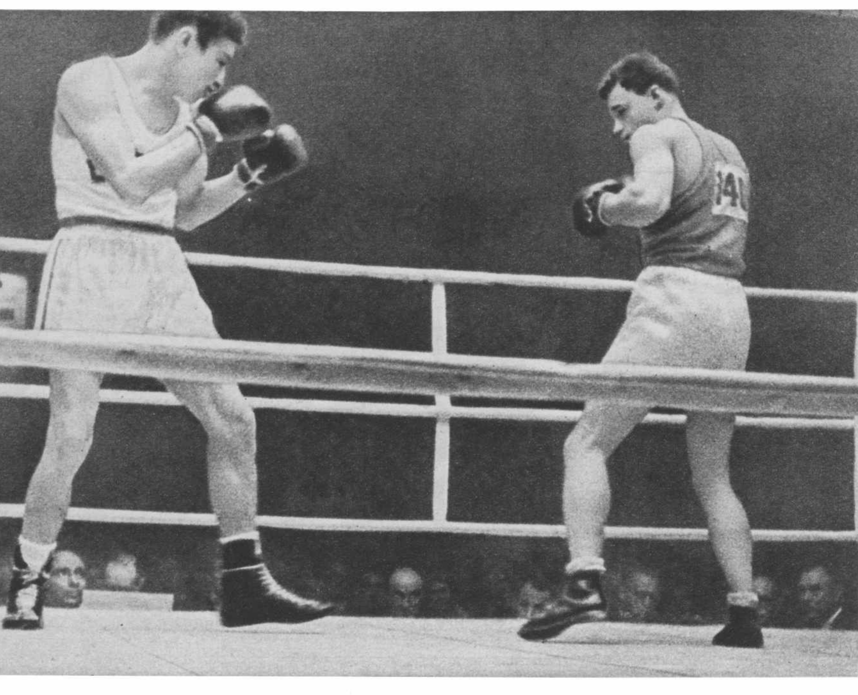
23 ноября в 19.30 по мельбурнскому времени начался олимпийский турнир боксеров, победители которого получали одновременно и звания чемпионов мира. Иностранные специалисты бокса в своих прогнозах перед олимпиадой гадали и так и этак. Но нас серьезными претендентами на первые места мало кто считал. И вот начались сюрпризы.

Грозные польские боксеры были выбиты еще в предварительных или в четвертьфинальных встречах. В прессе по сему случаю начались разговоры о крахе польского бокса. Но, по-моему, такой «траур» был ничем не оправдан. Поражение поляков говорило скорее не о том, что понизился их класс, а о том, что боксеры других стран стали сильнее, догнали и перегнали боксеров Польши в технике и тактике.

Американцев, которые на XV Олимпиаде завоевали 5 золотых медалей, еще до боев постигла серьезная неудача: двое из их команды — Чокен Маекави (легчайший вес) и Гарри Смит (полулегкий вес) — при взвешивании оказались тяжелее положенной нормы и были сняты с соревнований. А на них, особенно на Гарри Смита, возлагались большие надежды...

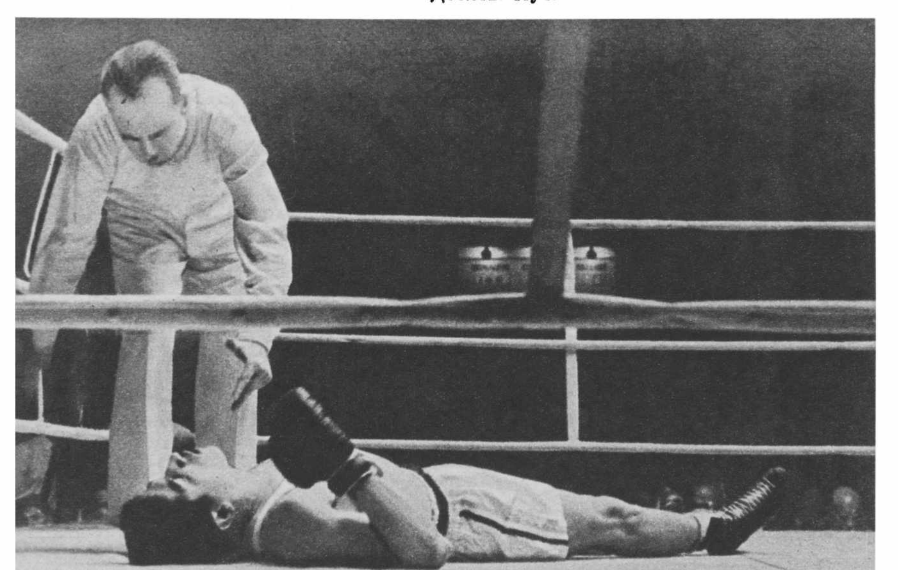
Зрители поначалу встречали советских боксеров несколько сдержанно, но уже на второй день отношение к нам резко изменилось. Видно, советская школа пришлась по душе мужественным, не любящим ничего показного австралийцам. И больше других виноват в этом, пожалуй, Владимир Енгибарян.

О нем надо рассказать особо. В первом же бою Енгибаряну выпал жребий встретиться с поляком Лешеком Дрогошем. Полтора года назад Енгибарян проиграл в финале первенства Европы этому талантливому польскому боксеру. Много упреков пришлось тогда выслушать ему от наших специалистов бокса: его обвиняли после этого поражения и в однообразии тактики, и в недостаточности технических средств, и чуть ли не в забвении основных правил бокса. Но нам, его товарищам, все эти упреки казались необоснованными. Бывает же, как и во всяком другом виде спорта, такой оборот событий, когда у человека не клеится то, что он задумал, когда мгновенно изменяющаяся обстановка ставит спортсмена в тупик... От поражения не застрахован никто.

Финальный бой Г. Шатков (справа) — Р. Тапиа. Еще несколько мгновений, и...

«Десять! Аут!»

И вот они снова стоят друг против друга, Енгибарян и Дрогош. С понятным волнением следили мы за началом их боя, но скоро стало ясно: предыдущая ситуация не повторится. Владимир был хозяином на ринге. И хотя Дрогош упорно боролся за победу, судья поднял руку Енгибаряна. На трибунах шквал аплодисментов, вой, стон, оглушительные пулеметные очереди трещоток.

А после встречи В. Енгибаряна с южноафриканцем Г. Лоубшером австралийцы стали болельщиками нашего товарища. На ринге часто можно видеть такую картину: сбив своего противника в нокдаун, боксер бросается вперед, чтобы закрепить успех, сразу как только противник поднимется. Енгибарян продолжал бой только тогда, когда противник окончательно приходил в себя. Может быть, это не всегда оправдано, но зато по-настоящему благородно и красиво. И тем убедительнее была его победа над южноафриканским боксером. В финале, умно переиграв итальянца Ф. Ненчи, Енгибарян стал чемпионом олимпиады.

Любимцем зрителей сделался после первого же выступления Лев Мухин. Его мощные удары совершенно ошеломили стойкого болгарина Б. Лозанова, и в третьем раунде судьи прекратили схватку ввиду явного преимущества Мухина. После этого наш тяжеловес нокаутировал шведа Османа, а потом во встрече с итальянцем Бастано точно повторилась картина боя с Лозановым. И хотя в финале Мухин проиграл сильному американцу Рейдмейкеру, наткнувшись в первом же раунде на тяжелейший удар, публика осталась о нем самого высокого мнения.

Когда молодой Владимир Сафронов в финале победил сильного английского боксера Томми Николса, наша команда окончательно завоевала всеобщие симпатии. А об отношении к нам спортсменов других стран лучше всего скажет один курьезный случай.

В Мельбурне часто устраивались разные конкурсы, чтобы выяснить, кто «самый» в той или иной области. И неожиданно один из наших товарищей оказался «самым» на наиболее, казалось бы, не изведанном нами поприще. В международном клубе, здесь же, на территории олимпийского городка, каждый день устраивалось что-нибудь грандиозное. И, конечно, обязательные танцы.

Здесь мы впервые увидели танец, который называется «раскачивайся и крутись». Вообще-то танцем его назвали по недоразумению. Это скорее смесь пляски святого Витта, американской борьбы кэтч (хватай) и борьбы самбо (самозащита без оружия). Рекомендуется подбрасывать партнершу в воздух, складывать ее пополам, как перочинный ножик, и почаще ставить вверх ногами. За границей помешаны на этой чертовщине. Мы, понятное дело, как-то непривычны были к таким «па».

И вот стоим мы у стены, смотрим и удивляемся. Подходит к нашей компании американка, обращается к легкоатлету Борису Столярову: что же, мол, вы? Все называют вас самыми галантными и так далее, а танцевать не умеете?

Борис, ни слова не говоря, берет американку одной рукой, швыряет ее грубейшим образом на другую руку — и начинается нечто неописуемое. Не только мы разинули рты — танцующие сразу обратили внимание на новую пару, многие прекратили дерганье и уставились на Бориса. Оказалось, что он танцует феноменально, никто ничего подобного еще не видел,— так решили знатоки «рок энд ролла». Кончив танец, Борис подошел к нам, тяжело дыша, как будто он носил мешки с солью на восьмой этаж.

Он стал «самым» в области танца. Но это ему дорого обошлось. Ему с тех пор проходу не давали — тащили танцевать.

Так как до этих пор единственным изъяном в репутации советских парней была несостоятельность в танцзале, случай с Борисом сделал нас, с точки зрения иностранцев, джентльменами во всех отношениях...

Но вернемся к боям и расскажем, как и кто пытался заставить меня искать пятый угол на ринге.

Первый мой бой — с канадцем Р. Хассаком — прошел довольно бесцветно, может быть, именно потому, что он был первым: начальная проба сил всегда ведется осторожно. И я и мой противник старались меньше рисковать, набирали очки только легкими ударами со средней дистанции и не обостряли схватку. Победу присудили мне.

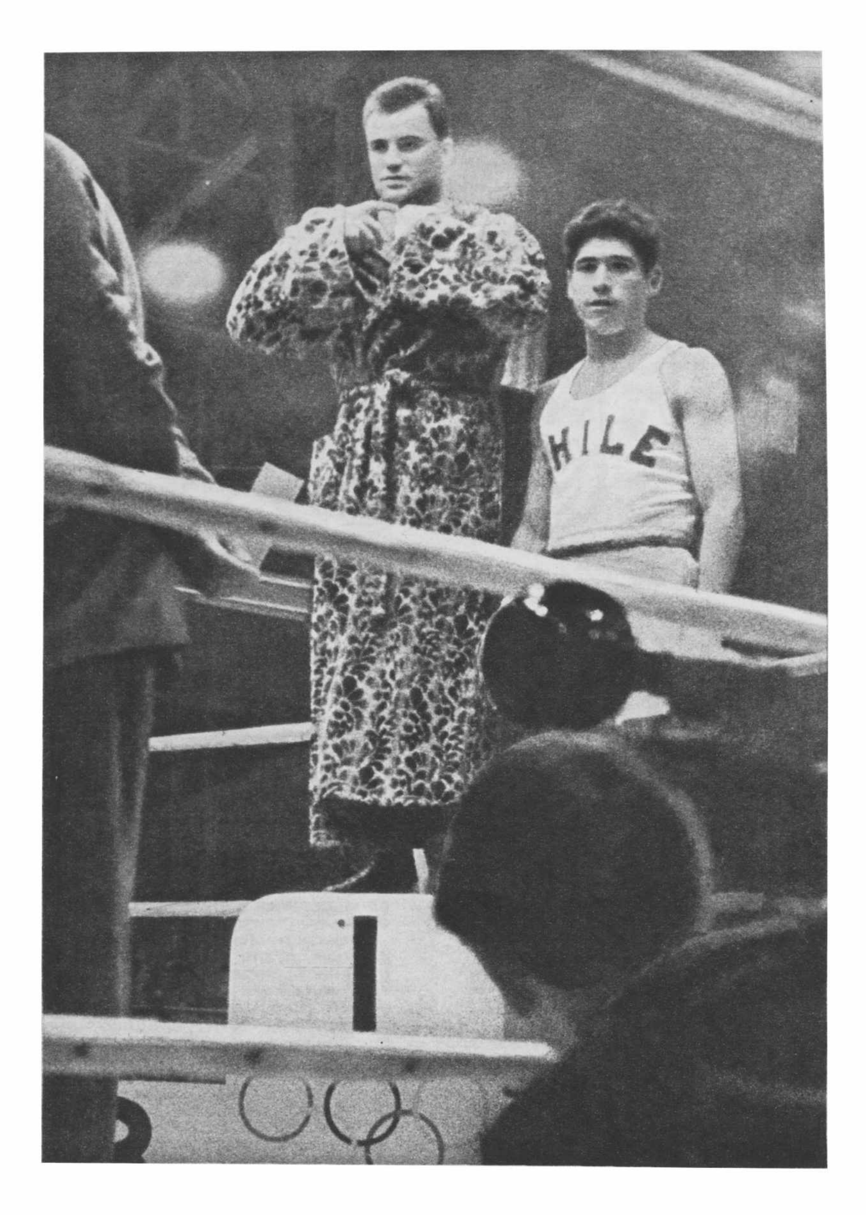
В четвертьфинальных встречах жребий свел меня с итальянцем Х. Ринальди. Бой не состоялся: итальянец оказался тяжелее нормы, и его не допустили на ринг. И хотя выражение «чесались кулаки» совсем неуместно по отношению к боксеру, у меня было именно такое состояние. В полуфинале предстояло выступать против талантливого французского боксера Д. Шапрона. И опять незадача.

Дело было так... Из олимпийской деревни на Западный стадион, где проходили состязания боксеров, меня возил на своем автомобиле один из прикрепленных к нам австралийцев, подтянутый, аккуратный. Как обычно, он заехал за мной «тютелька в тютельку», не рано и не поздно. И вот на половине пути что-то сломалось в моторе. Смотрю на часы — времени в обрез. Шофер побежал звонить куда-то по телефону. Спустя минут двадцать пришла другая машина.

Когда я входил в зал, до гонга оставалось полчаса. Вдруг ко мне бросаются незнакомые боксеры, судьи, поздравляют, жмут руки. Никак не пойму, что произошло.

В раздевалке мне объяснили, что Шапрон отказался от боя,— кажется, заболел,— и мы сначала решили, что я автоматически попадаю в финал. Но, оказывается, в правилах записано так: если боксер больше одного раза объявлялся победителем ввиду того, что его противник не вышел на ринг, неважно, по каким причинам,— то этот боксер обязательно должен в дальнейшем вести бой.

И вот, когда судья представил меня публике как победителя Шапрона, на ринг поднялись Салазар, Тапиа, судьи и сам боксерский президент Эмиль Гремо. В его шляпу бросили бумажки и стали тянуть жребий. Полуфи-

Недавние соперники Г. Шатков и Р. Тапиа на пьедестале почета.
Фото А. Тимошина.

нальная схватка Салазар — Тапиа отменялась, так как я уже не мог выйти в финал без состязания: ведь Ринальди и Шапрон пропустили меня вперед, мирно уступив дорогу. Теперь я обязательно должен помериться силами с Тапиа или Салазаром. Тапиа по жребию вышел сразу в финал и, радостный, покинул ринг, а я и Салазар остались, чтобы тут же начать первый раунд.

Аргентинец Салазар — боец темпераментный, довольно техничный, и первые три минуты прошли в обоюдных атаках. Мне удалось несколько раз «зацепить» его. В общем, я сумел к нему «приладиться». Во втором раунде, едва только мы начали входить во вкус, Салазар в атаке забыл о защите, я послал перчатку в открывшуюся брешь, и Салазар очутился на полу. Гляжу, его секундант выбросил на канаты ринга полотенце — знак отказа от продолжения боя.

Шум в зале стоял — все дрожало!..

Теперь для того, чтобы завоевать золотую медаль, нужно было победить чилийца Тапиа. Но Тапиа не меньше желал стать чемпионом. И, вероятно, полагая, что цель оправдывает все средства, решил еще до боя повести психологическую атаку, заставить меня искать пятый угол на ринге.

В тот день, когда происходили финальные бои, нас привезли на стадион пораньше. За полчаса до схватки меня и Тапиа посадили под надзор судьи в отдельную комнату. Так поступают с боксерами, чтобы уберечь их от соблазна принять допинг — возбуждающее средство — или, не дай бог, спрятать что-нибудь тяжелое под бинтами на кистях. И вот сидим мы в разных углах, чувствую себя немножко глуповато: допингов я не принимаю, а о жульнических махинациях у нас на родине вовсе и понятия не имеют. Но правила есть правила...

С Тапиа вместе, чтобы ему не было скучно, пришли три или четыре — уже не помню — его товарища по команде. И представьте себе, вдруг они начинают по очереди тыкать пальцами в мою сторону, строить издевательские гримасы, дико хохотать. Явно насмехаются надо мною. По отдельным выражениям начинаю понимать, что смысл их разговора такой: «Не возись с этим щенком,— это со мной,— уложи его поскорее, с ним тебе просто нечего делать».

Как мне было вести себя? Признаюсь, впервые за всю свою боксерскую практику я испытывал злость к противнику. Ни о каком добродушии уже не могло быть и речи...

Когда вышли на ринг, чилиец захотел «сорвать» аплодисменты, долго ходил по квадрату с воздетыми к небу руками, расточал улыбки. Публика была щедра на авансы — ему хлопали.

Ударил гонг, и Тапиа налетел на меня, как вихрь. Ни разведки, ни малейшего уважения к сопернику. И он здорово просчитался. На исходе первой минуты мой левый кулак плотно пришелся Тапиа по челюсти. Чилиец на полу, но тут же вскакивает. В начале второй минуты я прорвался сквозь его защиту тяжелым ударом правой, и Тапиа не встал до счета «десять». Нокаут! Не вставал он и после десяти, примерно еще секунд тридцать.

Говорят, зал раскололся от взрыва аплодисментов, но в первый момент я ничего не слышал.

Наша команда набрала тридцать три очка, завоевала три золотые, одну серебряную, две бронзовые медали и вышла на первое место. Если вспомнить, что на XV Олимпийских играх советские боксеры удостоились всего только двух серебряных медалей, легко будет понять удивление тех, кто в своих прогнозах отдавал предпочтение кому угодно, только не команде СССР...

Но вот позади острые поединки на белом квадрате. Постепенно пустеют дома в олимпийской деревне: спортсмены разъезжаются. Наш плавучий дом «Грузия» уже ждет, когда мы займем свои места в каютах.

В порту собралось множество народу. Я встал на верхней палубе у борта и смотрел на толпу. Вот лопнули одна за другой разноцветные ленты, которыми «Грузия» на стоянке была соединена с берегом,— просто так, для красоты. Пароход отвалил.

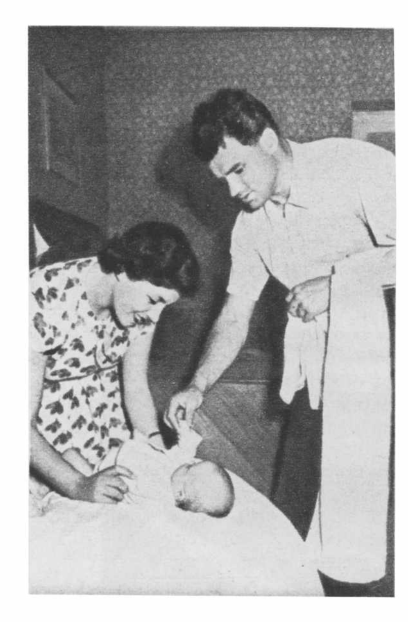
Когда мы отошли уже метров на тридцать от стенки, кто-то из наших крикнул:

— Смотрите, смотрите!

Я взглянул в ту сторону.

Одна из лент не лопнула. Она тянулась за нами, словно была резиновая. Только через каждые пять метров менялся цвет. Мы догадались, что кто-то надвязывает ее. Может быть, это был один из многочисленных наших новых друзей. Вероятно, он хотел подальше оттянуть момент окончательного расставания...

Так и осталась эта ленточка воспоминанием о добрых человеческих чувствах, которые родились на олимпиаде.

У Тамары и Геннадия Шатковых есть дочка Алена.

Литературная запись
О. ШМЕЛЕВА.

Русская березка в саду

Далеко-далеко, под мексиканским солнцем, уйдя корнями в мексиканскую землю, растет русская березка. По-настоящему русская, из Подмосковья. Эту березку привез из Советского Союза и посадил у себя в саду генерал Эриберто Хара, известный борец за мир, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

— Когда я узнал об этом, я не мог не написать стихотворения,— говорит советский поэт Сергей Островой.— И я написал его и посвятил Эриберто Хара.

Стихотворение Сергея Острового было напечатано в «Литературной газете». А потом номер этой газеты вместе с письмом автора стихотворения отправились в Мексику. «Дружеское спасибо Вам за то, что Вы сделали,— говорилось в письме.— Даже тоненькая березка может быть солдатом мира, если ее посадили добрые руки друга».

Из Мексики пришел ответ. Эриберто Хара горячо поблагодарил поэта за стихотворение, посвященное ему. В его письме говорится: «Я всего лишь преданный труженик Мира, который с симпатией и восхищением относится к великому русскому народу, способному на героизм в дни войны и в дни мира, когда он неутомимо развертывает созидательную работу огромной ценности и неисчислимых достижений».

...Растет русская березка в Мексике — символ мира и дружбы.

Новая крона

С мая этого года в Чехословакии входит в обращение новая металлическая монета достоинством в одну крону. Она заменит бумажную купюру. Чтобы выбрать наилучшее изображение для этой монеты, в стране был объявлен конкурс. 107 различных эскизов представили в жюри художники и граверы. После строгого и всестороннего отбора победила молодой архитектор Мария Ухтилова-Кучова.

Монета, как пишет чехословацкий журнал «Свет в образах», будет чеканиться из алюминиевой бронзы. На обратной стороне ее — герб Чехословацкой Республики.

Наддверие храма Бантеай Срей. X век.

ЗОДЧЕСТВО И СКУЛЬПТУРА КАМБОДЖИ

Камбоджа — одно из древнейших государств мира. Памятники ее искусства принадлежат к выдающимся достижениям материальной культуры человечества. Особенно поразительно по своей красоте, величию и своеобразию каменное зодчество, расцвет которого относится к IX—XIII векам.

Заброшенные в почти непроходимых тропических лесах, в районах давно покинутых городов, шедевры строительного искусства древней Камбоджи за ее пределами долго были неизвестны. Интерес к ним за рубежом пробудился в начале текущего столетия. Но до нашего времени дошли только древние кирпичные и каменные храмы. Старинное деревянное зодчество погибло, в том числе и дворцы.

В VII—VIII веках храмы имели вид небольших башнеобразных сооружений прекрасной формы, так называемых прасатов. С IX века появляются своеобразные «храмы-горы», расположенные на уступах суживающихся кверху террас, образующих род ступенчатых пирамид.

Вначале храмы делались из кирпича, а затем все чаще и чаще из камня. Для облицовки почти всегда использовался необыкновенно красивый песчаник разных оттенков. Снаружи кирпичные храмы покрывались штукатуркой, украшенной цветными рельефами, а все наружные поверхности каменных храмов — дивной скульптурой по камню, напоминающей иной раз по красоте и тщательности выполнения гигантские ювелирные изделия.

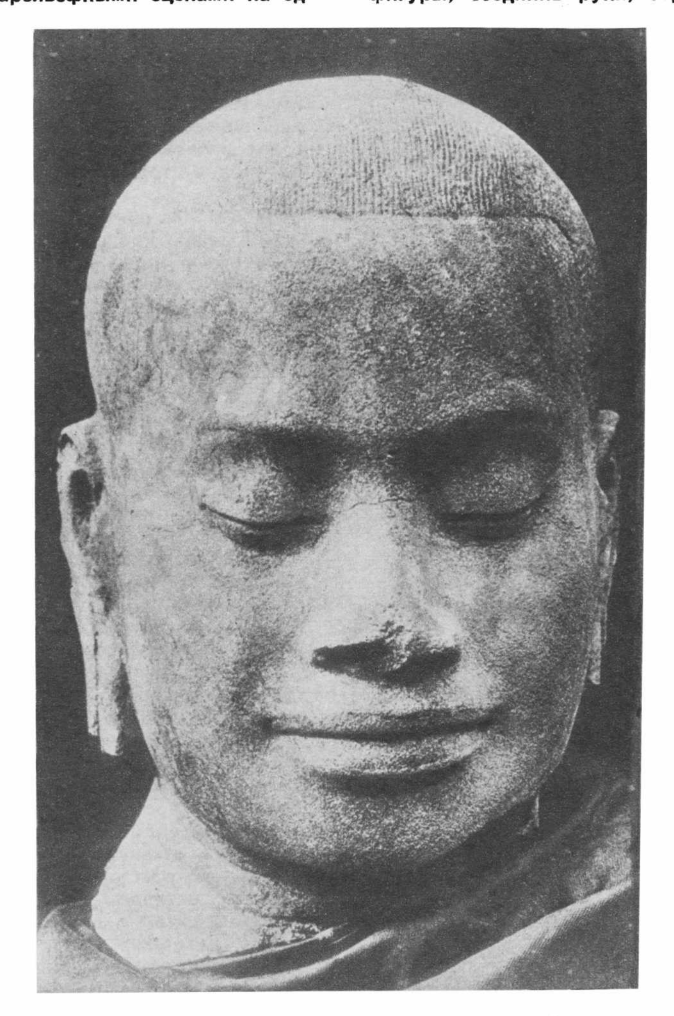
Декоративное мастерство безвестных скульпторов поистине исключительно. С необыкновенной реалистичностью изображаются люди и животные, растительный орнамент.

Храм Бантеай Срей. Один из фронтонов.

Среди величественных созданий мастеров Камбоджи особенно выделяется Ангкор Ват, построенный в первой половине XII века. Его длина вместе с входящим в ансамбль каналом — около полутора километров. Внутренние стены нижней внешней его галереи на протяжении сотен метров покрыты барельефными сценами на единый сюжет. Как и в других храмах, поверхность наружных стен отделана скульптурой.

Пилястры покрыты изысканным орнаментом, в котором размещены крошечные, тщательно моделированные фигурки, и то внизу, то посередине изваяны мифологические женские фигуры. Иногда эти фигуры, соединив руки, образуют кажущиеся живыми гирлянды. Позы женщин непринужденны, одна держит в руке цветок, другая опахало, третья птицу.

Предполагаемый портрет Джаявармана VII.

Фантастически роскошным, невиданным стало убранство прасатов и башен парадных павильонов с XII века — времен Джаявармана VII. Все четыре стороны в своей верхней части украшены колоссальными ликами священного буддийского существа. Такие лики увидишь на проездных павильонах заброшенной теперь древней столицы Камбоджи — Ангкор Тхома. Ее центральный храм Байон имеет десятки башен и башенок, и на каждой наверху по четыре лика. Путешественники утверждают, что никакие иллюстрации не могут передать сказочной красоты этого волшебного памятника древнего зодчества.

Город Ангкор Тхом (занимающий 9 квадратных километров) и грандиозный Ангкор Ват — только элементы архитектурного комплекса района Ангкора, включающего в себя огромные, ныне бездействующие гидротехнические сооружения и прекрасные храмы, иные из которых достигают 0,5 квадратного километра.

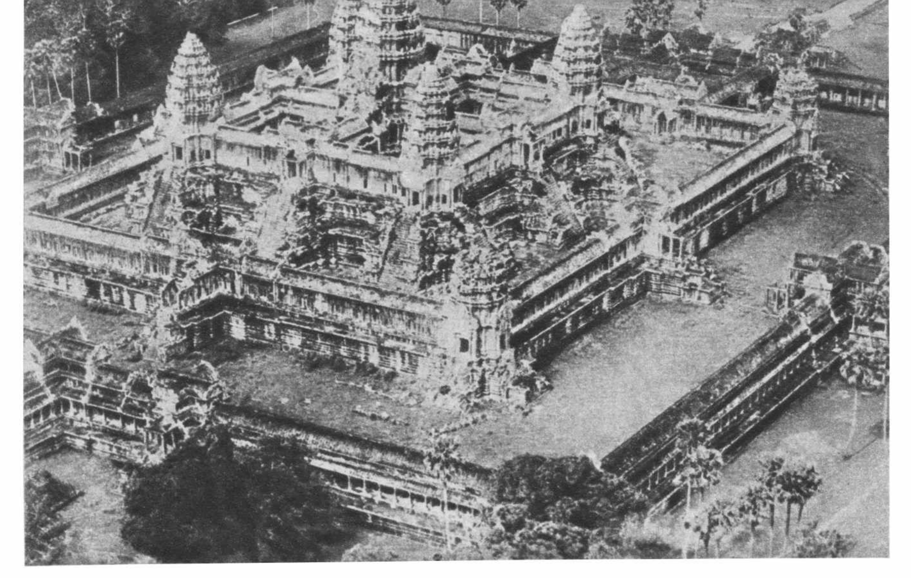
Обдуманно распланированный район Ангкора с его храмами, дворцами, сотнями башен, отражающихся в каналах и бассейнах, с бесконечными галереями и оградами во всем блеске позолоты и раскраски — все это создавало в целом зрелище, единственное в мире.

Прекрасные храмовые постройки Камбоджи, долгое время остававшиеся без ухода, во многом теперь разрушены или обветшали. Но и сейчас в стране сохранились великолепные образцы, которые дышат почти первоначальной свежестью и прелестью.

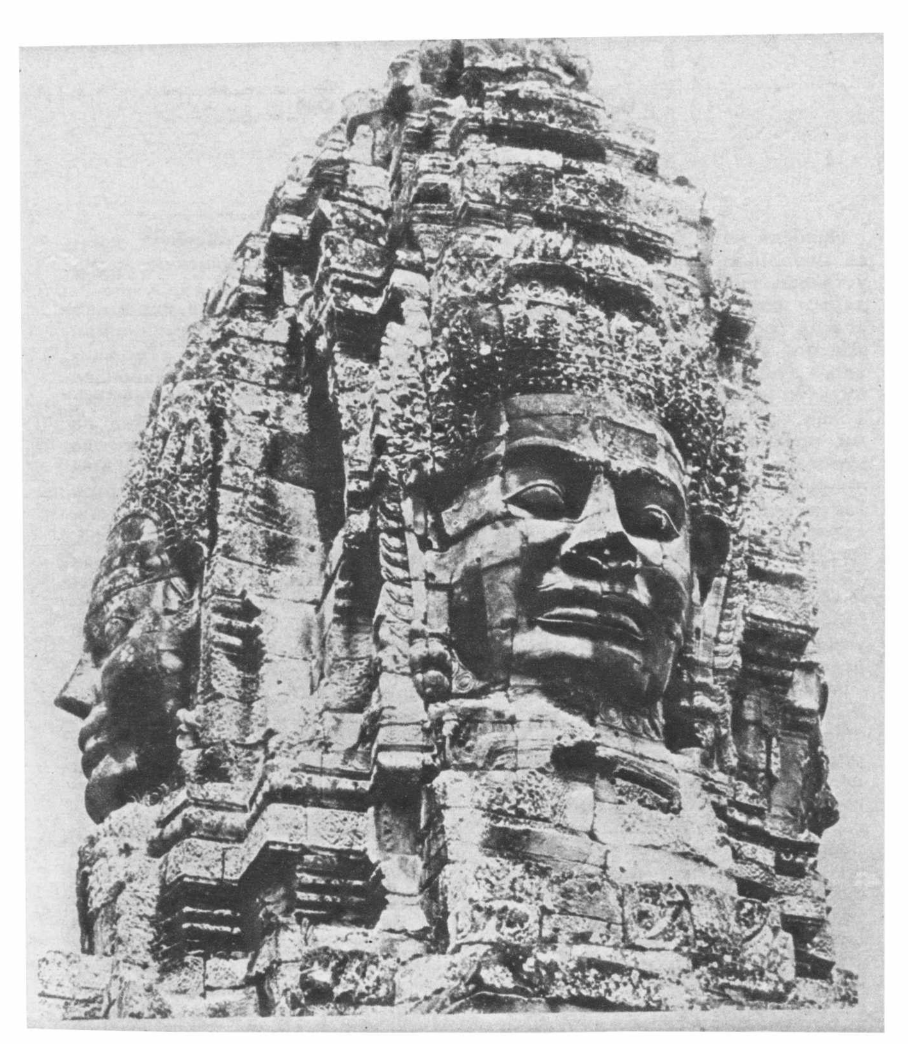
Ю. ЛЕБЕДЕВ

Деталь фриза. Ангкор Ват.

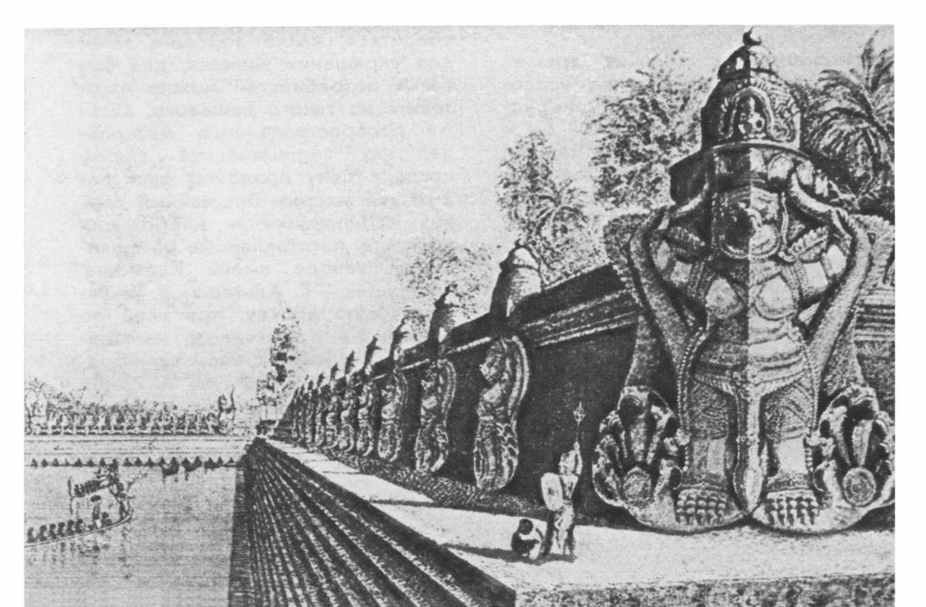

Храм Ангкор Ват. Центральная часть.

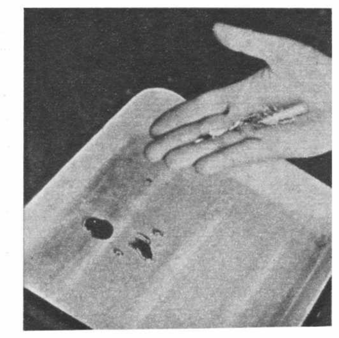

Байон. Верх одной из башен.

Ограда храма Прах Кхан. Район Ангкора. Реконструкция.

МЕТАЛЛ ПЛАВИТСЯ... В РУКЕ

Наше представление о расплавленном металле неразрывно связано с обжигающим жаром. Но не многие знают, что есть металл, в который, когда он находится в жидком состоянии, можно без всякого риска опустить руку. Более того: если кусочек его подержать на ладони, то через некоторое время с нее начнут стекать юркие, как ртуть, капли...

Так необычно ведет себя похожий на серебро металл галлий. Он был открыт лет восемьдесят назад французским ученым Лекоком де Буабодраном, но еще раньше — в 1870 году — его существование и свойства предсказал великий Д. И. Менделеев. Он назвал тогда этот элемент экаалюминием.

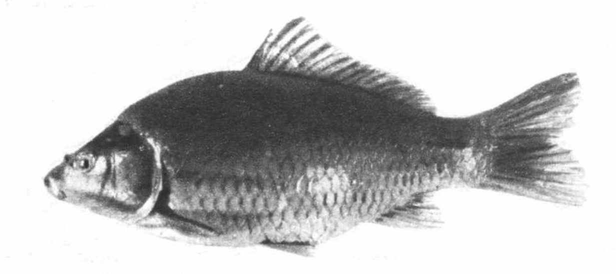
Галлий встречается в природе в ничтожных количествах. Этим и объясняется его малая известность.

Теперь галлий начинает все шире применяться в технике. Он обладает очень ценными свойствами. Точка плавления его +29,8 градуса, а кипит он только при 2 070 градусах. Им наполняют термометры, применяемые для измерения высоких температур.

Добавленный в стекольную массу, галлий увеличивает коэффициент преломления световых лучей в стекле; он с успехом используется также для получения особо легкоплавких сплавов, применяется в вакуумных устройствах и т. д.

О. КАРЫШЕВ
Фото автора.

Карпо-карась

Карпы, лини, караси — вот наиболее распространенные породы рыб, живущих в прудах. Но не все из них способны быстро расти в прудах, быть выносливыми и... просто вкусными. В поисках рыб, обладающих всеми этими качествами, может оказаться решающим метод отдаленной гибридизации.

Интересен, например, исследованный учеными гибрид карпа с обычным, круглым или озерным золотым карасем. Этот карпо-карась оказался весьма выносливым при чрезвычайной плотности подводного «населения» прудов, в то время как обычный карп плохо переносит такие условия. Карпо-карась опередил в росте при совместном выращивании в пруду своего родителя — карпа. Мясо гибрида содержало до 50 процентов жира, оказалось очень вкусным и питательным.

Как было установлено опытами аспиранта И. В. Киселева, «список» прудовых рыб, оказывается, можно пополнить еще тремя формами гибридов. Одна из них — гибрид круглого карася с китайским золотым карасем, так называемой «золотой рыбкой», неизменной обитательницей аквариумов. Но еще лучшие результаты дало скрещивание «золотой рыбки» с карпом.

От одних и тех же родителей — самки китайского карася и самца бесчешуйного, голого карпа — выращены двухлетние гибриды. Сестры настолько отличаются внешним видом, что признать их за потомков одних и тех же родителей довольно трудно. По внутренним признакам и биологии они еще более несхожи. В потомстве появляются рыбы со сплошным чешуйчатым покровом — это типичные «золотые гибриды» — и рыбы с одним только рядом линейно расположенных чешуй, но иных по форме и размерам, напоминающих маленькие зеркальца,— зеркальные «золотые гибриды». Рыбы обеих форм хорошо растут в прудах, выносливы к зимовке, они менее карпа восприимчивы к заболеваниям. Мясо их на вкус приятное, нежное и в три раза жирнее мяса карпа.

Установлено, что гибриды карасей способны размножаться. Потомство самок «золотых гибридов» и самцов карпа растет быстрее, чем потомство самого быстрорастущего из известных видов прудовых рыб — карпа.

По искусственному оплодотворению икры рыб многое сделал русский ученый В. П. Врасский. Еще в XIX столетии он разработал методику, известную далеко за пределами нашей родины как «русский метод». В начале XX века другой русский исследователь, профессор И. И. Иванов, впервые разработал и применил искусственное осеменение в животноводческой практике.

Однако только в последние годы были найдены приемы оплодотворения икры карповых рыб в форме, доступной для промышленной их гибридизации. Предложены аппараты для оплодотворения и инкубации икры, разработана схема заводской установки для ее инкубации.

Профессор В. МОВЧАН

ОН ВИДЕЛ ЛЕНИНА

ЛИ СИН-ПЭЙ

Товарищ Ли Фу-цин, о котором идет речь ниже, работает сейчас в Инженерном управлении строительных войск в Синьцзяне.

В 1916 году правительство царской России производило на северо-востоке Китая вербовку большой партии рабочей силы. Крайняя бедность семьи вынудила Ли Фу-цина вступить в одну из рабочих групп. Через год после его приезда в Россию свершилась Октябрьская социалистическая революция. При помощи русских товарищей Ли Фу-цин активно включился в вооруженную революционную борьбу рабочего класса России. Вскоре в числе других китайских товарищей он прибыл в Петроград.

В начале 1918 года товарищ Ли Фу-цин удостоился высочайшей чести для пролетарского бойца: он был назначен в охрану Смольного. Ли Фу-цину выпало счастье ежедневно видеть величайшего человека — Ленина.

В то время Ли Фу-цин был командиром отделения бойцов охраны, состоящего из четырех человек. Входя в здание или выходя из него, Ленин часто проходил и мимо них.

Иногда он останавливался и беседовал с бойцами. Безграмотный юноша Ли Фу-цин, которому исполнилось только двадцать лет, плохо понимавший по-русски, не совсем разбирался в том, что происходило вокруг него. Будучи так близко к Ленину, он не представлял себе всего величия этого человека. Он знал лишь, что Ленин — очень сердечный, мягкий и добрый начальник.

Однажды выдался холодный зимний день. Деревья стояли, сплошь укрытые снегом. Четверо бойцов охраны, несмотря на сильный мороз, безотлучно находились на своем посту у подъезда. Воротники солдатских шинелей совсем заиндевели: на холодном ветру пар от дыхания бойцов тут же застывал, превращаясь в иней. Вдруг показался Ленин. Ли Фу-цин звонким голосом подал команду: «Смирно!»

— Не надо, не надо! — заулыбался Ленин, кивнув головой бойцам.— Такой мороз, а вы на самом ветру. Ну-ка, мигом в коридор! Там в стене дымоход и вообще потеплее!

Бойцы ни за что не соглашались покинуть свой пост и только после повторного приказания Ленина вошли в коридор.

В другой раз Ленин сказал Ли Фу-цину и другим китайским товарищам, встретившись с ними:

— Ну, как, привыкаете? Как кормят, как живете?

— Живем хорошо, и кормят неплохо, — ответил Ли Фу-цин.

— Разве можно сравнить с тем, как мы жили раньше! — добавил один из бойцов, по имени Ван Цай.

— Да! — согласился с ним Ленин.— По сравнению с прошлым жизнь стала чуть-чуть получше, но этого еще недостаточно. Вот построим Советское государство, тогда и заживем как следует.

Поговорили еще о том, о сем. Вдруг Ленин говорит:

— А вы ведь неплохо разговариваете по-русски. Только вам еще много надо учиться — и дело совсем пойдет на лад!

Потом Ленин поинтересовался, как по-китайски «здравствуй», «кушать», «пить чай»... Повторяя вслед за бойцами «ни хао», «чифань», «хэча», он вынул из кармана блокнот и карандаш и торопливо записал китайские слова. Владимир Ильич так сердечно и весело разговаривал с бойцами, что казалось, будто отец с сыновьями беседует.

С той поры всякий раз, встречаясь с китайскими бойцами, Ленин приветствовал их по-китайски: «Ни хао, ни хао».

Наступала весна. Перед тем как начал таять снег, бойцам охраны выдали сапоги. Но у Ли Фу-цина и Ван Цая они оказались непомерно большими. Когда они обратились к завхозу с просьбой обменить сапоги, тот ответил:

— Обменить не могу, что выдали, то и носите!

Посовещавшись между собой, Ван Цай и Ли Фу-цин решили пойти к Ленину.

Один из сотрудников сказал им, что Ленин сейчас занят и к нему пройти нельзя. Бойцы стали настаивать на том, что им непременно нужно повидаться с Владимиром Ильичем. Спросив по телефону разрешение Ленина, сотрудник предложил им пройти. Разыскав в коридоре кабинет Ленина, бойцы нажали кнопку электрического звонка, и тут же из-за двери послышался голос Ленина:

— Входите, входите, пожалуйста!

Сняв головные уборы, Ли Фу-цин и Ван Цай вошли. Справа от двери стоял письменный стол, за которым сидел Ленин и что-то писал. Увидев бойцов, он пригласил их садиться.

Продолжая стоять, Ли Фу-цин и Ван Цай пожаловались:

— Нам сапоги выдали не по размеру, их носить невозможно. Мы хотим попросить, чтобы их обменяли.

— А еще на что жалуетесь? — спросил Ленин.

— Больше ни на что,— за двоих ответил Ли Фу-цин.— Пусть только дадут подходящий размер.

— Ну что ж, это можно,— согласился Ленин и тут же написал бойцам записку. Провожая их, он сказал, что они могут обращаться к нему по любому вопросу.

Вскоре Ли Фу-цин вместе с Лениным переехал в Москву, в Кремль. Здесь Ли Фу-цину уже не пришлось видеть Владимира Ильича так часто, как прежде.

В октябре 1919 года белые армии оккупировали Украину, заняли Орел и Тулу, двигались на Москву. Ленин выдвинул лозунг: «Все на борьбу с Деникиным!» Вместе с отрядом на фронт попал и Ли Фу-цин. Его назначили помощником командира отделения разведки 33-го полка 6-й дивизии 1-й Конной армии.

Перед отправкой солдат из Кремля Ленин обратился к ним с речью, в которой призвал их храбро сражаться, защищать Советскую республику, наголову разгромить белогвардейцев. Здесь Ли Фу-цин в последний раз видел и слышал Владимира Ильича.

В 1924 году, в год смерти Ленина, Ли Фу-цин учился в Московском военном училище. С группой курсантов ему довелось стоять в почетном карауле у гроба с телом Владимира Ильича.

(Из журнала «Цзефань цзюнь вэнь» — «Литература и искусство Народно-освободительной армии» № 1 за 1957 год.)

О чудесной выставке

Н. ЖУКОВ, Б. ПОЛЕВОЙ

Никогда не устанешь любоваться народным искусством, как не устанешь любоваться лесами, полями, горами. Живая природа всегда остается сама собой, и красоты ее не могут не волновать душу и сердце человека, будь то наше среднерусское раздолье с его лесами и перелесками, просторы неоглядных степей, суровые горы и даже величественное однообразие тундры. Так и народное искусство, корни которого уходят в глубь веков. Искусство, бесконечно многообразное по своим формам, национальным мотивам, искусство, рожденное народным бытом и украшающее быт, оно никого не оставляет равнодушным.

Мы идем по залам выставки декоративно-прикладного искусства... Бесконечно талантливы народы Советского Союза, создавшие все эти произведения простого и вместе с тем артистического в лучших своих образцах, великолепного творчества, в которое социализм, сохранив традиционную форму, вдохнул радость труда и созидания.

Москва видела уже немало выставок подобного рода. Но, может быть, потому, что эта выставка открылась в преддверии сорокалетия Советской власти, она получилась такой многообразной. Радуясь таланту и вдохновению мастеров, создавших все это, хочется проследить линии развития декоративно-прикладного искусства, поговорить о его направлении, о его прошлом, настоящем и будущем.

Керамика с древних времен является у нас наиболее массовым видом народного творчества. Она всегда входила, да и теперь еще входит в быт каждой семьи тружеников, и не только в виде украшений — скульптурных фигурок, статуэток,— но и в виде различных сосудов, тарелок, горшков, кринок, ваз. На выставке керамика представлена отлично. Смотришь с восхищением на все эти настольные вазы, кувшины, блюда молдавского художника С. Чоколова или на куманцы, бараны, бочонки, детские свистульки известных украинских мастеров Д. Головко и Е. Железняка, да и на всю пеструю, жизнерадостную опошнянскую керамику.

Высокого искусства в керамике достигли художники Прибалтики. Вазы, блюда, кувшины художников Л. Стролиса и И. Микенаса из Литвы, В. Эллер и Э. Реэметс из Эстонии, М. Мелналксниса из Латвии — наглядный показатель того, как высоко может подняться в руках настоящего мастера обыденная, казалось бы, вещь, когда она становится красивой.

В капиталистическом мире, как и у нас когда-то среди российского купечества, между дорогим и красивым стоит знак равенства. Народное творчество, одинаково ценимое и рабочими, и крестьянами, и интеллигентами, опрокидывает это кое-где сохраняющееся и в нашем быту представление о красоте. Талантливая, с отличным вкусом литовская художница Ю. Вышняускене, продолжая давние традиции своего народа, показала на выставке покрытые цветной глазурью бусы, изготовленные ею из простой глины. И насколько эти издревле украшавшие литовских крестьянок, необыкновенно дешевые в массовом изготовлении бусы выглядят красивее, благороднее дорогих янтарно-серебряных и серебряных украшений, лежащих на соседних стендах! Мы уже не говорим о той дорогой, сверкающей безвкусице, которую в изобилии видишь в витринах ювелирных магазинов.

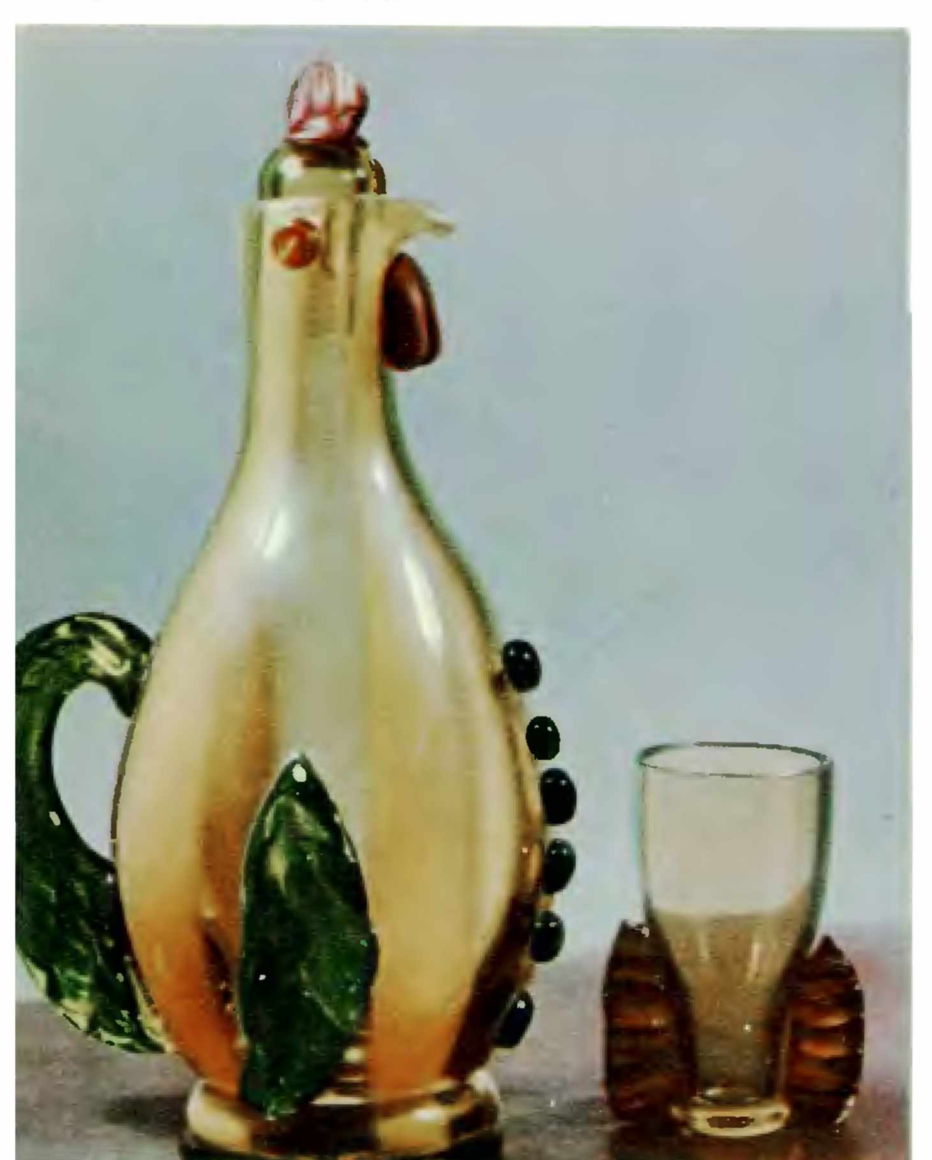
На выставке можно еще раз убедиться, какие хорошие вещи для украшения жилища, для бытовых потребностей можно изготовить из такого дешевого, весьма распространенного материала, как керамические глины, когда к делу приложит руки настоящий мастер. Вот чайный сервиз «Шиповник» и набор для завтрака, изготовленные на фаянсовом заводе имени Калинина (художник — Г. Альтерман). Такую фаянсовую посуду, при всей ее дешевизне в массовом изготовлении, с удовольствием приобретет и семья рабочего, и семья академика, и жена художника, и колхозница-хозяйка.

Тут же, не отходя от выставоч-

О. Богданова. «МАЛАХИТНИЦА».

Б. Смирнов. «ПЕТУШОК». Прибор для вина.

Е. Косс-Деньшина. ВЯТСКАЯ ИГРУШКА.

П. Леонов. «ОЛЕНЬ». Декоративный кувшин.

С. Чоколов. БЛЮДО И КУВШИН.

М. Адамсон. «ЕЖ И ЦЫПЛЕНОК». Мягкая игрушка.

С. Лойк-Паабо, Х. Куллес. КУКЛЫ.

А. Бржезицкая. «ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ». Туалетный прибор.

Е. Смирнов. ЧАЙНЫЙ СЕРВИЗ.

Д. Головко. КУМАНЕЦ ДЛЯ ВИНА.

Г. Наливайко. ЦАПЛИ.

ных стендов с их многообразием фарфоровых и фаянсовых изделий, выпускаемых или намеченных к выпуску нашими заводами, хочется поговорить о художественной стороне такого рода изделий. Наша промышленность имеет давние хорошие традиции и большие возможности. О них говорит, например, в совершенстве изготовленная статуэтка «Артист Корень в роли Меркуцио», сделанная по модели В. И. Мухиной. И все же нужно прямо сказать, что большие возможности эти не всегда хорошо используются.

Необыкновенно благодарные темы для скульптурных миниатюр дают сказки, басни, народный эпос — одним словом, все, что отмечено богатством народной фантазии, согрето теплым юмором или даже носит в себе сатирический заряд. Художнику и модельеру, делающим образцы для промышленности, тут широкое поле. Мы видели на выставке чудесный детский сервиз «Слоник» Т. Воскресенской, где формы каждого предмета строились с использованием очертания фигурок зверей и птиц. Или другой детский сервиз, исполненный на тему сказки «Терем-теремок» Ю. Васнецовым и А. Борисовым. Приятное впечатление оставили веселые сувениры А. Дегтярева, зверушки Н. Муратова, статуэтки «Цыганка», «Песец», «Качели», «Лотос» С. Машуриной; чернильницы с шуточными уличными сценами О. Малышевой и, наконец, изящные и своеобразные фигурки из майолики и глины талантливых скульпторов В. Лемпорта, В. Сидура и Р. Силиса. Все это, живое, яркое, богатое выдумкой, будет хорошим украшением квартиры труженика, приятным подарком другу, сувениром для гостей Советской страны.

Обаяние скрытой улыбки художника чувствуешь у стенда, где экспонируется целое «воробьиное семейство» скульптора Л. Сморгона. В этой стайке легко угадать и солидного воробья-папу, и озабоченную воробьиху-маму, и озорную птичью молодежь, где каждая птичка воспринимается со своими повадками и характером. Тут же выставлено другое птичье семейство — «Голуби» скульптора Н. Романовой. Это вполне благопристойные и солидные птицы, вероятно, довольно точно воспроизведенные, может быть, даже и с натуры. Но мастер не сумел одухотворить свой материал ощущением жизни, осветить улыбкой. И голуби эти воспринимаются как миниатюрные муляжи из учебных пособий.

Нам кажется, что сопоставление этих двух очень близких по сюжету работ открывает причину неудач многих профессионально неплохо выполненных, но лишенных обаяния жизни скульптурок. Речь идет об иллюстративности или холодном украшательстве, характерных для многих изделий подобного рода. «Белорусский танец» и «Китайский танец» О. Артамоновой, «Чабан с флейтой» В. Погорелова, группа «Садко» Н. Малышевой, «Монгольский танец» Н. Максимченко — все это кажется нам лишенным самобытности и своеобразия, напоминает мысль, которая высказана стертыми, маловыразительными словами.

Не всегда хорошую услугу народным мастерам, создающим свои произведения в духе давней традиции, оказывают, как это можно увидеть на выставке, профессиональные художники. Пример такого отнюдь не плодотворного сотрудничества демонстрируется в одной из витрин. Народный мастер-стеклодув В. Титов удачно выполнил графин с петухом и рюмки к нему в той старой русской манере, какой издавна славятся владимирские стеклодувы. Но в той же витрине тот же мастер выставил кувшин и стакан, сделанные им в сотрудничестве с профессиональным художником М. Куриловой,— перед нами самые обычные образцы ширпотреба.

Еще один пример, на этот раз плодотворного использования народного искусства. Художник Б. Смирнов изготовил из стекла графин с рюмками, как бы творчески продолжив и развив все ту же излюбленную владимирцами тему — стеклянного петуха. Получилось произведение искусства, затейливое, веселое, радующее глаз.

Сколько замечательных художественных промыслов, оригинальных, глубоко национальных по форме, ярких и радостных, неповторимых, представлено советскими республиками на эту выставку! Ходишь из зала в зал и в каждом «открываешь» своего Левшу, который своим искусством подковывает аглицкую блоху. Выставка показывает, что в каждой республике, в каждом, даже самом маленьком советском народе живет замечательное самобытное искусство, имеются народные мастера, владеющие тайнами создания необыкновенных вещей.

Лаки Палеха, давно и заслуженно прославленные, соседствуют здесь с великолепной дагестанской чернью по серебру и тонкой армянской филигранью. Чудесные работы чукотских косторезов, воспроизводящих на моржовых клыках многофигурные сцены трудовой жизни северного народа, красуются рядом с тисненой кожей, великолепными вязаными изделиями, простой и изящной мебелью эстонских мастеров. Художественное тканье мастеров Латвии, великолепная резьба по дереву загорских и прибалтийских резчиков, исконно русские, радующие буйством красок изделия Хохломы, украинская керамика, вышивка — все это и многое другое из выставленного будто ведет горячий и страстный рассказ о том, как талантливы наши народы, какие огромные возможности таятся в каждом промысле.

В одной из витрин мы видим различных зверушек — персонажей из сказочного мира, и традиционных кукол, надевающихся на три пальца, изготовленных с большим вкусом эстонской художницей Марией Адамсон. А вот другая, старинная русская, веселая и праздничная вятская глиняная игрушка. Целые клумбы живых красок расцвечивают стенды с изделиями рук трех мастериц: Е. Косс-Деньшиной, О. Коноваловой и З. Безденежных. Кустодиевские буйные тона! Юмор жизнерадостного и изобретательного народа родил эту игрушку. Тут и барыни в ярких платьях с муфтами в руках, и всадники на сказочных чудищах, важные, надутые индюки, двухголовые олени, трехголовые кони. И все это по-настоящему красиво, увлекательно. Условный язык всех этих вещей, шутливо-сказочные, причудливые их формы рождают бо́льшее ощущение жизни, нежели скучное натуралистическое правдоподобие иных изделий.

И тут снова, в который уже раз, встает все тот же старый, давно надоевший вопрос, обычно мучающий посетителей таких выставок:

— Где можно купить эти вещи?

Не стоит и пробовать искать их на полках магазинов «Художник», которым, как нам кажется, и надлежало бы прежде всего задавать тон торговой сети. Получается так, что выставочные образцы по каким-то, может быть, и понятным, но совершенно непростительным причинам остаются уникальными, музейными. Полки же московских магазинов, в том числе и «Художник», завалены примитивной безвкусицей — статуэтками, которые можно изготовлять скоростным способом, без хлопот и мастерства.

Но почему так получается? Все ли сделано для того, чтобы самобытный талант народных умельцев получил широкий простор? Все ли предусмотрено, чтобы эти изделия получили право на массовое существование в жизни?

На обсуждении одной из выставок народно-декоративного искусства цитировался любопытный документ:

— «...Мы должны выполнить указание... по специализации нашей промышленности... А посему объединить гжельскую керамику, занимающуюся выпуском фарфоровых ваз, с раменским конным обозом».

Покаемся, мы решили, что оратор, желая заострить свои доводы, прочел выдержки из какого-то сатирического рассказа. Оказалось, ничего подобного! Он привел цитату из подлинного документа — приказа Мособлпромсовета от 6 сентября 1955 года, подписанного его руководителем товарищем Г. И. Бабашкиным.

Руководители, подписывающие подобные приказы даже из самых лучших соображений, являются людьми весьма опасными для художественных промыслов. Ведь самое главное зло, о котором снова и снова приходится говорить, — это планирование деятельности художественных промыслов «по валу», «по прейскуранту», как говорят хозяйственники. На художественные промыслы — дело тонкое — механически распространяются правила и нормы планирования, принятые для артелей, производящих кастрюли, топорища, лопаты, щетки. В результате валовой выпуск изделий растет, как об этом торжественно докладывают руководители промкооперации, но при этом число мастеров художественных промыслов уменьшается. Больше того, с гордостью указывается, что при увеличении выпуска освободилось столько-то мастеров. Во всякой другой отрасли производства это выглядело бы несомненным достижением, но ведь речь идет о художественных промыслах! Квалифицированные мастера, среди которых были, несомненно, настоящие художники и знатоки своего дела, бросили традиционный промысел и ушли на другую работу. Может ли быть более яркое свидетельство узколобого делячества, непонимания роли и значения народного искусства!

На выставке у великолепной вятской игрушки всегда толпились любопытные, улыбающиеся люди. Она немедленно раскупается, стоит ей появиться в наших магазинах. Когда-то целые деревни и даже села изготовляли эту игрушку, передавая мастерство от отца к сыну. Теперь, как нам сказали, в историческом центре этого промысла, в селе Дымково, промысел дышит на ладан, нуждается в сырье, в красках, а главное, во внимании руководителей Кировской области, которые, видимо, не замечают, какое сокровище хиреет и чахнет под их опекой.

Правда, промысел еще держится и даже создает отличные образцы, рождаемые энтузиазмом трех влюбленных в свое дело мастериц. Вятскую игрушку редко, но все же можно купить в лучших столичных магазинах. А сколько традиционных, исстари славных промыслов вовсе исчезло по милости незадачливых хозяйственников из промкооперации! Где, например, исконное архангельское шитье бисером и золотом? Где традиционные изделия с так называемым «морозом по жести», которыми славился Великий Устюг? Где изделия из бересты, что выходили из северных наших областей? Где некогда замечательная вятская, башкирская, бурят-монгольская резьба по дереву?

А художественная керамика? А резьба по кости? А золотошвейные промыслы и художественная набойка Узбекистана и особенно знаменитая бухарская и хивинская керамика? А дунганские вышивки в Казахстане? Не нашли мы ничего этого на Всесоюзной выставке. Говорят, что найти все это можно разве что в музеях да в частных коллекциях.

А в результате на смену творчеству приходит стандарт, на смену художественной работе — массовая штамповка одних и тех же образцов, да к тому же зачастую не лучших, отобранных людьми без вкуса.

Сколько уже раз обо всем этом говорилось при обсуждении аналогичных выставок, сколько раз писалось в газетах! Бывало, что та или иная статья создавала много шума, от нее, как говорят, шли круги. Но круги разошлись, исчезли, все осталось по-старому.

Вот почему и на этой выставке, зримо наблюдая все великолепие народного творчества, хочется снова сказать: приспело время изъять народные художественные промыслы из ведения объединенных артелей, где они чахнут в соседстве с цехами, изготовляющими щепной и скобяной товары и метизы. Надо передать народные промыслы в ведение особого художественно-промыслового союза — организации, которая могла бы стать центром научного и делового руководства художественным творчеством.

И каким это было бы прекрасным подарком советским людям, когда чудесные образцы народного искусства, которые так радуют нас на выставках и в музеях, стали бы наконец неотъемлемой частью нашего быта!

С этой мечтой ушли мы с выставки.

Тебе, Маргарэт

Рассказ

Джон МОРРИСОН

Рисунки А. ВАСИНА.

В мире широко распространено мнение, будто все голландцы — хорошие садовники; оно, очевидно, основано на том, что выращивание цветов стало в Голландии отраслью промышленности.

Чепуха, конечно, и я знаю не одного хозяина, убедившегося в этом на собственном горьком опыте. Если человек родился в Австралии, то вовсе не следует думать, что он знаток по части овец; или по части волынок, если он родом из Шотландии. Однако всегда найдется исключение, которое для многих превращается в правило, и заблуждение насчет садовников-голландцев укреплялось с новой силой везде, где появлялся Ганс, — предположим, что его фамилия Вандевир, — с его зелеными пальцами.

Потому что он действительно был голландцем и хорошим садовником, одним из тех вдохновенных виртуозов, которые ставят в затруднительное положение всех других мастеров — их преемников. Он был также отчасти поэтом, что, возможно, и не столь примечательно; и отчасти влюбленным, что весьма важно.

До этого случая мне никогда не приходилось слышать о садовнике, влюбившемся в дочь босса; и узнал я все подробности потому, что поступил на место Ганса, когда хозяин выставил его из-за этой истории. Я нанялся всего через неделю после ухода Ганса, и сад еще хранил свежие следы его таланта, а домочадцы не успели оправиться от потрясения, вызванного его романтическим увлечением. Я попал в чудесный сад, столкнулся с хозяином, замкнувшимся в озлобленном недоверии ко всем садовникам, и с общительной экономкой, которая рассказала мне, что мисс Маргарэт ушла из дому, уехала к родственникам в Бендиго, а мать последовала за ней, чтобы попытаться уговорить ее вернуться.

Но всего этого я еще не знал, когда в девять часов утра в первый день моего поступления на работу хозяин дома мистер Камерон, собираясь в город, остановился поговорить со мной. Это был адвокат с будущим; полагаю, что место в третейском суде ему было обеспечено, разумеется, если он станет держаться наиболее влиятельной политической партии. Высокий, представительный мужчина средних лет, с низким голосом, неторопливой речью, холодными глазами и худым красивым лицом, напоминавшим широко известный бюст Юлия Цезаря.

Я был старше его, перевидал немало хозяев, и он мне не понравился с первого взгляда. И хотя, повторяю, я ничего не знал о том, что у них произошло, даже в этом первом, коротком разговоре кое-какие мелочи заставили меня призадуматься над тем, куда я попал. Устроился я через работника, присматривавшего за оранжереей, и хотя хозяин был вправе познакомиться со мной поближе, все же во взгляде его серых глаз, в упор устремленных на меня, было что-то очень неприятное.

— Здравствуйте, Джонстон. Кажется, я правильно назвал вашу фамилию?

— Да. Здравствуйте, мистер Камерон.

Он, видимо, вполне доверял человеку, рекомендовавшему меня, ибо не задал ни одного вопроса из тех, которых я ждал. Вместо этого он сразу дал мне ясно понять, что в случае какого-либо недосмотра или оплошности никакие оправдания приниматься во внимание не будут...

— Сад в полном порядке.

— Верно, мистер Камерон, у вас, как видно, был хороший садовник.

— Да. — Когда он говорил, уголки губ его заметно опускались. — У меня был голландец. Он прошел прекрасную школу.

Я ждал, надеясь узнать, по собственной ли воле голландец оставил свое место, но напрасно. Хозяин на секунду отвел от меня глаза, чтобы окинуть взглядом сад.

— Я много делаю здесь сам. Садоводство — моя страсть.

Он мог бы не говорить мне этого. Добиться таких результатов, работая всего один день в неделю, было, конечно, невозможно. Сад не просто содержался в отличном порядке, в его планировке чувствовалась богатая фантазия. Это был один из пышно разросшихся, великолепных садов, которые свидетельствуют одновременно об утонченном вкусе владельца и его состоятельности, позволяющей этот вкус проявить. Изгородь из высоких кипарисов смягчала шум с улицы Готорн и железнодорожной станции Балаклава, находившейся всего в нескольких сотнях ярдов. Как только я вошел в сад, меня охватило чувство глубокого покоя, уединения, изолированности от внешнего мира. Дул сильный ветер, однако он сюда почти не проникал, а птицы щебетали так, что трудно было поверить, что ты в большом городе. Я уже успел заметить много редких деревьев и кустарников, некоторые я видел впервые. Была весна, и широкая, ведущая от ворот прямо к дому аллея под сводом из штамбовых роз и вьющихся растений была еще оголена, по бокам ее темнели зимние мхи, а выложенная плитами дорожка вся была усыпана опавшими лепестками глициний.

Камерон указал мне на небольшую клумбу с бордюром из alyssum, только что показавшихся из земли; середина ее была тщательно унавожена, как будто ее недавно чем-то засадили.

— Эта клумба уже вся засажена. В середине будет карликовая линария, linaria сорта «Волшебный букет». Он засадил клумбу перед самым уходом.

Я заметил, что хозяину неприятно каждое упоминание о голландце.

— Когда это было, мистер Камерон?

— Немного больше недели назад. Если вам что-нибудь потребуется, можете дать мне знать в следующую среду. Миссис Бригс, экономка, заплатит вам, когда вы кончите. Миссис Камерон вы сегодня не увидите: ее нет в городе.

С этим мистер Камерон ушел. Мне он не понравился. Хозяин со страстью к садоводству — всегда угроза для садовника, но в Камероне было еще что-то. Он ни разу не улыбнулся. Я уже предвидел, что в один прекрасный день мне придется выдержать, не моргнув, этот пристальный взгляд Юлия Цезаря.

Миссис Бригс подала мне утренний чай. Она вынесла его на парадное крыльцо, окликнула меня и сейчас же скрылась в доме.

В полдень я узнал всю историю. Никого из хозяев дома не было, и я решил, что можно позавтракать на свежем воздухе; захватив чайник, я снова отправился на крыльцо. Как только я кончил есть, ко мне подсела экономка с явным намерением поболтать. Подозреваю, что утром она не стала заводить разговор только потому, что ей хотелось иметь для этого побольше времени.

Я уже видел ее, когда пришел в восемь утра: миссис Бригс на минуту появилась в дверях кухни и выдала мне ключ от сарая с инструментами. Сейчас, когда я разглядел ее поближе, мое первоначальное впечатление подтвердилось: это была беспокойная стареющая маленькая женщина, до умопомрачения запуганная сложными отношениями в семье, где она прожила очень долго. Я знаю этот тип людей: трудовые дни ее близились к концу, и уже не стоило пускаться в новое путешествие, а в хозяйстве она была еще слишком полезна, чтобы ее вышвырнуть на милость родственников или в дом для престарелых. Однако, как я позже убедился, существовали обстоятельства, благодаря которым миссис Бригс оказалась в несколько особом положении.

На ней было черное платье с белым передником, волосы седые, лицо маленькое, остренькое, как у мыши, руки опухшие, с искривленными ревматизмом пальцами.

Миссис Бригс объяснила, что вышла спросить, не хочу ли я еще чаю. Но после моего отрицательного ответа не проявила ни малейшего желания вернуться в дом. Она улыбнулась так, как обычно улыбаются приятные люди, у которых, однако, нет причин быть веселыми.

— О, я знаю, — сказала она, глядя на мой чайник, словно желая его снова наполнить, — мужчина может выпить много чаю в полдень, когда он хорошо поработал.

— Мне больше чем достаточно, миссис Бригс. — Я видел, что ей хочется посплетничать, и добавил для поощрения: — Славный у вас сад.

Глаза ее скользнули по аллее до самых ворот.

Джон Моррисон — современный австралийский писатель, автор нескольких романов и книги рассказов «Моряки принадлежат судам». Рассказы его были отмечены премиями на конкурсах новеллы в Австралии.

— Еще бы! Он всегда был в хороших руках.

Чтобы продолжать беседу, не требовалось особых ухищрений с моей стороны.

— Мистер Камерон сказал, что мой предшественник был голландец. Почему он ушел?

— Ну, знаете, как это бывает. Он...

Она начала теребить передник и бросила на меня беспокойный взгляд; ее, видно, разбирало желание поговорить, но она все еще сомневалась, можно ли мне довериться. Наконец она не выдержала:

— Между нами говоря, ему пришлось уйти. Тут была небольшая неприятность. — Она уселась против меня на старый плетеный стул, и я стал ждать, стараясь проявить как можно больше сочувствия и интереса. — Заметили, что между ним и дочерью хозяина что-то было.

— Как?!

Миссис Бригс протестующе подняла искривленную руку, увидев мою улыбку.

— Ничего плохого, имейте в виду! Я знаю мисс Маргарэт с пеленок, лучшей девушки нет в целом свете. Уверена, что ни капельки дурного в этом не было. Но, понимаете, мистер Камерон думал по-другому и положил всему конец.

Раньше я представлял себе моего предшественника человеком по крайней мере моих лет, иначе говоря, в том возрасте, когда романтические приключения — уже дело прошлого.

— Он, значит, еще совсем молодой, миссис Бригс?

— Ганс? О, да, около двадцати лет, как и Маргарэт. И очень славный малый. Вы вряд ли догадались бы, что он иностранец, слушая, как он говорит. Правда, он никогда не отличался разговорчивостью. Такой спокойный и вежливый. Должно быть, из хорошей семьи.

— Красивый?

— Он был настоящим красавцем. Не удивительно, что Маргарэт...— Миссис Бригс заколебалась и снова бросила на меня испытующий взгляд. Она чувствовала, что наговорила лишнего, но уже не могла удержаться. Она наслаждалась каждой минутой этого разговора.— Ведь это была всего лишь пара ребятишек, которые строили друг другу глазки. Я следила за ними и сразу узнала бы, если бы дело зашло дальше. Маргарэт ничего не могла скрыть от меня, даже если бы захотела.

— Но ведь что-то все-таки было...

— О, Ганс был влюблен в нее по уши, только никакой беды в этом не было. Маргарэт...

— ...просто втайне смеялась над ним?

— Нет, по-моему, ей было приятно. Он держался так мило, застенчиво, никаких вольностей. Всегда ухитрялся встретить ее с цветком в руке, когда Маргарэт выходила по утрам из дому: она ведь работает химиком в каком-то важном учреждении. И она сохраняла этот цветок свежим почти всю неделю. О, я замечала многие мелочи, но они дополняли друг друга. По средам она всегда вставала раньше обычного и все ходила по столовой возле окон, высматривая Ганса в саду.

— Миссис Камерон ничего не замечала?

— Конечно, замечала. Но она, как и я, ничего худого в этом не видела. И ей нравился Ганс. Теперь ей приходится отдуваться за это; впрочем, ей ставят в вину все, что бы ни случилось в этом доме.— Миссис Бригс закрыла глаза и заломила руки.— Боже мой, если бы вы слышали, как бушевал мистер Камерон! Он сделал вид, что это было для него совершенно неожиданным. Как-то вечером он принес Маргарэт орхидею — это было в среду,— а на следующее утро потребовал объяснения, почему она приколола не орхидею, а цветок, который дал ей Ганс. Мистер Камерон нарочно все это подстроил, он всегда занимается такими штуками. Потом он взялся за миссис Камерон. Сказал, что ничего подобного никогда бы не произошло, если бы она как следует заботилась о своей дочери. Как будто что-нибудь случилось! Можно было подумать, что девушка сбилась с пути... Словом, он устроил изрядный скандал, а в следующий раз, когда Ганс пришел, его выставили. Думаю, что мистер Камерон даже не собирался объяснять ему причину. Но я рассказала Гансу, рассказала ему все, как только он постучался в дверь за ключами, в восемь утра. Так что он был подготовлен. И разве уже одно то, что он, как обычно, принялся за работу, не показывает, что ему нечего было стыдиться? Он сажал какие-то цветы возле ворот, когда в девять часов мистер Камерон вышел в сад.

— Камерон ждал до девяти часов?

— Вы еще не знаете мистера Камерона! Даже если весь мир загорится, он не переменит своих привычек. Все должно делаться совершенно одинаково каждый день в году. Кроме того, он, наверно, думал, что еще больше уязвит Ганса, если выйдет в свой обычный час. Это такой человек! Во всяком случае, все кончилось очень быстро. Я наблюдала из окна. Жаль только, что не могла ничего услышать. Да и сказано было мало. Через несколько минут Ганс уже собрался и направился к выходу. Мистер Камерон не стал бы устраивать сцену.

«Да,— подумал я,— садовнику он сцен не станет устраивать».

— А Маргарэт? Она тоже ушла?

— В тот же самый день. Она вернулась с работы часа в три — я одна была в доме — и стала укладываться. Я попробовала уговорить ее, но это было все равно что горох об стенку. Дело тут не только в Гансе. Двенадцать месяцев назад тоже была история из-за ее приятеля. Мистер Камерон расстроил их дружбу, но тот парень не был садовником. Он был сыном врача.

— Как видно, мистер Камерон — тяжелый человек?

— Тяжелый! Он зверь!

Увлеченная рассказом, миссис Бригс произнесла это слово с такой яростью, что даже поразила меня.

— У них никогда не было счастья. Удивительно, как он вообще нашел женщину, которая смогла с ним жить! Я бы давно ушла из дому, если бы не миссис Камерон. Я-то еще умею немного постоять за себя, но ее он запугал с первого дня женитьбы. Совесть мне не позволила оставить ее с ним одну. Чего только не пришлось вытерпеть этой женщине! И знаете, что он делает, когда хочет побольнее причинить ей боль?

Я вопросительно посмотрел на нее.

— Он называет ее по имени! Можете вы себе представить такое?

— Я не совсем понимаю, миссис Бригс...

— Да, это надо услышать, чтобы понять. Много лет назад, когда он довел ее до слез из-за какой-то мелочи, миссис Камерон пожаловалась, что он не называет ее по имени. И это была сущая правда; я по неделям не слыхала, чтобы он произносил ее имя. С тех пор, когда он хочет действительно оскорбить ее, он называет ее Барбара — это ее имя,— но вы бы слышали, как он его произносит! Будто грязное ругательство! И у него нет никаких поводов: она всегда была ему хорошей женой. Слишком хорошей, хотя он считает, что она недостойна его. По-моему, он всегда думал, что сделал плохую партию. Все ее друзья для него нехороши, они теперь и дорогу к дому забыли.

— К чьим же родственникам уехала Маргарэт?

— К родным матери. Поэтому мистер Камерон ничего не хочет предпринимать. Говорит, что дом Маргарэт здесь, если только она хочет в нем жить. Ужасно будет, если завтра миссис Камерон вернется одна.

Вот и вся история, как я ее запомнил. Миссис Бригс рассказала мне еще несколько смешных случаев с мистером Камероном, с миссис Камерон и Маргарэт, но тут не было ничего существенного, что дополнило бы картину, которую я себе составил. Я был более чем уверен, что не полажу с мистером Камероном, но вернулся к работе. Я был все-таки рад заработку, и, кроме того, меня разбирало любопытство: хотелось узнать, что здесь произойдет в ближайшие неделю — две.

Хороший выдался денек — мой первый у Камеронов, один из тех безветренных, чудесных весенних дней, которые запоминаются надолго. Я испытывал приятное ощущение свободы: мистер Камерон предоставил мне действовать по собственному усмотрению, и ничьи любопытные глаза не следили за мной из окон дома. За утро я разделался со всей будничной работой — подстриг газоны, подмел дорожки,— а большую часть второй половины дня занимался тем, что приводил в порядок буйно разросшийся бордюр из agathea вдоль широкой аллеи на северной стороне сада. Теплые солнечные лучи играли на моих плечах, воздух был полон бодрящим ароматом весны — запахом левкоев, цинерарий и свежевскопанной земли.

Как все это гармонировало с историей Ганса и Маргарэт! Я продолжал думать о них, но Ганс особенно захватил мои мысли. Конечно, его я представлял себе гораздо реальнее, чем девушку. Я не видел ни Ганса, ни Маргарэт, но образ молодого голландца и живые следы его таланта сопутствовали мне в этом саду всюду, куда бы я ни заглянул. Я знал цену и собственному мастерству, но этот сад заставил меня присмиреть. Меня волновало то, что создал его не старый мастер, а юноша на пороге жизни. Мне казалось, что у Ганса, во всяком случае, увлечение Маргарэт было гораздо глубже, чем подозревала миссис Бригс. Чувство Ганса выражал не только тот цветок, который он преподносил Маргарэт каждую среду, когда девушка уходила на работу,— нет, он разговаривал с ней ежедневно на языке целого сада, полного цветов... По мере того, как день клонился к вечеру, мной овладевало странное чувство: мне казалось,

что я попал на сказочную землю, что я не должен находиться здесь, что случайно я оказался обладателем чего-то, не принадлежащего мне по праву. Где сейчас Ганс? И встретится ли он когда-нибудь снова с Маргарэт?

☆ ☆ ☆

В следующую среду я познакомился с миссис Камерон. По дороге к дому, немного не доходя до ворот, есть такое место, откуда виден угол сада справа от аллеи. Там я и заметил бледно-голубой халат, мелькнувший возле той самой клумбы, где были посажены alyssum и linaria. Мне тогда показалось непонятным, почему она убежала, заслышав мои шаги. Когда я спрыгнул с велосипеда, пересек дорожку и открыл ворота, она уже направлялась к дому.

Однако миссис Камерон, видимо, решила, что неудобно вовсе не замечать меня, тем более что я подошел совсем близко. Сделав несколько неуверенных шагов, она остановилась, обернулась и поздоровалась со мной. Это была женщина среднего роста, стройная, приятной наружности, с осанкой, полной естественного достоинства. У нее был нежный голос и теплая, приветливая улыбка.

Мое неожиданное появление, видимо, смутило ее. Зная, что некоторые женщины не любят показываться в халате перед мужской прислугой, я продолжал энергично шагать вперед, чтобы поскорее пройти мимо нее. Миссис Камерон посторонилась, давая дорогу мне и велосипеду, и на секунду я встретился с ней взглядом; в ее глазах не было холодной, рассчитанной отчужденности, с которой обычно смотрят на нового человека. В них было нечто другое. Я, пожалуй, не назвал бы это страхом, но отчетливо уловил какое-то выражение тревоги. Она уступила мне дорогу, как будто так и следовало, и это как-то увязывалось в моем сознании с рассказом миссис Бригс. Казалось, миссис Камерон увидела во мне еще одно звено в цепи событий, вселявших в нее страх, но с которым она, тем не менее, уже примирилась.

Я ответил на ее приветствие, стараясь быть как можно учтивее.

Она указала головой на то место, где только что стояла, и пока я проходил мимо, сказала вскользь, лишь бы бросить какую-нибудь фразу:

— Я любовалась калиной. Она всегда прелестна весной.

— Очень красивое дерево, миссис Камерон,— согласился я.

Через мгновение она осталась позади.

У дверей кухни, куда я пошел за ключом от сарая с инструментами, я узнал, почему миссис Камерон смутилась, завидев меня.

Миссис Бригс вышла, едва сдерживая волнение.

— Вы уже видели всходы, садовник? — спросила она шепотом.

— Какие всходы?

— Там, около ворот.

— Я еще ничего не видел.

— Сходите и посмотрите.

Она сунула мне в руку ключ и прислушалась, не идет ли кто-нибудь.

— Тут сам черт ногу сломит! Ганс-то на клумбе высеял имя Маргарэт,— вот подождите, сами увидите. Я сейчас не могу говорить: он бродит по саду. Наверно, велит вам перекопать клумбу. Не идите туда сразу, а то он догадается, что я вас предупредила. Он в бешенстве. Потом поговорим...

Мне не терпелось узнать, в чем дело, но я переоделся в рабочий комбинезон, достал инструменты, прошелся по саду и наконец приблизился к клумбе около ворот.

Я увидел самый трогательный привет влюбленного своей даме сердца: за неделю земля прогрелась, тысячи крохотных стебельков линарии вышли на поверхность, и через всю клумбу на темно-коричневом фоне земли зеленела изумрудная надпись: «Тебе, Маргарэт».

Это было сделано великолепно, просто мастерски. Под утренними лучами солнца слова ожили, они словно горели. Я чуть не захлопал в ладоши и не запрыгал от волнения.

«Тебе, Маргарэт» — вот на что смотрела миссис Камерон, когда я подъехал к воротам. Я тоже не мог оторвать глаз от клумбы. У меня было ощущение, что Ганс стоит сзади и улыбается. Он и Маргарэт — оба они сразу выросли в моих глазах. Как прекрасно он это задумал, с какой любовью выполнил!

«Я сказала ему все, как только он постучал в кухонную дверь в восемь часов,— вспомнились мне слова миссис Бригс.— Он сажал какие-то цветы у ворот, когда мистер Камерон вышел в сад...»

А теперь Камерон собирается приказать мне перекопать клумбу!

Это все равно, что получить приказ задушить младенца или подожечь церковь. Я понял, что перестал быть пассивным наблюдателем; хочу я того или нет, но через короткое время я стану прямым участником событий.

Всего несколько секунд понадобилось мне, чтобы решить: нет, я не приложу рук к такому варварскому делу. Я все еще обдумывал, как мне получше выйти из положения, когда — ровно в девять — появился Камерон. Я работал неподалеку от дома, и он окликнул меня, спускаясь со ступенек крыльца:

— Эй, Джонстон!

— Доброе утро, мистер Камерон.

— На одну минутку, пожалуйста.

Я направился к нему, но он не стал дожидаться и прошел уже половину дорожки, когда я догнал его.

— Я попрошу вас кое-что сделать сегодня. На повороте, у боковой дорожки, ведущей к живой изгороди, он остановился и указал на ветку розы, свободно свисающую на высоте человеческого роста.

— Тут несколько таких. Их надо подвязать.

Я кивнул головой. Я уже раньше заметил эти розы и почувствовал раздражение от того, что он счел нужным учить меня. Или это было просто пустое замечание для начала?

— И вот еще что...

Ступив на газон, он с нескрываемой ненавистью смотрел на раскрывшую свою тайну клумбу.

— Я хочу, чтобы вы перекопали ее и засадили вновь.

— Но ведь вы потеряете около трех недель, мистер Камерон,— сказал я,— alyssum уже хорошо подросли. И лучшая пора их пройдет.

— Я знаю, но все-таки они еще будут цвести.

Сказав это, он направился к воротам. Я сделал новую попытку:

— Мистер Камерон, ведь через пять — шесть недель эти слова все равно уже нельзя будет прочесть. Когда цветы разрастутся...

— Меня интересуют именно эти пять — шесть недель, Джонстон,— холодно прервал он меня. Вынув руку из кармана брюк, он ткнул длинным, тонким пальцем в сторону клумбы.— Я не одобряю фокусов такого рода. Семена возьмите у миссис Бригс. Я купил их на этой неделе.

— Очень хорошо, мистер Камерон,— ответил я.

Я по-прежнему не собирался вскапывать клумбу, но желание узнать, что будет через неделю, взяло верх и удержало меня от того, чтобы поссориться с ним тут же на месте.

Через несколько минут я мысленно похвалил себя за эту сдержанность. Я услышал скрип парадной двери, и миссис Бригс знаками позвала меня на крыльцо.

— Машина ушла, садовник?

— Да.

— Говорите тише. Она у себя в комнате, одевается. Она держится хорошо, но мне не хочется, чтобы она знала о нашем разговоре. Она сейчас выйдет поговорить с вами об этой клумбе. Он вам велел перекопать ее?

— Да.

— Вы не...

— Нет.

Я хотел было добавить, что и не собираюсь этого делать, но она продолжала так же торопливо, вполголоса:

— Хорошо, подождите, пока не поговорите с ней. Из-за этой клумбы еще будут неприятности. Если бы вы видели, что он вытворял! И что он наговорил ей! Я потом сказала, что на ее месте немедленно ушла бы из дому. Я начинаю думать, что у него не все в порядке... Она говорит, что если только он дотронется до клумбы, она уйдет от него. Но она и раньше такое говорила...

— Я не стану перекапывать клумбу, миссис Бригс. Но все равно это сделает кто-нибудь другой. Он может сам перекопать ее.

— Он обязательно перекопает, раз он знает, что она этого не хочет. Во всяком случае, она сию минуту выйдет.

— А так ничего нового?

— Маргарэт не вернется домой. Она в городе. Поступила на другую работу, но не хочет сообщить матери, где служит и где живет. Она звонила вчера. Говорит, что не желает, чтобы из-за нее были неприятности.

— А Ганс?

— Ни слова. Я лучше пойду...

Вскоре появилась миссис Камерон. Она привела себя в порядок, платье на ней было дымчатого серого цвета из какого-то тяжелого материала, складки изящно колебались при ходьбе. Она выглядела очень привлекательной, и по ее спокойной манере я сразу догадался, что миссис Бригс рассказала ей, что я не хочу разрушать клумбу. Миссис Камерон сразу, без обиняков, приступила к делу:

— Здравствуйте, мистер Джонстон. Мистер Камерон говорил вам что-нибудь относительно клумбы у ворот?

— Он распорядился перекопать ее, миссис Камерон.

Я постарался тоном и выражением лица показать ей, что не одобряю этого.

Она внимательно наблюдала за мной, видимо, стараясь понять, насколько я осведомлен обо всем происходящем.

— Жаль это делать, не правда ли?

— Конечно, миссис Камерон. Мне не хочется трогать клумбу.

— Хватит ли у вас мужества не выполнить распоряжения мистера Камерона и оставить клумбу до будущей недели, если я вас попрошу об этом? — Она с живостью улыбнулась, но голос ее слегка задрожал, и я понял, кому тут потребуется проявить мужество.— Мне просто хочется улучить минуту и еще раз поговорить с ним об этом.— Она посмотрела на клумбу и, сделав несколько неопределенных движений рукой, приложила пальцы к губам.— Это просто... невинная шалость. Гансу не следовало этого делать. Но его здесь больше нет, и хочется, чтобы клумба осталась такой, как есть, правда?

— Сделано это великолепно, миссис Камерон,— заметил я тоном профессионала, но внутренне волнуясь.— И время рассчитано абсолютно точно. Середина зацветет как раз тогда, когда все распустится.

— Тогда, пожалуйста, не трогайте клумбу. Я скажу мистеру Камерону, что просила вас об этом.

— Благодарю вас, миссис Камерон. В таком случае я не дотронусь до нее.

Должно быть, она прочла на моем лице, что я восхищаюсь ее решимостью, и убедилась, что я знаю многое: она вдруг опустила глаза и поспешно удалилась. Я исподтишка наблюдал, как она ходила по саду, сорвала несколько цветов, остановилась на минуту — другую у клумбы, ставшей яблоком раздора, и скрылась в доме. Больше я ее не видел.

Да и миссис Бригс почти не показывалась. Я думал, что, может быть, выведаю у нее кое-что за обедом, но миссис Камерон была дома, и я решил устроиться с едой на ящике у солнечной стены гаража. Все, чего я добился,— это нескольких торопливых слов миссис Бригс, когда относил чайник на кухню. Она сказала, что в доме, «кажется, дело подходит к развязке».

— Она мне не все говорит, садовник, но позавчера вечером я слышала, как она грозилась уйти из дому, если он не сделает так, чтобы Маргарэт вернулась. А он только смеялся над ней. Он знает, что у нее нет ни гроша. Я стояла в передней и слушала. «Вы пугаете меня, Барбара!» — издевался он и тут же включил приемник во всю силу. Она так рыдала на диване, что просто сердце разрывалось. Сейчас в доме все равно что в морге. Только при Маргарэт еще можно было жить с ним под одной крышей. Смотрите, не проговоритесь ни о чем, когда придете в следующий раз.

— Обо мне не беспокойтесь, миссис Бригс. (Я уже рассказал ей о просьбе миссис Камерон не перекапывать клумбу.) Все равно, в следующую среду меня, наверно, в последний раз увидят здесь.

Она посмотрела на меня с тревогой.

— Да, тут сомневаться не приходится. Этот человек не любит, когда ему становятся поперек дороги.

— Я не миссис Камерон.

— Бедная женщина! Ужас что будет сегодня вечером, когда он вернется! Он пойдет к клумбе перед тем, как войти в дом. Я не думала, что она решится сделать это, но ей уже пора постоять за себя. Вам, пожалуй, лучше теперь уйти. Она в гостиной...

Всю остальную часть дня клумба притягивала меня, как магнит. Работал я в другом конце сада. Но время от времени я подходил к клумбе, просто чтобы посмотреть,— такую радость она мне доставляла! Меня взволновало и то, что миссис Камерон оказалась настоящей женщиной, увидевшей в этой клумбе нечто драгоценное и прекрасное. Маргарэт была ее дочерью, и хотя девушку, по-видимому, лишь забавляло увлечение Ганса, мать ее — да благословит ее бог! — не хотела допустить, чтобы его чувство зарыли в землю, как дохлую кошку. Я не сомневался, что после моего ухода миссис Камерон спустится в сад и все время до возвращения мужа проведет у клумбы, любуясь ею, как любовалась рано утром, погрузившись в мечты и наделяя ее поэзией и красками, которых сама была лишена в этом деспотическом доме.

И я тоже размечтался, хотя по возрасту мне уже это не пристало. Какое-то колдовство витало над садом, и по мере того, как время шло, во мне все больше нарастала эта задумчивость, полная очаровательных образов, постепенно приобретавших трагическую окраску. Все умирает в конце концов, и я видел перед собой любовное послание Ганса не только таким, как в этот день, но и каким оно будет завтра, если Камерон пощадит его, и послезавтра, и во все другие дни, до тех пор, пока оно не отцветет и не померкнет.

Ганс, конечно, знал, что его любовь к Маргарэт была совершенно безнадежной, и в моем мозгу теперь вновь зазвучали строки из Томаса Карлейля: «Тебя, возлюбленная моя, я никогда, никогда во веки веков не увижу вновь».

О чем другом мог думать Ганс, когда он писал свое живое послание? Я представлял себе его юное серьезное лицо, склонившееся над податливой землей, ловкие, умные пальцы, движущиеся расчетливо и быстро.

И вот плоды его трудов. Ганса нет, нет и Маргарэт; но тихий сад полон ими, и с каждым днем этот символ любви будет расти, расти: хрупкие растения окрепнут, распустятся, заполнят промежутки между буквами. И когда имя исчезнет, нечто другое займет его место, и послание не утратит своей выразительности. Оно воплотится в нежные, светлые оттенки цветов, которые, я это знаю, так хорошо будут выделяться в темно-сиреневой рамке alyssum.

И для того, кто знает тайну этой клумбы, всегда останется неизменной надпись: «Тебе, Маргарэт». Даже тогда, когда придут знойные летние ветры и обессилевшие цветы с каждым ливнем станут все ниже и ниже пригибаться к земле, голос Ганса все еще будет звучать.

Я не стал перекапывать клумбу. Вечером, уходя из сада, я долго смотрел на нее, зная, что это прощальный взгляд.

В следующую среду клумба вся была перекопана.

Я был готов к этому, но когда, стоя на дорожке, увидел обнаженную землю в рамке из alyssum, я испытал нечто большее, чем разочарование. Клумба выглядела не просто опустошенной, она была поругана — в этом чувствовался вызов. Я представил себе Камерона, который, следя за мной из окна дома, мысленно твердил: «Так тебе и надо!..» А та, кому прежде всего предназначался этот удар, пусть мучается, словно к ее ногам положили изуродованное тело любимого человека.

Я направился к дому, всей душой ненавидя Камерона; кажется, никогда в жизни я не был так готов к отпору, как сейчас.

В кухне царило молчание. Мне пришлось два раза постучать. Откуда-то из глубины дома послышались торопливые шаги миссис Бригс. Внутренняя дверь была открыта; правда, я не мог ничего видеть через сетку от мух, но услышал тяжелое дыхание и шарканье ног экономки до того, как долетел ко мне ее шепот:

— Шш! Садовник, я иду!

Миссис Бригс открыла дверь с таким видом, будто смертельно боялась, что ее застанут разговаривающей со мной. Глаза у нее были красные, опухшие от слез, а протянутая рука дрожала.

— Не думаю, чтобы ключ вам понадобился надолго. Хозяин взбешен из-за этой клумбы.

— Он перекопал ее?..

— Шш! Он сделал это в тот же вечер. А она ушла.

— Миссис Камерон?

— На следующее утро, как только он отвлекся каким-то делом. Мне тоже придется уйти: здесь, как в сумасшедшем доме. Он не верил, что она уйдет. Это потрясло его — теперь он уже не так уверен в себе. Полночи ходил взад и вперед по комнатам...— Она боязливо оглянулась.— Лучше вам уйти, нас не должны видеть вместе...

Любопытно, что даже теперь, когда обстоятельства изменились, Камерон выждал до девяти часов, прежде чем выйти ко мне; это было вполне в его духе. Я твердо решил «разложить его на кусочки», как говорят у нас в Австралии, и поэтому занимался мелочами, с которыми можно было покончить в одну минуту, причем намеренно работал по соседству с клумбой.

Я сметал с дорожки опавшие листья, когда хлопнула дверь и послышались твердые, тяжелые шаги. До самой последней секунды, борясь с нарастающим возбуждением, я сосредоточенно продолжал свою работу.

Но, подняв на него глаза, я испытал вдруг неожиданное чувство. Мне стало жаль его. То же застывшее, высокомерное выражение лица, те же упрямые складки около рта, тот же нахмуренный лоб. Но чего-то не хватало. Не хватало ледяного спокойствия, которое было на прошлой неделе.

Даже если бы мне не сказали об этом, я сразу увидел бы, что он провел эту ночь без сна. Глаза его ввалились, в них было выражение бесконечной усталости. И вместо осуждения, которого я ждал, я увидел в его взгляде какое-то сомнение, как будто он пытался сопоставить что-то в моей внешности с тем, что слышал обо мне, или с каким-то моим поступком.

— Доброе утро, мистер Камерон,— сказал я осторожно.

Он посмотрел мимо меня, на свежеразровненную поверхность клумбы.

— Я только что засадил ее,— сказал я, указывая на клумбу, и замолчал, давая ему время решить, стоит ли вмешивать в наш разговор миссис Камерон. К моему удовлетворению, он только промычал что-то нечленораздельное.

Потом я увидел, как он вдруг перевел дыхание, почти незаметным движением распрямил сильные плечи и усталые глаза его загорелись мстительным огнем. Я понял, что он рассчитанно сдерживает себя и какое бы чувство он ни испытывал сейчас, на меня оно не распространяется. Он был так же готов к бою, как и я, и если и обдумывал план примирения со своей семьей, то не собирался делать какого-то садовника свидетелем этого.

— Полагаю, вам ясно,— сказал он резко,— что мы потеряли драгоценную неделю из-за того, что вы не выполнили моего распоряжения в прошлую среду?

«Вот оно! — подумал я.— Держаться до конца, Джонстон».

— Тогда какого черта вы не засадили клумбу сами? Вы же вскопали ее.

Голова его чуть заметно дернулась назад, но в общем он принял мои слова именно так, как я ожидал.

— Ах, вот как! — сказал Камерон тихо. Потом до неловкости долго смотрел на меня. Лицо его передергивалось, как будто он все-таки собирался улыбнуться.— Значит, так вы относитесь к вашей работе? — наконец спросил он.

— Так я отношусь к вашему замечанию.

— Хорошо.— Без малейших признаков досады он опустил руку во внутренний карман и достал бумажник.— За полдня. Вероятно, это больше, чем я должен заплатить вам при данных обстоятельствах. Можете убрать инструменты и отправляться.

Вот и все. Через десять минут я вел свой велосипед по аллее — в третий и последний раз. Возле ворот я остановился, чтобы посмотреть на маленькую клумбу, уже усыпанную кое-где белыми лепестками калины.

Дело в том, что я тоже оставил на клумбе послание из цветов:

«Тебе, Барбара».

Перевела с английского
С. КРУГЕРСКАЯ.

Ник. ХАРЬКОВ

Рисунки Е. ГУРОВА.

— Здравствуй, сестра! — громогласно басит Павел Павлович, протискиваясь в дверь всей своей грузной, объемистой фигурой.

— Здравствуй, братец, — отвечает Полина Павловна и глубоко вздыхает.— Проходи, садись. Сейчас и Петруша придет. Обедать будем.

— По какому случаю созываешь семейный пленум? — гудит Павел Павлович, плотно усаживаясь в широкое старинное кресло.

— Ниночка... вернулась из командировки... — медленно выговаривает Полина Павловна, будто сообщает не о приезде, а, по крайней мере, о побеге дочери из родной семьи.

— Отлично! — потирает руки Павел Павлович, с видимым удовольствием оглядывая накрытый к обеду стол. — Ну-с, как поживаешь? Что нового?

— Ах, новость такая... Ошеломляющая!.. — Полина Павловна плотно прикрывает дверь и переходит на таинственный шепот. — Приехала вчера... Поздно вечером... А сегодня утром торопится на работу... И перед самым уходом заявляет: «Мамочка, хочу с тобой поделиться. У меня радость... Одним словом, мамочка, я выхожу замуж...»

— Что-о-о? Племянница выходит замуж?! — восклицает Павел Павлович, и от его рыкающего баса звенят на столе рюмки.

— Я как держала чашку с чаем, так чуть не ухнула ее всю на колени, — плаксиво повествует Полина Павловна. — А она собирает свой портфельчик и все на ходу, скороговоркой рассказывает мне через пятое на десятое... Дескать, чудный человек, и умница, и красивая душа... И очень уж сдружились. Оказывается, летом, когда ездила в деревню записывать народные песни, там и познакомились. И опять встречались осенью, как вторично выезжала сверять текст песни...

— Молодец Нина! Браво! Брависсимо! — торжествует на всю комнату Павел Павлович.

— Тсс!.. Потише! — пугливо озирается Полина Павловна.

— А разве это дело засекречено?

— Не то чтобы засекречено, а... Как-то странно, знаешь, неожиданно... Ума не приложу...

— Ох, все вы, мамаши, почему-то впадаете в минорный тон, как дело доходит до замужества дочери. Кто же он, этот счастливец? Кто жених?

— Держу пари, не угадаешь...— озадачивает брата Полина Павловна.

— Гм... Раз встретились в деревне, на народных песнях сдружились... Вероятно, музыковед?.. Композитор?.. Поэт-песенник?..

— Ах, нет, нет и нет! — не говорит, а стонет Полина Павловна. — Он... просто-напросто... председатель... колхоза!

Минутная мертвая пауза.

— Да-а-а! — гудит Павел Павлович.— Как говорится, совсем не из той оперы.

— Павлуша... Братец! Ты ведь знаешь, я без предрассудков. Но как это вяжется? — разводит руками Полина Павловна. — Музыковедка, окончила консерваторию, служительница искусства, интеллигентная девушка, а... муж... какой-то председатель колхоза... Это не укладывается в моей голове!

— Н-д-а... Диссонанс! — резюмирует братец.

— Ведь это что же? Как же? Ах!.. В нашем роду все, так сказать, потомственные интеллигенты... Вспомни-ка... Оба деда, все дяди, отец — сплошь адвокаты, доценты... доктор, юрисконсульт, нотариус... Петруша — профессор, ты солист симфонического оркестра, я вдова музейного работника. А теперь моим зятем... будет председатель колхоза? Анекдот!

— Гм... — в раздумье барабанит своими музыкальными пальцами по ручке кресла Павел Павлович. — Конечно, в своем практическом деле он, быть может, смекалистый, деловой. Понимает... кукурузу, коноплю и всякую там... эту... чересполосицу. Не спорю. Но, положим, «Лунную сонату» вряд ли поймет...

— Ах, какая там «Лунная соната»! — всплескивает руками Полина Павловна и, зажмурив глаза, откидывается на спинку кресла.

Оба потомственных интеллигента погружаются в тягостное раздумье...

— Ах, Нина, Нина! — причитает вдова музейного работника. — Покинуть университетский город, театр, симфонические концерты... И жить в деревенской избе. Без ванны! Без телевизора! Без удобств!

— Дис-гар-мония... — кряхтит солист симфонического оркестра.

За дверью раздается короткий энергичный звонок.

— Это Петруша, я открою, — подымается Павел Павлович и грузно шагает в переднюю.

Полина Павловна нервно кутается в пуховый платок.

В передней хлопают дверью... Слышны тяжелые шаги. Гулко разговаривают два рокочущих баса. И вот в комнату входит двойник Павла Павловича. Такой же объемистый великан с целой копной курчавых седых волос на голове. С первого же взгляда ясно, что это родной брат солиста-музыканта. За ним появляется здоровяк — мужчина не старше тридцати лет в темно-синем костюме, который подчеркивает его крепкую, стройную фигуру. Павел Павлович останавливается в дверях.

— Петруша, — подымается Полина Павловна, — как я рада! Ты так редко заходишь!

— Здравствуй, Полинушка, — здоровается с сестрой второй брат. — И рад бы в гости, да наука не пускает. А тем более теперь у нас сессия ученого совета... Полинушка, позволь тебе представить: это Алексей Васильевич, некоторым образом сопричислен к науке, прошу...

— Очень рада, — натянуто улыбается Полина Павловна молодому человеку, но про себя досадует на ученого брата: «Ох, как недогадливы эти профессора! Ну зачем привел незнакомого человека, когда хотелось поговорить семейно, интимно!»

— И кроме того, Полинушка, — близоруко прищуривается профессор, протирая очки, — позволь тебе заявить совершенно конкретно: я адски голоден!

— Все готово. Нину ждать не будем. Она, видно, задерживается на работе. Прошу к столу, — приглашает хозяйка.

— Позвольте, позвольте, — разводит руками профессор, подходя к столу, — в честь какого события такое гастрономическое роскошество? Может, именины?

— Нина выходит замуж! — простодушно выпаливает Павел Павлович.

— Павлуша! Ах, перестань! — толкает брата Полина Павловна.

— Что? Племянница?.. Да неужели она уже невеста? — с наигранной наивностью удивляется ученый дядя и обращается к своему спутнику: — Ох, Алексей Васильевич, кажется, мы попали на смотрины?

— Не смотрины, а семейный совет, — откровенничает Павел Павлович.

— Это просто наказанье! То ученый совет, а теперь семейный совет... — добродушно смеется профессор, развертывая салфетку.

— Да он шутит, не слушайте его! — спешит замять неуместную откровенность брата Полина Павловна. — Наливайте, товарищи, себе водки, а мне рюмочку молдавского.

— Объявляю семейный совет открытым! — не унимается Павел Павлович и шутливо стучит вилкой по графину. — На повестке дня один проблемный вопрос: «Мезальянс, или неравный брак, в наши дни».

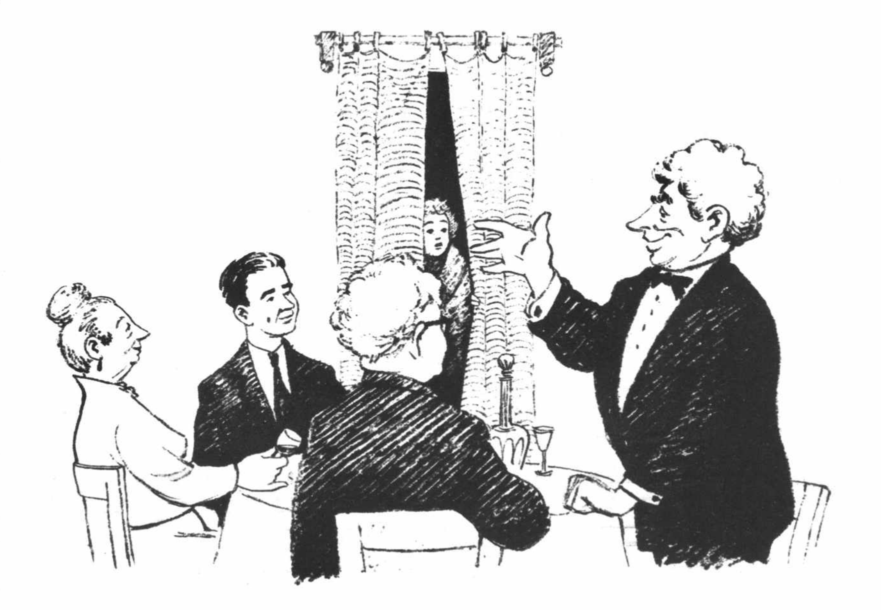
— Интересная тема! — учтиво вступает в беседу гость.

— Прошу слова, так сказать, к порядку дня, — заявляет профессор, придвигая к себе рюмку. — В целях более глубокого и принципиального обсуждения выдвинутой проблемы предлагаю прежде всего осушить по первой.

— Это очень мудрый подход к решению проблемы, — улыбается Алексей Васильевич.

Полина Павловна смотрит на гостя. Такой он интеллигентный, подтянутый, интересный. А глаза открытые, ясные. И улыбка приятная.

«Вот спросить его прямо? — думает она. — Этот ответит честно... Дай-ка спрошу...»

— Интересно, Алексей Васильевич, — обращается она к гостю с чрезвычайно любезной, но несколько смущенной улыбкой, — как бы вы решили вот такой вопрос... Предположим на минуточку, что вы одинокий, холостой...

— Предположим, — соглашается Алексей Васильевич.

— И допустим, надумали жениться.

— Это к чему ты клонишь? — спрашивает профессор.

— А вот к чему, — преодолев смущение, продолжает Полина Павловна. — ...А девушка, ваша невеста, простая, деревенская...

— Допустим, какая-нибудь доярка или свинарка, — вставляет свое слово Павел Павлович.

— Вы примите во внимание неравенство кругозора, — подымает свой худенький пальчик Полина Павловна. — Вы интеллигент. Вы в сфере разных научных интересов. А что такое по сравнению с вами эта доярка, или свинарка, или даже председатель колхоза? Вот и скажите: этот самый мезальянс, то есть неравенство, между вами есть или нет?

— Прошу слова! — заявляет профессор. — Алексей Васильевич, уж позвольте мне ответить на этот проблемный вопрос!

— Пожалуйста, Петр Павлович, — соглашается гость.

Профессор встает, кидает на стол салфетку.

Никто не замечает, как в комнату тихо входит и останавливается у дверей за портьерой девушка в пальто и в серой барашковой шапочке. Это Нина.

— Так вот... — говорит профессор. — Сегодня у нас в институте произошло небольшое событие. Некий человек защищал кандидатскую диссертацию. И защищал умно, талантливо. Порадовал нас, стариков. Одним словом, Алексей Васильевич, могу сообщить вам по секрету: совет присудил вам ученую степень кандидата.

Старый профессор широко улыбается и крепко жмет руку молодому кандидату наук.

— Ах, поздравляю! — восклицает Полина Павловна, несколько удивленная: почему брат завел речь о госте?

— Примите и мои поздравления! — басит Павел Павлович. — И уж позвольте полюбопытствовать: какой специальности посвятил себя Алексей Васильевич, какого, так сказать, профиля?..

— Какой у него профиль? — хитровато щурится профессор. — Самый простой, деревенский. Просто-напросто председатель колхоза... современного профиля. Кандидат наук, да-с...

— А теперь, кроме того, и мой жених! Да-с! — вдруг звонко объявляет Нина, подбегая к столу.

Председатель колхоза — молодой кандидат наук — смеющимися счастливыми глазами смотрит на невесту. Оба они немедленно попадают в могучие объятия дяди-профессора.

— Ну, скажите: гожусь я в сваты? — смеется профессор, целует невесту, жениха и, не выпуская их из своих объятий, обращается к сестре и брату: — Так что же?.. Будем продолжать дискуссию о мезальянсе или объявим просто смотрины? Как вы полагаете?

Ошеломленные Полина Павловна и братец Павлуша в замешательстве оба разом хватаются за рюмки. Рюмки дрожат в их руках, и вино капает на белую крахмальную скатерть.

Ю. КРИВОНОСОВ

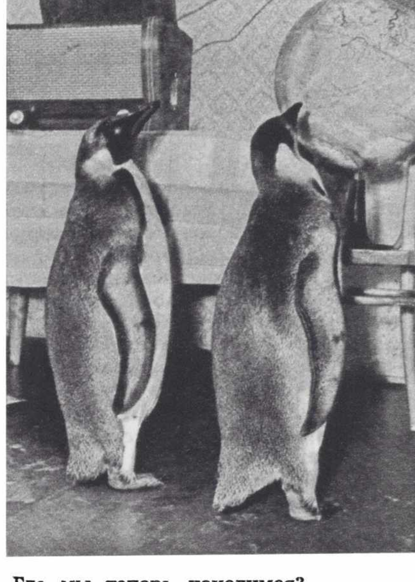
Мишка и Машка

Возвращаясь из Антарктической экспедиции, врач Александр Иванович Михайлов привез с собой двух молодых пингвинов. Они называются императорскими, но носят самые прозаические имена: Машка и Мишка. Пингвины быстро освоились с непривычной обстановкой, чувствуют себя в Опалихе под Москвой прекрасно.

Вот что я увидел в доме Александра Ивановича.

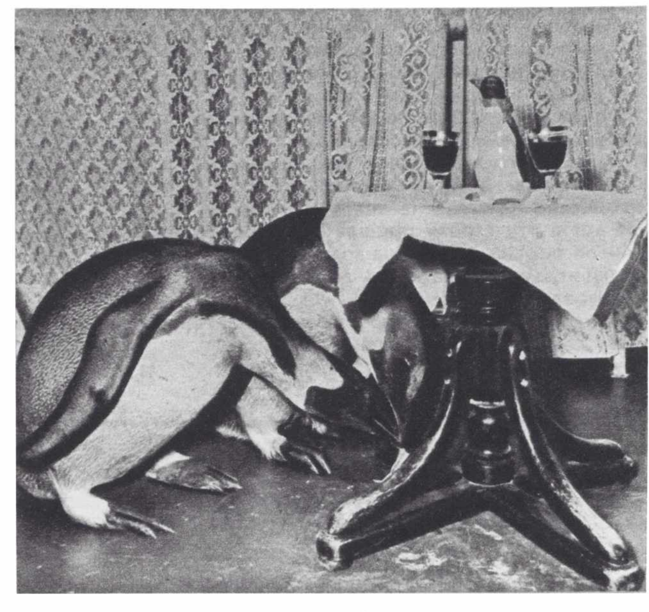
Концерт по заявкам.

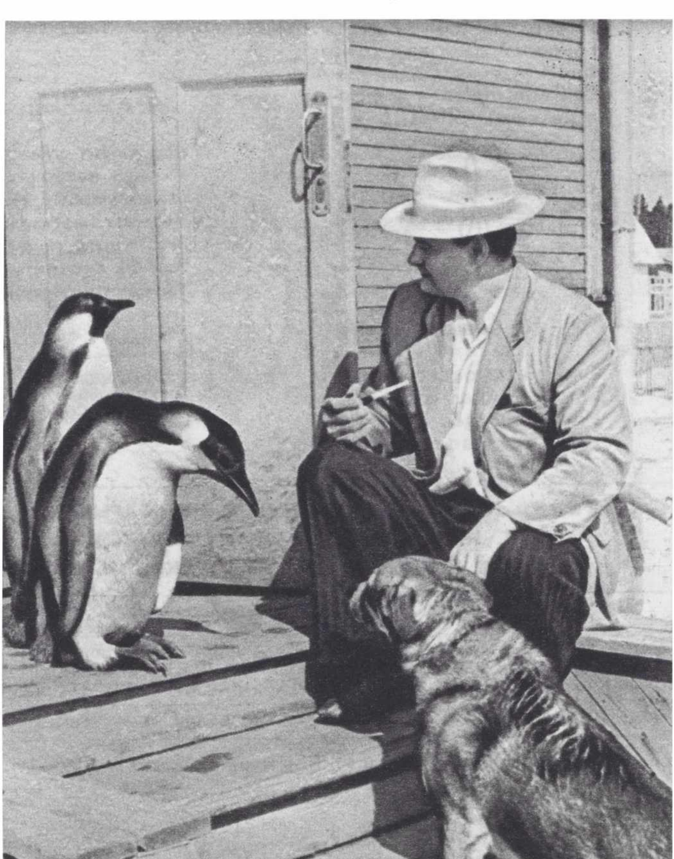
Где мы теперь находимся?..

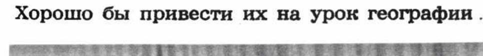
С новосельем!

А закуска под столом.

— Знакомьтесь, друзья!

Хорошо бы привести их на урок географии.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

Полька

Полонез — название торжественного танца — в переводе с французского значит «польский». Но почему польский танец называется по-французски? Он был принят в XVI веке как придворный танец, а при всех дворах феодальной Европы говорили не на языках своих народов, а главным образом по-французски.

Мазурка — польский национальный танец (мазуры населяют северо-восточную часть Польши). Польский же народный танец и краковяк. Его танцуют уже около 600 лет. А родился он в Краковском воеводстве.

Казалось бы, что полька — и подавно польский танец. Но полька не польского происхождения, а чешского. И назван этот танец не по имени поляков. По-чешски «полька» значит «половина». Полька написана в ритме две четверти, основное ее движение — полушаги.

Купец

Просмотрите внимательно наши газеты и журналы. Лишь изредка попадается в них слово «купец», да и то когда говорится о прошлом. Слово это уже начало отмирать. Недалеко то время, когда его надо будет сопровождать примечанием, объясняющим его значение, как мы объясняем, допустим, «протазан» (род старинного холодного оружия).

Слова, образованные от «купить», живут в русском языке более тысячи лет. Еще в 911 году в договоре Руси с Византией говорится о «купле» и о «куплящих».

Благодаря торговому обмену задолго до образования русского государства появились у нас заимствованные у германских народов слова с корнем «кауп» — купити.

А какова история этих слов в германских языках?

В первые века до нашей эры римские легионы начали завоевание земель, населенных германскими племенами. В то время государства у них еще не было. Они сообща обрабатывали землю. Частной собственности на землю германские племена не знали.

И вот в эту страну пришли римляне. Вслед за войсками в числе первых шли шинкарь, кабатчик, торговец спиртными напитками, по-латыни — каупо. Он приобщал варваров к торговле.

От названия этого каупо и родились в германских языках слова для обозначения купить, купец.

И. УРАЗОВ

О ПЛАКАТЕ ХУДОЖНИКА Е. МИГУНОВА

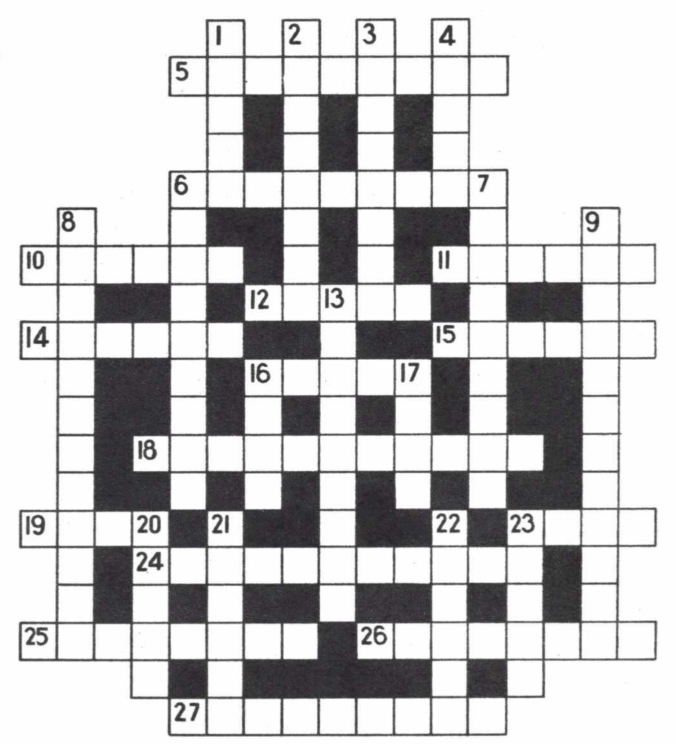
На первой странице обложки журнала «Огонек» № 14 за 1957 год воспроизведен плакат работы художника Е. Мигунова «VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов за мир и дружбу», подготовленный издательством «Изогиз».

Помещение на обложке журнала этого плаката вызвало отклики читателей. Учитель С. Волков из г. Ливны, Орловской области, пишет: «Номер журнала с плакатом Е. Мигунова попал в руки школьников, и те меня атаковали вопросами: кто изображен на плакате? Почему у молодежи чурбановидные фигуры? Почему у всех фигур планомерно под углом скошены плечи, а черепа срублены? Неужели такой плакат будет выпущен к фестивалю?..

На вопросы школьников я ничего не нашелся ответить. Мне даже показалось сперва, что художник Е. Мигунов извлек этот плакат из архивов «Бубнового валета». Это просто преднамеренное, сознательное искажение фигуры человека («образа») под маркой оригинальной трактовки плаката (один товарищ выразился: «офанеривание» человека)».

«Крайне удивительно, что редакция допустила печатание такого «художества»,— пишет читатель Компанцев из г. Станислава.— Ведь хорошо известно, что даже дети, учащиеся рисовать, никогда не изображают человека с квадратной головой или туловищем, а на плакате во всех фигурах преобладают углы и прямые линии, чего в действительности не бывает. Кому нужно такое творчество? А ведь этот плакат, по-видимому, должен фигурировать на фестивале молодежи. Не следует портить художественные вкусы молодежи и удивлять «чудесами» старых людей».

В редакцию поступили письма и других читателей журнала, критикующих плакат работы Е. Мигунова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Город на реке Сыр-Дарье. 6. Певчая птичка. 10. Новый журнал. 11. Слоистая горная порода. 12. Письменное приветствие. 14. Способ приготовления. 15. Ансамбль. 16. Орган государственной власти. 18. Новый химический элемент. 19. Одновременный выстрел из нескольких орудий. 23. Новое государство в Африке. 24. Переложение музыкального произведения. 25. Белорусский танец. 26. Общежитие для учащихся. 27. Музыкальный инструмент.

По вертикали:

1. Время года. 2. Название одной из книг Н. В. Гоголя. 3. Простор. 4. Герой раннего рассказа М. Горького. 6. Художник. 7. Группа людей, объединенных общей работой, общими интересами. 8. Усовершенствование. 9. Область техники. 13. Коренной переворот. 16. Яблочный напиток. 17. Спортивная дорожка. 20. Воодушевление, энтузиазм. 21. Оборона. 22. Часть растения. 23. Курорт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 16

По горизонтали:

6. Таджикистан. 8. Цитрус. 9. Хлопок. 10. Памир. 11. Кеклик. 13. Хребет. 16. Новатор. 18. Алыча. 19. Оплот. 21. Отара. 24. Ферула. 25. Гранат. 26. Каньон. 27. Газета. 33. Саксаул. 34. «Гургули». 35. Адыры. 36. Ирригация.

По вертикали:

1. Лахути. 2. Кишлак. 3. Кишмиш. 4. Сафлор. 5. Авиценна. 7. Озокерит. 12. Канал. 13. Хорог. 14. Карнай. 15. Выделка. 17. Флюорит. 20. Зеравшан. 21. Отрог. 22. Архар. 23. Каракуль. 26. Кокс. 28. Ашуг. 29. Нутрия. 30. Ледник. 31. Каркас. 32. Кудряш.

Эпиграммы

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Декларация эпигонов

Всё мы можем, всё мы смеем,
а на самом деле мы —
помесь Фофанова с Меем,
хина с привкусом хурмы.

Архитекторам

Говорит народ вам точно:
бросьте стряпать кренделя.
Стройте дешево и прочно,
а не лишь забавы для.

Разговор на площади

(К вопросу о медлительности)

— Я что-то, друг мой, не пойму,
картина не ясна мне...
Когда же памятник ему
воздвигнут вместо камня? —
Вопрос был задан напрямик.
Ответ пришел бесспорный:
— Он, не дождавшись, сам
воздвиг,
к тому ж нерукотворный!

Слащавому певцу

Слыхал по радио певца,
хоть не видал его лица.
Но и не видев никогда,
готов признать: вот это н е т!

ИРАНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Вор любит суматоху на базаре.
То, что непрочно, привязанности недостойно.
Зачем умному делать то, в чем он будет еще раскаиваться?
Потерял верблюда, а ищет узду.
Это дурной почерк, хоть он и выведен золотыми буквами.
Как вы смотрите на нас, так и мы смотрим на вас.
Ты быстро идешь, душа моя, я боюсь, что ты отстанешь.

На вкладках этого номера: репродукции работ художников П. В. Васильева, Д. А. Налбандяна, И. А. Соколова, А. А. Ромодановской и две страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00786. Подписано к печати 18/IV 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 453. Заказ № 894.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Пекин. Пионеры на праздничной демонстрации.
Фото Дм. Бальтерманца.

Цена номера 3 руб.

